

Тетралогия
в одном
томе

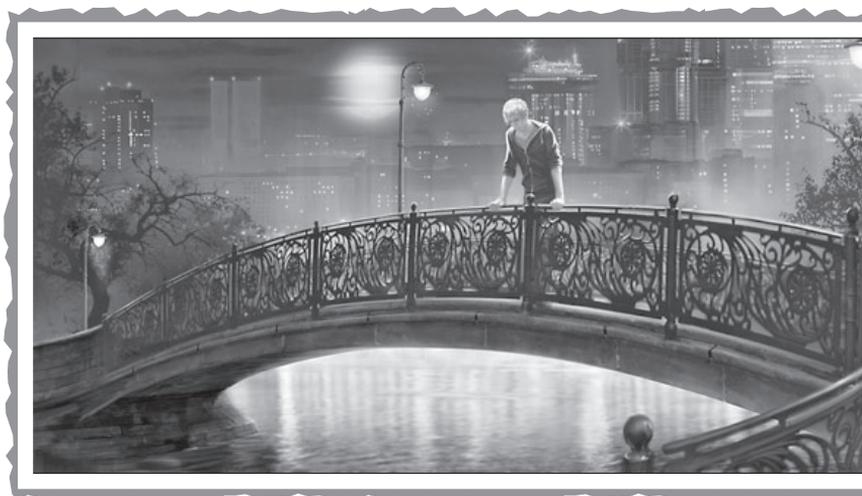
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

Киндрэт

Москва, 2013

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ, ЕЛЕНА БЫЧКОВА, НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

Тетралогия
в одном
томе

- Киндрэт. Кровные братья •
- Колдун из клана Смерти •
- Основатель •
- Новые боги •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2005 году
Выпуск 140

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.

П23 Киндрэт: Киндрэт. Кровные братья; Колдун из клана Смерти; Основатель; Новые боги/Послесл. П. Тюленева. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 1145 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1510-6

Они управляют миром с начала времен, втягивая человечество в бесконечные войны.

Они едины лишь в одном — жажде власти и могущества.

В древности им поклонялись как богам.

Их кровь священна и проклята. И приносит бессмертие, а также — особый дар, который дает полную реализацию скрытым способностям человека...

В современной Столице их существование считают мифом или страшной сказкой, но они продолжают жить среди нас. Их время — ночь. Кровные братья приходят, чтобы убивать, ненавидеть, мстить.

Что люди смогут противопоставить им?..

Цикл получил литературную премию «Странник» как лучший роман в жанре городского фэнтези 2000—2005 гг. на Международном конгрессе писателей в Санкт-Петербурге и вошел в число номинантов на «Книгу года» как лучшая отечественная мистика, триллер, городское фэнтези по версии журнала «Мир Фантастики», 2008, 2010.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1510-6

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А.,
Турчанинова Н. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

- Киандрэт.
Кровные братья ●

12 сентября 1977 года...

Город купался в дожде вторые сутки. Капли тихо шелестели по разбитому асфальту и робко стучались в крышу синего «бентли». Окно машины было опущено. Со стороны водителя горел красный огонек сигареты, и слышалось тихое пение радио. Автомобиль стоял в переулке практически скрытый от глаз прохожих густым покрывалом позднего вечера и дождя.

Впрочем, какие прохожие при такой погоде, в таком месте, в подобное время? Прогулки после захода солнца в районе, где нет даже фонарей, зато в больших количествах бродит всякая шваль, чреватые потерей не только кошелька, но и здоровья. Правда, любители легких деньжат сегодняшней ночью не торопились на работу и пока сидели в своих берлогах.

Неподалеку от машины темнели мусорные ящики. Один оказался перевернут, а его содержимое разбросано по асфальту.

«Колоритное зрелище. — Мужчина, сидящий за рулем, пренебрежительно стряхнул пепел на мокрую дорогу. — Отлично вписывается в окружающий пейзаж и концепцию нового молодежного движения. Как их там? Панки? Помойка — как раз место для подобного направления человеческой культуры».

Вольфгер Владислав считал, что чем дальше, тем сильнее люди сходят с ума. Придумывают что-то новое. Стараются жить так, чтобы хоть на время забыться, ощутить свободу от всего, мешающего существовать. От законов, общества, правил, политики, морали, мнения окружающих. Силится отрицнуть, взлететь над грязью, а если не получается — самим стать мусором. Быть против всего, пытаясь тем самым почувствовать терпкий вкус жизни лишь для того, чтобы рано или поздно все равно умереть. Так было раньше, и так будет всегда. Неумолимый закон. Смерть приходит за всеми. Водитель улынулся. Ну... или почти за всеми.

Иногда бывают исключения.

На одном из ящиков тощая мокрая кошка поспешно выживала из-под крышки объедки. Вольфгер сидел неподвижно уже минут пять, наблюдая за ней. Зверек чувствовал его присутствие. Поначалу даже хотел уйти, но голод оказался сильнее врожденного инстинкта самосохранения. К тому же мужчина не делал попыток напасть. Так что, поколебавшись недолго, кошка принялась за еду. Но бдительности не теряла, ела быстро, торопясь, всем своим видом показывая, что хочет убраться как можно скорее.

Едва слышный звук полицейской сирены пронзил дождливую пелену и спустя несколько секунд стих в отдалении.

В этой части города, состоящей из множества кривых улочек, дворов и тупиков, полицейские были редкостью. Ребята не любят подобные места. Слишком много работы. Слишком много проблем. Кому они нужны? Особенно при таких зарплатах. Куда уж лучше патрулировать ярко освещенные

центральные проспекты столицы и не лезть в болото, из которого можно будет выкарабкаться, лишь написав груды никому не нужных рапортов.

Двадцать три тридцать восемь.

Радио и дождь пели в унисон. Джо Дассен задушевно рассказывал всему миру о том, что стало бы с ним, если бы у него «...не было тебя».

Хорошая песня.

Сигарета дотлела до конца, и Вольфгер выбросил ее в темноту за окном.

Кристоф хотел пойти с ним. Сбирался. И если бы «не было ее», пошел бы точно. Но Флора прикатила на своем ядовито-красном «ягуаре», вошла в холл особняка стремительным шагом, слегка стесненным длинной узкой юбкой, окатила всех присутствующих ароматом пятой «Шанели». И на лице ученика появилось непередаваемое выражение тщательно скрываемой влюбленной дурусти.

— Мэтр, вы уверены, что вас не нужно сопровождать?

— Уверен. Можешь идти. Она не будет ждать долго.

— Я могу отменить встречу.

— Не можешь. Она уже надела на тебя шлейку. Осталось пристегнуть поводок.

Кристоф улыбнулся. Похоже, его не пугала перспектива оказаться в роли преданного пса прекрасной Даханавар. Он был готов принять свою участь до конца.

— Давай, иди. Она ждет.

Флора стояла перед картиной Моне, рассматривая пейзаж со спокойным интересом. Услышала шаги, повернулась, с улыбкой протянула руку для поцелуя.

— Мое почтение, леди. Вы изумительно хороши сегодня. Впрочем, как всегда.

— Добрый вечер, неотразимый Кристоф. — Флора улыбнулась еще обворожительнее, и ее глаза цвета голубого топаза засияли лукаво. — Согласны ли вы быть моим спутником этой ночью?

Глупо было бы отказаться и предпочесть такой женщине скучную встречу и старого учителя.

Двадцать три сорок пять.

Вольфгер еще раз посмотрел на часы и позволил себе небольшое проявление чувств. Поморщился. С досадой.

Тот, кого он ждал, опаздывал, и это было так же странно, как и выбранное для встречи место. Партнер всегда славился своей пунктуальностью.

Что-то случилось? Гадать и просчитывать варианты не имело резона. Сейчас дипломатические отношения слишком нестабильны. Постоянно заключаются новые альянсы и столь же часто распадаются. Предугадать невозможно. Все ищут то, что будет выгодно для своих, и пытаются побольнее уколоть соперников. Впрочем, как всегда. Мышиная возня, дьящаяся уже не первый год. Но на этот раз дело кажется очень серьезным. Вольфгер начинал беспокоиться.

Джо Дассен уже давно допел свою песню, и теперь из динамиков звучал какой-то незатейливый, совершенно приторный мотивчик. Мэтр без сожаления выключил радио и стал слушать дождь. По его мнению, это было гораздо лучше и куда менее назойливо, чем современная музыка. Он не всегда ее понимал, а оттого не любил.

Вольфгер услышал шаги в тот же момент, что и кошка. Зверек оторвался от еды, наострил уши, а затем, решив не рисковать, ловко спрыгнул с мусорного бака и скрылся в подвальном окошке одного из обшарпанных домов.

Мэтр напряг глаза, пытаясь разглядеть вышедшего из подворотни, но мешал дождь. Можно было видеть лишь нечеткий силуэт. Кто именно стоит на противоположном конце короткой улочки — непонятно. Лишь в одном ошибки нет — это один из братьев. Значит, встреча все-таки состоится. Отлично.

Вольфгер недовольно нахмурился, когда понял, что опоздавший не собирается подходить к машине. Лишь махнул рукой, приглашая следовать за собой, а затем развернулся и, не оглядываясь, скрылся за углом.

Подобной наглости водитель не ожидал: «Интересно, кто этот шенок? Новичок, не знающий правил, или... Неужели ставки так высоки, что партнер боится собственной тени? Кого он может опасаться? Амира? Или солдаты Миклоша опять собираются устроить кровавую ночь?»

Мэтр задумчиво побарабанил пальцами по рулю. Хорошо. Сегодня он сделает исключение и сыграет по правилам пригласившего. Вытащив ключи из замка зажигания, бросил их в карман, взял плащ с соседнего сиденья и шагнул из машины. Дождь, как назло, усилился. Поднятый воротник оказался бесполезным. В последний раз оглядев пустую улочку, Вольфгер направился следом за «родственником».

До поворота, где тот скрылся, он дойти не успел. Люди появились внезапно. Слово черти из табакерки. Семеро. Крепкие парни с оружием в руках. Мэтр не стал дожидаться, пока неизвестные выскажут ему свои пожелания. Он не собирался вести пространные разговоры под проливным дождем и тем паче выполнять чужие требования.

На какое-то мгновение Вольфгер почувствовал разочарование. Его совсем ни во что не ставят, если устраивают подобный фарс?! Да еще и с привлечением людей?! Даже опившемуся крови наркомана сыну Лигамента стало бы понятно, что это ловушка. Лишенная смысла. Бездарная. И жалкая. Неужели это действительно инициатива тхорнисхов? Без ведома Миклоша? Тот подобной глупости никогда бы не допустил. Если бил, то наверняка. Мэтр презрительно скривил губы и щелкнул пальцами левой руки. Семеро упали как один. На мокрый, выщербленный выбоинами асфальт. В лужи. В мусор перевернутых баков.

Он не смотрел на них. Умершие от мгновенной остановки сердца не представляли никакой опасности. А вот тот, кто скрылся в проулке, заманивая его в ловушку, может причинить неприятности. Минуты сменялись минутами, но учитель Кристофа не шевелился. Ждал. Вслушивался в шелест дождя, который окончательно промочил волосы, стекал по лицу и заливался за шиворот. Лишь спустя четверть часа мэтр позволил себе расслабиться. Похоже, тот, кто подготовил западню, понял, что затея провалилась, и убрался подобру-поздорову. Интересно, кто это был?

Вольфгер подошел к ближайшему телу, пошевелил носком ботинка зажатый в руке пистолет. И вот с помощью этого они хотели чего-то добиться? Люди воистину ходят с ума. Странно... эти парни не похожи на наемников. Не тот уровень. Слишком грязно сработано для опытных бойцов, которых нанимает Миклош. Он склонился над мертвецом.

Можно оживить его и заставить рассказать правду.

Тонкая струйка некромантической магии потекла в человека. Предельно сосредоточившись, Вольфгер наполнял своей силой мертвые клетки. Глав-

ное, случайно не повредить мозг, иначе невозможно будет получить члено-раздельные ответы на вопросы. Тупой зомби ему не нужен.

Работая, он продолжал интуитивно держать ситуацию под контролем, прислушиваться. Шелестел дождь, с тихим хрипом воздух вошел в легкие реанимируемого, гулко стукнуло сердце. Все спокойно. Опасности нет, но что-то продолжало смутно беспокоить. Настораживало...

Последняя мысль еще не успела оформиться в голове Вольфгера, а он уже начал действовать. Бросил себя влево и вперед, одновременно призывая «Покров Ночи». Но не успел.

Затылок обожгло морозом, и он рухнул на колени. Холод мгновенно раскряхтел по нервам, захватив синапсы и нейроны. Сковал мышцы, парализовал тело, отрезал волю. Незвестный враг лишил его способности использовать магию. Его поймали, как ребенка. Глупого несмышленного «птенца». Выманили, усыпили бдительность и ударили в спину. Это был единственный способ его победить. Лицом к лицу с мэтром не справился бы ни один из Старейшин. Да и сейчас колдун чувствовал, что использованный противником «Пощелуй Медузы» был усилен — в парализующее заклинание вложил силу не один кровный брат, а несколько. Причем не самые слабые представители...

Шум приближающейся машины. Хлопок двери. Шаги по лужам.

— Заберите тело. Господина Вольфгера Владислава ждет долгое путешествие. Кто-нибудь отгоните «бентли». Желательно так, чтобы его никогда не нашли.

Мэтр ощущал полное разочарование. В первую очередь из-за собственной недалёковидности. Когда живешь слишком долго, начинаешь верить в свою неуязвимость и тогда рано или поздно совершаешь ошибку.

Спусти несколько минут на темной улице не было ни следа происшедшего. Тела убраны, машины уехали.

Снова темнота и дождь.

Голодная кошка осторожно выбралась из своего убежища, огляделась и, поняв, что опасность миновала, вновь направилась к мусорному баку.

Глава 1 СКАНЭР

Я могу выдержать грубую силу, но грубая мысль несносна. Есть что-то нечестное в ее действии. Это удар ниже интеллекта¹.

*12 сентября 2004
Дарэл Даханавар*

— Что, нравится? — услышал я за спиной шепот Кристофа и только хмыкнул в ответ.

Он стоял под фонарем, опираясь о перила моста, и ветер трепал его светлые волосы. Подросток лет пятнадцати, за которым я слежу уже несколько дней.

— Так в чем же дело? — снова спросил мой вездесущий, неумолимый друг. — Подойди к нему, и пошли.

¹ Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

— Я не уверен.

— Чушь. Иди, я подожду.

Было в этом тинейджере нечто странное. Необычное. И я никак не мог понять, что именно меня беспокоит. От него как будто тянуло свежим холодным ветром. Бриз, или поток воздуха с ледника. И дело даже не в чистоте крови, хотя я чувствовал, что она не загрязнена наркотиками, никотином или болезнью.

— Первая группа, — пробормотал Крис. — Резус положительный. — Заметил недовольство на моем лице, усмехнулся. — Не обращай внимания. Мысли вслух.

Развернулся и направился прочь по темной, продуваемой ветром улице.

Мальчишка в золотом ореоле, казалось, солнечного света поднял голову, следя за полетом белого ночного мотылька, и я поймал легкую улыбку. Она погасла, когда он увидел меня, стоящего рядом.

— Привет.

Он оглянулся как будто в растерянности. Но так и не решил — отойти ему от подозрительного незнакомца или подождать, пока тот отвяжется сам.

— Дарэл, — сказал я негромко, понимая, что начинаю ненавязчиво *запутывать* его сознание. Совсем чуть-чуть, только для того, чтобы он неожиданно почувствовал доверие ко мне.

И он не мог не ответить.

— Лориан.

Я уже слышал этот голос. В прошлое воскресенье. На Курском вокзале. Тогда он произнес всего лишь три слова: «Ботанический переулок, пожалуйста», — и желтое такси уехало.

Мальчишка представился мне интернетным ником. Настоящее имя ему, уж не знаю почему, не нравилось. Подросток считал его «дурацким». К тому же он решил, что я тоже назвал свое «сетевое» имя. Я прочитал это в его мыслях мельком, не задумываясь.

— Любишь гулять по ночам?

— Да. — Он уже начал потихоньку «привыкать» ко мне. Проходил стадию *узнавания*. По ощущениям для него это должно быть похоже на встречу с хорошо знакомым человеком.

— Приятная привычка.

Теперь мы шли рядом, от одного фонаря к другому. И наши тени, то укорачиваясь, то удлиняясь, бежали впереди. Он бросал на меня редкие любопытные взгляды, стеснялся подолгу задерживать их на моем лице, но чувствовал себя все свободнее. Естественнее. А мне можно было не смотреть на него. Я *видел* его внутренним зрением: ветер с ледника, холодный ровный поток воздуха. И свет. Слегка рассеянный свет солнечного осеннего дня.

— Зайдем?

Я указал на ярко освещенные окна популярного круглосуточного кафе и конечно же услышал в ответ:

— Зайдем.

Здесь было тепло, приглушенно играла музыка, сигаретный дым сизой полосой висел в воздухе. За дальним столиком я увидел Берта. Он был не один. Я не знал его девушку, но она улыбнулась, поднимая свой бокал, и мне показалось, что я ее уже где-то встречал.

Берт холодно кивнул в ответ на мое безмолвное приветствие и отвернулся. Другого я и не ожидал.

Лориан заметил эти многозначительные переглядывания, но ничего не сказал, лишь в глазах его вспыхнуло почти детское любопытство. Я заказал

красное мартини для себя и кока-колу в высоком стакане для него. Мальчишка улыбнулся в ответ на мой выбор. Это был его любимый напиток, и все его друзья были в курсе этого.

Я поднял свой бокал.

Когда он вот так поворачивает голову, становится видна тонкая жилка, которая часто-часто бьется под кожей на шее... Мне показалось, что я чувствую аромат его крови. Губам вдруг стало горячо, и я поспешил поднести бокал ко рту, чтобы прикосновение холодного стекла остудило невыносимый жар.

Подросток смотрел в окно. На противоположную сторону улицы, где висел гигантский рекламный щит с крупной черно-белой фотографией в стиле готика. И в его чувствах зрело устойчивое сожаление. Он знал, что никогда не попадет на премьеру года, о которой сейчас кричат все афиши.

Я кивнул на плакат:

— Хочешь пойти на эту оперу?

Он глянул на меня немного насмешливо:

— Все билеты уже проданы, я узнавал в кассах. И потом, это очень дорого.

— По именному флаерсу абсолютно бесплатно. У моего хорошего друга всегда есть пара штук лишних.

— Он что, директор театра?

— Нет. Поет главную партию.

Тинейджер улыбнулся недоверчиво и произнес наставительно:

— Главную партию в «Призраке» поет Гемран Вэнс.

Но ему не удалось поймать меня на лжи. Я действительно был знаком с кумиром подростков и молодежи, знаменитым Британцем, рок-певцом. Что и сообщил мальчишке. Его лицо слегка вытянулось, глаза округлились от изумления. Меня обожгло ярким восторженным удивлением.

— Серьезно?! Ты его знаешь?! Самого Гемрана?! — Знаков восклицания в этом заявлении можно было поставить сколько угодно. — И давно?

— Достаточно давно. Если хочешь, могу познакомить и тебя.

— Еще бы! — воскликнул он громко и тут же смущенно оглянулся. Берт смотрел в свой бокал. Девушка, улыбаясь, рассматривала бармена. Никто не обращал на нас внимания. Лориан успокоился и продолжил выражать свой восторг на полтона ниже: — Я очень хочу взять у него автограф.

— Завтра, после оперы. Пойдет?

— Да. Отлично!

Он вскинул на меня взгляд, в котором горел восторг от общения с человеком, лично знакомым с «самим Гемраном Вэнсом!!». Это было забавно. Подросток оказался фэном Британца.

— Завтра вечером, без четверти восемь, я буду ждать тебя в холле.

В дымчатой синеве его глаз отразились матовые переливы неяркого света. Словно от лучей заходящего солнца. Несколько мгновений я смотрел на это чудо, затем развернулся и поспешил уйти.

...Звезды гасли одна за другой. Над просыпающейся рекой струился прохладный воздух. Ночная темнота медленно катилась по прозрачному небу все дальше на запад, отступая перед восходящим солнцем...

Конечно, Кристоф не дождался меня. Но я успел. Как всегда. Первые лучи пробилась из-за горизонта в тот миг, когда я закрыл за собой дверь.

Здание оперы было построено в позапрошлом веке. Массивное сооружение из серого камня, щедро украшенное колоннами, статуями и барельефами. Монументальное, холодное, величественное. Подсвеченное нежно-золотыми огнями.

Мраморный Аполлон в развевающейся тунике едва сдерживал четверку коней, готовых сорваться со ската крыши. Музы, нимфы, сатиры и менады застыли в танце вокруг солнечного бога и, казалось, готовы броситься под колеса его квадриги.

На плечах каменных танцоров, на головах лошадей сидели чайки. Их пронзительные крики перекрывали шум города, когда вся стая взмывала в воздух. Птиц нервировал белый дирижабль — он с воем летал вокруг здания, чуть покачиваясь на ветру, — яркая афиша на его боку рекламировала новую постановку Моцарта.

От реки веяло свежестью. Широкая черная лента поблескивала в свете фонарей, отражала перевернутый мост и здания набережной. Чудилось, что они плывут, дрожа в мелких волнах. Шлюзы были закрыты. Три прогулочных теплохода терпеливо стояли у ворот, дожидаясь, пока вода поднимется до нужного уровня. Играла музыка, гомонила публика, кричали чайки.

В здании оперы были люди, я ощущал их даже сквозь каменные стены. Скопление теплых огоньков. Басовито гудящий рой, в однообразном пении которого раздаются высокие голоса, похожие на вскрики речных птиц.

Лориан звучал чистой певучей нотой «соль».

Он пришел и теперь стоял в фойе возле одной из колонн. Волосы растрепанной волной метнулись по лбу, когда он нетерпеливо оглянулся, высматривая меня в толпе. Я видел, как он сжал в руке программку, свернутую трубкой, и машинально убрал непослушную прядь за ухо, уже чувствуя мой пристальный взгляд, но еще не понимая, что я смотрю на него.

Неподалеку топталась компания подростков. Все длинноногие, тонкие, нервные, развязные и неуверенные одновременно. Они то «скрежетали», словно несмазанные телеги, то их «звучание» поднималось до едва переносимого визга. Я содрогнулся внутренне и приглушил обострившуюся чувствительность.

— Лориан.

Я подошел. Как всегда — совершенно бесшумно для человеческого уха. Он слегка вздрогнул и обернулся. На его лице промелькнула легкая неуверенность.

— Добрый вечер. Второй звонок был пару минут назад. Но я решил ждать до последнего и ни за что не упустить такой шанс. Мне бы никогда не удалось купить билет на эту оперу. А познакомиться с Гемраном вообще нереально.

Я смотрел на него и словно видел самого себя его глазами в ярком свете тысячи электрических лампочек — свое бледное лицо, свои глаза... Да, конечно, второй звонок уже прозвучал, ведь солнце сегодня опустилось за горизонт только в семь пятьдесят четыре.

— Умение логически оценить ситуацию — большое достоинство.

В ложе я сел в кресло второго ряда, чтобы видеть линию его шеи, белый воротник рубашки и сцену.

Свет погас. Раздался первые аккорды вступления. Совсем рядом, в опасной близости, я услышал громкий, восторженный стук человеческого сердца. И вновь раздалось беззвучное: «Так в чем же дело!..» Жаркое пламя коснулось моих губ, музыка застыла на одной ноте, прервалось дыхание подростка, замерли в воздухе танцоры, мир остановился... Но я сильно, до боли, сжал ладонь в кулак. Так, что ногти врезались в кожу. Боль немного отрезвила, и огонь отступил. Я опять мог видеть, слышать и чувствовать не только свои желания. Снова заиграл оркестр, и тинэйджер, стряхнувший опасную «паутину», с улыбкой обернулся:

— Ну, как тебе?!

— Нравится.

В темноте зала его глаза блестели, в их глубине, доступной только моему взгляду, вспыхивали золотые лучики чистого, почти солнечного света... А я и забыл, что такое бывает. Еще где-то бывает...

Гемран, как всегда, не разочаровал своих поклонников. В роли кровожадного, но страждущего призрака он был великолепен. Сильный, низкий, чуть хрипловатый голос рок-певца вплетался в мощное пение труб органа. И у меня пробежал мороз по спине, когда со сцены звучало страстное и отчаянное: «Я жизнь свою на ноты положил...» От музыки Баха¹ начинало колотить. Слишком много правды, боли, ярких картин было скрыто в музыкальных фразах.

Пришлось закрыть глаза и снова сжать ладони в кулаки, потому что на меня хлынул поток человеческих чувств. Восторг, замороженное оцепенение, потрясение, грусть, жалкий внешний скептицизм: «слышали мы и не такое», — но под ним все то же восхищение. А рядом со мной яркое, почти слепящее изумление и счастье Лориана, очарованного волшебной музыкой и голосом. Жаль только, мальчишка не понимал итальянского, на котором Призрак пел свою арию.

Я наклонился ближе к юному фэну и шепотом стал переводить:

Безумец я! Прозрение пришло. Покоя нет,
Лишь страсть во мне — всевластна.
Как лезвие клинка мечта была опасна:
Я жизнь свою на ноты положил.
Безумец я...

Он внимательно слушал несколько секунд, а потом вдруг мотнул головой и зашептал яростно:

— Нет! Не надо! Так хуже! Я не понимаю, но чувствую, что он говорит!

Я улыбнулся и откинулся обратно на спинку. Правда. Чувствует.

Долгая тягучая нота органа заглушила голос певца. Последние слова утонули в дрожащем минорном «фа». Мгновение зал сидел молча, словно зачарованный, а затем взорвался аплодисментами.

Лориан повернул ко мне светящееся от восторга лицо. Глаза его блестели.

— Потрясающе! Просто обалденно!

— Лориан. Мне нужно уйти.

— Что-то случилось? — Счастье и удовольствие мгновенно смыло с его лица. Он стал подниматься следом, не спуская с меня удрученного взгляда — решил, что я имею в виду уход из театра и он тоже должен покинуть гостевую ложу, а уж о знакомстве с Вэнсом можно просто забыть. Но я указал ему на прежнее место:

— Нет. Останься здесь. Дождись меня. Я скоро вернусь.

Я возвратился в самом конце антракта. Сердце мое снова было спокойно, почти холодно. Угли недавнего пожара смиренно тлели где-то в глубине души, и возвращение к прежнему безумству казалось слишком утомительным.

---

¹ Дарэл действительно не имеет в виду знаменитую оперу Эндрю Ллойда Уэббера «Призрак оперы».

Лориан не обернулся, когда я вошел в ложу, продолжая рассеянно постукивать ладонью по бортику и смотреть в зал.

— Будешь мороженое? Сливочное, с орехами и кленовым сиропом.

Подросток искоса взглянул на меня и удивленно приподнял брови, увидев в моих руках запотевший стаканчик с пластиковой ложечкой.

— Ты просто... телепат! Как ты догадался, что я смертельно хочу мороженого? Я сейчас отдам деньги.

Он потянулся к карману, но, скользнув взглядом по моему лицу, остановился:

— Дарэл, у тебя кровь. Похоже, нижняя губа рассечена...

Я прикоснулся к коже и посмотрел на кончики пальцев. На одном осталась алая капля.

— Пустяк. Прокусил, наверное.

Он посмотрел недоверчиво. Но спросил совсем не то, что хотел:

— Дать тебе платок?

Однако я опередил его:

— Нет. Спасибо. У меня есть... Ешь свое мороженое, а то растает.

В последней сцене, когда человек-призрак умирал под черную, тяжелую, мрачную музыку, Лориан сидел, сжавшись в кресле, исподлобья смотрел на сцену. И оглушал меня состраданием к выдуманному персонажу...

Занавес опустился в полной тишине. И снова овации. Распаренный, довольный Вэнс в распахнутой на груди шелковой рубашке выходил на поклон. Принимал букеты, завернутые в хрустящий целлофан, улыбался своим партнерам. Но это было «уже не то», как неожиданно почувствовал Лориан. Ему больше нравился тот одинокий, опасный Призрак, чем благополучный Британец, освещенный прожекторами славы. Мальчишка не сказал мне ничего, но засомневался, хочет ли знакомиться с певцом лично. Вдруг тот окажется «совсем не таким».

— «Нельзя прикасаться к идолам, — произнес я негромко, — позолота остается на пальцах»¹.

— Что? — Тинейджер, пробирающийся между кресел к выходу, оглянулся на меня, озадаченно наморщив лоб.

— Ты все еще хочешь посмотреть на Вэнса вблизи?

— Да! Конечно! — Мимолетные сомнения были забыты. «Это же сам Вэнс!!»

Рабочие помещения оперного театра, в отличие от блистательной сцены и роскошного зала, были холодными, серыми, мрачными. Чрезмерно высокие потолки с остатками лепнины, тяжелые, скрипучие двери, сквозняки и вечные звуки нежилого, старого дома. Заглушенные закулисной суетой, они были доступны только моему обостренному слуху. Пение ветра на чердаке, потрескивание рассыхающихся деревянных панелей, возня крыс в кучах старого реквизита в подвале. Шелест, шепот, шуршание, вздохи.

Остатки давних эмоций, отголоски древних страстей. Думаю, Кристоф увидел бы здесь настоящих призраков, неуспокоенных жителей потустороннего мира. Я слышал лишь голоса, произносящие обрывки монологов, улавливал чувства. То далекие, серые, как будто присыпанные пылью, то взрывающиеся яркой жгучей болью.

¹ Дарэл не совсем точно цитирует фразу из романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари».

Слишком долго люди жили здесь чужими чувствами, слишком правдиво страдали, любили и ненавидели — каждый вечер на сцене, каждый день в репетиционном зале и гримерных. Наверное, кое-кто из наиболее чувствительных актеров видел тут фантомы — маленьких балерин с голубоватыми от холода плечами и тонкими ногами, грациозных и печальных, черную сторбленную фигуру старого трагика, мелькающую в конце темного коридора. Слышал хлопки невидимых дверей и серебристую, тающую вдаль, музыку.

Но сейчас никому не было дела до таинственных звуков. Опера гудела реальными живыми голосами.

Вэнс сидел в своей гримерной, в компании приятелей-артистов (двоих из них я знал, третий был новеньким), пары симпатичных поклонниц и нескольких бутылок вина. Узкое, ярко освещенное помещение было заставлено корзинами цветов. Их ароматы плыли, смешиваясь с запахом человеческого пота и театрального грима. Особенно удушающе благоухали белые лилии.

Гемран больше не играл на публику, но выглядел, как всегда, эффектно. Темные, мелко вьющиеся волосы небрежными прядями спадали на широкий воротник белой рубашки, на шее серебряная цепь в палец толщиной, на ней болтается амулет непонятного назначения. Черные кожаные штаны слегка потерты, на правом колене подсыхает рисунок, сделанный красной губной помадой, — сердце, перечеркнутое колючей проволокой. Широкие скулы, тяжелый подбородок — лицо крестьянина или разнорабочего. Неуловимый взгляд.

Вэнс предпочитал смотреть в свой стакан, а не на собеседника. Но когда удавалось заглянуть в его глаза, было видно, как сияет в них яркая, переменчивая, человеческая сила. Внутренняя гениальность — так я называл про себя этот свет.

Фэриартос до сих пор не добрался до него только потому, что он не был красив. А наша богема принимала в свой клан лишь физически совершенных людей.

Лориан, слегка робея, держался позади, но успевал с любопытством ози-раться по сторонам.

Меня приветствовали радостными, дружелюбными возгласами. Выделили место рядом с Вэнсом, вручили стакан с вином. Мальчишка пристроился на краешке дивана чуть дальше меня и с восторгом разглядывал своего кумира.

При ближайшем рассмотрении Британец выглядел уставшим. Вымотан-ный до предела, выжатый.

Вокруг глаз — темные круги, щеки запали. Тяжелые крестьянские руки устало лежали на подлокотниках кресла, как будто только что выпустив руко-ять плуга. Гемран честно «отпахал» оперу и теперь отдыхал. Его не поддержи-вала нервная энергия, которая часто бурлит в артистах после представле-ния. Он чувствовал усталость сразу, как только опускался занавес. Ему хоте-лось спать, но традиция требовала посидеть с друзьями и выпить за успешную премьеру.

— Ну как? — неопределенно поинтересовался рок-певец, внимательно рассматривая носок своего ботинка. Вопрос был обращен ко мне. Он знал, что я был на премьере, и теперь хотел услышать мое мнение.

— Отлично. Мне понравилось. Только в последнем акте ты слегка пере-грыбаешь.

— Ха! — Сидящий напротив парень презрительно выпятил нижнюю гу-бу. Его волосы были выкрашены в черный цвет, одежда полностью из черной кожи. — Мнение дилетанта.

Вэнс проигнорировал это высказывание, пристально взглянул на меня:

— А что зал?

— Полный восторг. Особенно в третьем акте.

Глубокая морщина на лбу певца разгладилась, он улыбнулся.

— Ерунда, — заявил все тот же скептик. — Ты сам видел реакцию зала.

— Дарэл — эмпат, — пояснил терпеливый Гемран. — Он не только видит, но еще и чувствует.

Я ощутил на себе быстрый, внимательный взгляд Лорина.

— И в чем конкретно выражается эта сверхчувствительность? — Парень в черной коже уставился на меня с недоверием. — Ты можешь почувствовать реакцию целого зала?

Кэнзо усмехнулся. Я не знал его настоящего имени, только прозвище. Он был главным исполнителем почти всех ролей героев-любовников в театре. Особым талантом не отличался, зато радовал глаз скульптурной правильно-стью черт лица.

— Что, лорд Вампир, не верится? — спросил он насмешливо, вытащил из ведерка со льдом бутылку с шампанским, стараясь не капнуть на брюки, отпил прямо из горлышка.

Мне показалось, я ослышался:

— Как ты его назвал?

— Лорд Вампир, — повторил Элл — бас-гитарист из группы Вэнса, показывая в улыбке чуть крупноватые, но ровные зубы. Протянул руку и забрал у приятеля бутылку. — Он гот.

Одна из девиц, блондинка в слишком узком для нее синем платье, захихикала. Другая — неестественно черная брюнетка — с обожанием смотрела на «лорда», внимая каждому его слову.

Среди моих друзей было много странных индивидов. Включая типов с весьма экзотичным разделением личности. Но с готами общаться пока не приходилось. Поэтому я с любопытством, не уступающим пытливости Лориана, уставился на новый человеческий экземпляр. Интересно, насколько серьезно его увлечение потусторонними силами?

Тот, решив, что шокировал меня, теперь с горделивым удовольствием ждал вопросов, которые обычно задают в таких случаях.

— Ты правда вампир? Настоящий?

— В нашем мире нет ничего настоящего и постоянного, — ответил он, наслаждаясь вниманием всех присутствующих. — Все относительно и временно. Да, я вампир.

Лориан рядом едва слышно скептически хмыкнул, но от комментариев вслух воздержался. Я внимательно вгляделся в готического приятеля Вэнса. Черные волосы, скорее всего крашенные, темная одежда, светлая незагорелая кожа, безграничное удовольствие от своего придуманного, эффектного образа. Ну да, и конечно же великолепные искусственные клыки, продемонстрированные мне в широкой улыбке. Образец стоматологического искусства.

— Навероятно, — произнес я задумчиво. «Вампир» был польщен моим изумлением и решил, что его оригинальность превосходит мою. — А что, кровь ты пьешь?

— Естественно, — лениво признался тот. — Время от времени это необходимо.

— И где берешь?

— Из банки с томатным соком, — снова вмешался в беседу Кэнзо, жестом велел кому-то заглянувшему в примерную из коридора закрыть дверь. —

Цвет и консистенция почти одинаковые, а воображение восполнит недостающие вкус и запах.

«Вампир» раздраженно сверкнул на него глазами. Лориан и блондинка в синем платье одновременно фыркнули от смеха. А я вдруг увидел яркую картину из памяти гота. Темная кухня, горящие свечи, красные шторы на окнах. «Лорд» в бордовом халате с длинным поясом подходит к черному холодильнику, открывает дверцу и достает стеклянную банку с густой красной жидкостью. С лицом величественным и непроницаемым наполняет хрустальный кубок. Направляется в комнату. Там, среди шелковых красных подушек на кровати возлежит брюнетка в черном кружевном пеньюаре. Ее губы накрашены темно-вишневой помадой, веки покрыты черными тенями, короткие волосы, естественно, тоже черны как ночь. Она медленно протягивает руку, и «вампир» подает ей кубок с томатным соком, изображающим кровь.

Мне стало смешно. Но я вовремя успел прикусить нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Люди очень трепетно относятся к своим увлечениям и образу жизни. Не стоит насмехаться над тем, что им дорого. Пусть лучше этот парень играет в вампира, чем станет настоящим. Одним из тхорнисхов, например.

— Я тоже увлекаюсь готикой, — заявил неожиданно Лориан и покраснел, когда все посмотрели на него. — То есть готической музыкой. Гемран, я слушал ваш диск «Немезида». Он весь об этом.

— Я играю музыку разных направлений, — снисходительно ответил Вэнс, выслушав мальчишку.

— Кстати, — вмешался я. — Это Лориан, твой большой фанат. Дай ему автограф.

Гемран выдвинул ящик стола, возле которого сидел, с грохотом разворочив его содержимое.

— Где-то у меня был подарочный диск. А, вот.

Вытащил плоскую квадратную коробочку и маркер. Достал вкладыш из-под крышки, размашисто расписался под своей фотографией. Протянул подростку:

— Держи.

«Лориану, который любит готику так же, как и я», — прочитал надпись мой протеже и глубоко вздохнул. Восторг был полным.

— Спасибо! Это... это здорово! Я даже не думал, что когда-нибудь буду сидеть в одной комнате с самим Гемраном Вэнсом!

Он наконец произнес эту фразу вслух и покраснел еще сильнее.

— Не за что. Приходи еще, буду рад видеть. — С улыбкой отозвался рок-певец. Ему было приятно. Мое одобрение и восхищение юного фэна пришлились очень кстати, поддержав творческое вдохновение. Вещь капризную и требующую постоянного стимулирования.

Мы посидели еще минут пятнадцать, послушали болтовню музыкантов, потом попрощались и ушли. Естественно, Лориан готов был провести в компании Вэнса хоть всю ночь, но меня ждали дела, да и Британец мечтал сейчас только об отдыхе после премьеры.

На улице было холодно. Ветрено. Низкие тучи затянули небо. Временами начинал капать дождь. Обещанный циклон все-таки добрался до нас и накрыл город.

Мы шли до метро дворами. Здесь было тихо и безлюдно, только пару раз встретились унылые владельцы собак, вынужденные в любую погоду сопровождать своих питомцев по их неотложным делам. Люди не обратили на нас внимания, зато животные забеспокоились.

Одна из них, овчарка, зарычала на меня, вздыбив шерсть на загривке. Однако в ее голосе было больше испуга, чем грозного предупреждения. Другая — кудлатая болонка — с визгом умчалась в дальний конец двора и залилась там истеричным звонким лаем.

— А тебя собаки не любят, — задумчиво произнес Лориан. — Интересно, почему?

— Наверное, потому, что любят коты, — пошутил я. Хотя это было неправдой. Коты меня тоже боялись.

Мальчишка улыбнулся и снова задумался. Его мысли перескакивали с одной на другую. Ассоциации возникали самые дикие. Чувства тоже казались растрепанными. «Друзья обалдеют... автограф самого Вэнса... на оперу бесплатно попал, сам бы билет не купил, а в принципе какая разница... нормальный этот Дарэл, хоть и чудной. Но по крайней мере не такой, как тот гот...»

— По-моему, это глупо, — озвучил он последнюю мысль, глядя на светящиеся окна дома, мимо которого мы проходили, — считать себя вампиром.

Мне стало любопытно.

— Ты думаешь?

— Точно! Можно играть в кого-то другого. Но быть уверенным, что ты на самом деле вампир, странно. Тебе не кажется?

— Игра и реальность очень близки. — Я перешагнул через лужу, в которой отражался светящийся круг фонаря. — Ты бы удивился, если узнал, сколько людей хотят стать не теми, кем являются на самом деле. Им проще быть кем-то другим, нежели собой. Это уход от реальности, от собственного несовершенства.

Лориан подозрительно посмотрел на меня:

— Ты не психолог случайно?

— Я эмпат, ты же слышал.

— А тебя, значит, все устраивает в себе?

— Почему ты так решил?

— Выглядишь очень довольным, благополучным. И ощущение от тебя такое же. Человек, у которого все отлично.

— В твоём голосе слышится ехидство.

Он улыбнулся:

— Нет, я серьезно. Ты очень... — Лориан задумался, подбирая нужное определение. — Беспечный, что ли.

— Проблемы есть у всех. — Ответил я резковато. Разговор о самом себе уже начал немного утомлять.

Но мальчишку это не смутило. Ему очень хотелось узнать: кто я такой, что у меня на уме и каким образом мне удалось познакомиться «с самим Вэнсом»?!

— И какие у тебя проблемы?

— Недостаток общения.

От неожиданности он едва не споткнулся:

— Это у тебя недостаток общения?!

В душе у него мелькнуло не очень приятное чувство. Подозрение, что я «выпендриваюсь» и набиваю себе цену или просто насмехаюсь над ним.

— Очень многие хотят быть не теми, кем являются. Изображают не то, что испытывают на самом деле. А я улавливаю их подлинные чувства. И знаешь, как редко удается встретить человека, у которого внешние и внутренние эмоции совпадают?

Лориан нахмурился, машинально звякая мелочью в кармане куртки:

— Ты чувствуешь это потому, что эмпат?

В его голосе звучало некоторое сомнение. Он еще не до конца поверил в мои редкие психические способности.

— Да. С тобой, например, общаться легко. Ты говоришь то же, что чувствуешь. У меня нет ощущения постоянного раздвоения, когда человек улыбается тебе, а сам испытывает глубокое отвращение.

Подросток наклонил голову, глядя себе под ноги, засунул руки глубже в карманы. Задумался. Принял мое объяснение:

— Но ведь многие понимают, когда им врут или лицемерят. И для этого вовсе не нужно обладать какими-то особыми качествами.

— Понимают. Но не *чувствуют*, как я.

Мальчишка кивнул. Это объяснение его устроило. Его не задело и не поборобило мое признание собственной уникальности.

— А где ты работаешь? То есть твоя работа как-то связана с твоими способностями?

— Я консультант в одной... фирме. — Даже не соврал. Просто упростил до человеческого уровня понимания свое занятие.

— Ясно. — На самом деле ему было совсем неясно, кого и для чего я консультирую, но он посчитал невежливым расспрашивать дальше.

Следующие пять минут мы шли молча. Каждый из нас думал о своем, не испытывая ни малейшего желания посвящать в эти мысли другого. Вышли на Кутузовский проспект. Здесь дул сильный, порывистый ветер. В разрывах облаков проглядывали куски черного неба. Звезд не было видно, их затмевали огни реклам. По дороге мчались машины, с гладких полированных боков срывалась дождевая пыль.

— Тебе куда? — спросил Лориан, имея в виду метро.

— Серая ветка.

— Запишешь номер моего телефона?

— Говори, я запомню.

Он полез в карман, вытаскивал блестящий новенький сотовый, нажал на несколько кнопок, продиктовал десятизначный набор цифр, сохранил «мою» запись.

— Ну что? Счастливо, Лориан.

— Пока. Спасибо большое за Гемрана.

— Не за что, — повторил я ответ Вэнса.

Я шел вдоль Дмитровского шоссе, рассматривая спешащих навстречу прохожих. Усталые, сосредоточенные, хмурые, счастливые, равнодушные, заинтересованные лица. Если бы я не умел защищаться, они смели бы меня потоком своих мыслей и эмоций.

Мне нравилось бродить по городу, среди людей. Не глядя «выхватывать» человека из толпы и читать его эмоции, видеть мир, окрашенный его чувствами. Для одного ночь была черной, враждебной, холодной. Для другого — мистической и романтической. Для третьего — временем суток, которое нужно тратить только на сон или секс.

Я поднялся по узкой лестнице на железнодорожный мост. Облокотился о перила, глядя на шоссе и пролетающие подо мной редкие автомобили. За спиной, грохоча и обдавая жаром, пронеслась электричка. Железные ограждения затряслись, передавая вибрацию моим ладоням.

А ведь, пожалуй, мне не хватало ощущения, которое возникло в присутствии Лориана. Тепло, беззаботность. И солнце. Я видел мир, освещенный солнцем, в его воспоминаниях. Очень правдоподобно. Почему-то никто из моих че-

ловеческих друзей не держал в памяти блики света, играющие на листьях, длинные лучи, тянущиеся между стволов деревьев, черные тени от домов...

Я закрыл глаза, представляя это реальнее, и вдруг сквозь шум очередной электрички, бормотание голосов и гул ветра в опорах моста до меня долетел зов. Глухой и отчаянный вопль:

«Дарэл! Дарэл, помоги! Помоги-и!»

Машинально повернувшись в сторону, откуда прилетел крик, я произнес мысленно:

«Слышу. Кто зовет?»

«Артур... Арчи. Я в «Хамелеоне».

«Буду через... — я глянул на часы, — ...десять минут. Жди».

«Жду!» — всхлипнули в ответ.

На месте я оказался через семь с половиной минут. Улица была мне отлично знакома. На ней находились ночные клубы и бары с сомнительной репутацией. За поворотом — военное училище. И, насколько я знаю, будущие военные частенько отрывались здесь от нудной строевой службы. Я приходил сюда не чаще одного раза в две недели, чтобы поесть. В городе насчитывалось около трех десятков подобных заведений — я регулярно посещал их.

Присутствие Арчи чувствовалось по резким вспышкам паники. Я видел этого парня у Констанс. Мелькал он там последние несколько месяцев. Высокий, тощий, нескладный, нервный. Сталкиваясь со мной в коридоре, смотрел с тихим благоговением и поспешно уступал дорогу. Взгляд как у нашкодившего щенка, ожидающего трепки, постоянное желание сделать все правильно, и полное незнание, что именно — правильно. А в глубине души — хорошо скрытая злоба отчаяния.

Интересно, что натворил мой младший братец? И не вызывает вопросов, почему он не просит помощи у Констанс. Темпераментная ирландка имеет склонность жестоко наказывать за малейшую ошибку. А я слышу в клане личностью либеральной и снисходительной.

В клубе, как всегда, было шумно, полутемно и накурено до омерзения. Толкались в дверях девицы, приличные и не очень. Компания развязных молодых людей лениво переговаривалась и посматривала по сторонам с голодной жадностью. Больше всего их интересовали те самые не очень приличные девицы и выпивка со скидкой, полагающейся по флаерсу. Бродили одинокие дамочки, профессия которых без труда читалась на их лицах... Еда, всего лишь еда.

По традиции на фейсконтроле ко мне опять привязалась одна из охранниц. Дважды проверила карманы и, как обычно, не нашла ничего запрещенного. Она помнила меня в лицо и искренне считала извращенцем, который приходит в клуб за удовольствиями сомнительной чистоты. Забавно было чувствовать ее брезгливое высокомерие и ехидное «все я про тебя знаю».

Кристоф никогда не ходил в подобные «клубы», его раздражала толпа, хамство охраны и музыка. Впрочем, нет, однажды мы были здесь вместе. Он с непроницаемым лицом оглядел малый зал, прошел в бар и, ничего не сказав, вышел вон.

Арчи сидел на корточках в мужском туалете, прислонившись спиной к стене, и смотрел в кафельный пол. Серые спутанные волосы свешивались на его лицо, кожаная куртка, предназначенная для того, чтобы придавать больший объем худосочной фигуре, сползла с плеч, согнутые колени торчали под острым углом, на одном — джинсы порваны. Дань моде или последствия драки. На расстроеном лице парня не обращали внимания. Не до него.

Под потолком висело три телевизора. На них лениво сменялись кадры старого порнографического фильма. В противоположном углу двое торопливо курили, передавая друг другу сигарету, судя по запаху дыма — с марихуаной. В одной из кабинок что-то билось о стену через равные промежутки времени, шумела вода в поломанной бачке.

Люди входили и выходили, оставляя после себя дрожащий, запутанный эмоциональный фон, от которого я постарался жестко отключиться.

— Привет.

Арчи вскинул голову, увидел меня, и глубокое отчаяние на его лице сменилось отчаянной надеждой. Вскочил, покачнулся на ногах, затекших от долгого пребывания в одной позе. Схватил меня за рукав:

— Дарэл! Как хорошо, что ты пришел!

Парни с любопытством покосились на нас, но я тут же создал легкую «завету», и любители покурить в туалете потеряли к нам интерес. На какое-то время для людей мы перестали существовать.

— Что случилось?

Он выпустил мой рукав, сжал кулаки, шмыгнул носом:

— Я убил ее. Женщину. В «Лабиринте». Я не хотел. Это получилось случайно. Она дернулась, и...

Он говорил с трудом, как будто выталкивая из себя слова. И смотрел на меня с ожесточением, готовый выслушать справедливые упрёки и оскорбления.

— Ты уверен?

— Конечно! Да. Уверен...

Неприятно. И, главное, не вовремя. Убийство человека в общественном месте одним из даханавар. Интересно, как это отразится на тонкой межклановой политике. С самого первого обращения каждому из нас торжественно рассказывали историю создания имени клана в честь легендарного вампира Даханавара, самого гуманного по отношению к людям за всю историю существования киндрэт. Он скрывался в горах Армении и прославился тем, что никогда не убивал жителей подвластной ему территории — напротив, обладая нечеловеческой мощью, долгие годы защищал их, не давая врагам пройти через горное ущелье и оккупировать страну. И впоследствии нам вдалбливали эту гуманность к людям как аксиому, и ни один из моей семьи не мог безнаказанно позволить себе не только неоправданную жестокость к мертвым, но даже и вполне оправданную.

Представляю довольную физиономию Амира. «Вот вы, уважаемые морюликаи, говорите о гуманности, а сами смертных в борделях режете. Ах, это был не бордель? Ночной клуб?»...

Похоже, предвидение этих слов отразилось на моем лице или долетело отголоском до Арчи. Он снова шмыгнул носом:

— Знаю! Я не должен был! Я не хотел! Это случилось так внезапно!.. Что теперь будет?! Констанс сразу почувствует, что я убил. Мы же не должны! Не имеем права убивать. И полиция... они найдут труп и... там кругом мои отпечатки пальцев. На ее сумочке и на ожерелье. У нее на шее было такое широкое блестящее... И мой телефон. Я дал ей свою визитку. Идиот! Какой же я идиот!!

В полном отчаянии он ударил себя кулаком по лбу. Я перехватил его руку, удерживая от более серьезного членовредительства:

— Где это произошло?

— В «Лабиринте». Я же говорю. Меня теперь арестуют, да? Меня посадят? Слушай, я не могу! Я просто не могу попасть в тюрьму!!

— Успокойся!

Он вздрогнул и замолчал, напуганный моим резким окриком.

— Сначала пойдем посмотрим.

— Я не пойду! Нет! Нет! Я не могу идти туда!

— Пойдешь.

И Арчи, конечно, пошел.

Я мельком взглянул на своего спутника, попытался *прочувствовать* его. С родственниками это сложнее, чем с людьми.словно темная, густая за- веса окружает любого из нас, скрывая мысли и чувства. По желанию собрат может слегка раздвинуть ее, чтобы пообщаться мысленно, или, наоборот, сделать свою мысленную защиту совершенно непроницаемой.

Я умел рассеять «щит» любой степени прочности (за что меня и ценили в родном клане), но сейчас не было необходимости применять свои способности. То ли Арчи еще не умел защищаться от телепатических нападений, то ли был слишком расстроен. Едва *прикоснувшись* к нему, я ощутил его страх. Мальчишка отчаянно трусил. И непонятно, чего он боялся больше — гнева Констанс (а наши дамы-даханавар ужасны в ярости), полиции (этот страх почему-то был очень силен) или непонятных последствий нарушения Клятвы, принятой несколькими кланами еще в незапамятные времена — даханавар, кадаверциан, нософорос, лигаментиа, фэриартос и вьесчи не должны были лишать смертных жизни.

Даханавар вообще не имели права причинять людям вреда — ни физического, ни психологического. По этическим соображениям и во имя доброй славы рода.

Кадаверциан и нософорос были гуманны из чисто практических соображений — сегодня ты убиваешь, завтра тебе нечего будет есть.

Лигаментиа приняли Клятву по каким-то своим, малопонятным и сложнообъяснимым причинам, но строго соблюдали ее. До тех пор, пока были в здравом уме.

Фэриартос, как те, кто тесно связан с искусством, были слишком красивы сами и, видимо, чрезмерно эстетствовали для зрелища смерти.

«Старицы-даханавар» — как называли их саркастически члены враждебных семей — вынуждали вьесчи подчиняться Закону, пока соглашение, заключенное между нашими кланами, остается в силе. (Впрочем, никто не мог поручиться, что в один из подходящих моментов неоглянты не расторгнут стратегически выгодный союз, чтобы объединиться с кем-то другим. И тогда игра пойдет по совершенно иным правилам.)

Если же говорить о Вриколакос (которых не зря называли «серые охотники» и «носящие волчью шкуру») — те следовали только стечению обстоятельств и природной необходимости. Спокойно отпускали живым человека, если тот не начинал сам каким-нибудь образом раздражать их. Так иногда делают сытые тигры. Но вряд ли они хоть на секунду задумывались, если жертва погибала.

Оставшиеся два клана плевали на Клятву, людей и на нас тоже.

Асиман могли бы оправдать свое равнодушие к чужим жизням научной необходимостью. Если бы захотели. Но они никогда ни перед кем не оправдывались. Им было все равно.

А Тхорнисх вообще считались вырожденками.

И если с первыми иногда удавалось хоть как-то договориться, то «ночные спасители», как они себя именовали¹, творили такие зверства, от которых да-

¹ Самоназвание тхорнисхов — клан Нахтцетт, от nacht — «ночь» (нем.) и erretten — «спасать» (нем.).

же у выдержанного Кристофа начиналась неконтролируемая нервная дрожь и говорить о них он мог только на старофранцузском, потому что современные языки утратили больше половины ругательств.

Об остальных четырех кланах я практически ничего не знал. Они пропали, затерялись где-то в прошлых веках. И никому сейчас не было дела до их этических представлений.

Мы вышли в коридор. Было заметно, что веселье идет на убыль. Основные огни потушили, людей осталось немного, и все уже какие-то «смазанные», оглушенные, замедленные.

В основном зале звучали слащавые легкие песенки и уныло прыгали молоденькие девчонки в компании курсантов первого года обучения. От вспышек неона под потолком у меня, как всегда, немедленно заломило зубы.

На второй танцевальной площадке пульсировала музыка потяжелее. В четырех «клетках», установленных в разных концах просторного помещения, довольно профессионально изгибались девушки в коротких серебристых шортиках и узких топиках. На сцене, возвышающейся в центре, по пятницам проводились пошлейшие конкурсы типа «Получи музыкальный центр, изобразив самую эротичную позу» или «Почувствуй себя трансвеститом».

А между двумя дискотечными площадками тянулся «Лабиринт». Темный коридор с неосвещенными нишами — закутками, где парочки, пришедшие в клуб, могли уединиться. На входе справа стоял охранник в черном костюме с белым пятном бейджа на груди, слева — новенький автомат, выдающий презервативы и жевательную резинку. Из темноты веяло жалкими вялыми всплесками эмоций, словно туда сползли полусонные рептилии, желая погреться друг о друга перед тем, как впасть в спячку.

Я машинально потряс головой и взглянул на хмурого Арчи, нервно покусывающего нижнюю губу.

— Там?

— Да.

— Зайду взгляну.

Но я не успел. Из «Лабиринта» вылетел такой яркий и мощный поток ужаса, что мои рецепторы парализовало на мгновение, затем раздался громкий вопль, и в зал вылетел подросток, на ходу застегивая джинсы.

— Она там! — вопил он. — Там! Мертвая! Кровь! Лежит!

И началась обычная бессмысленная человеческая паника. Беготня, крики и столпотворение.

— Ну все. — В голосе Арчи прозвучало обреченное спокойствие самоубийцы. — Мне конец.

— Пока еще нет.

Я взял его за локоть и, преодолевая легкое сопротивление, отвел подальше от входа в «Лабиринт», к углу сцены.

— Я знаю, кто мог бы тебе помочь.

Мой непутевый родственничек покосился на двух девчонок, испуганно топчущихся неподалеку, и спросил дрожащим голосом:

— Кто?!

— Некромант, естественно. А теперь помолчи немного.

Арчи испуганно замер, не зная, принимать ли мое заявление о некроманте всерьез. Я настроился, прислушался и позвал мысленно:

— Крис... Кристоф!

Целая минута ожидания и наконец:

— Дарэл?..

— Крис, мне нужна твоя помощь.

— Где ты?

— Клуб «Хамелеон».

— Еду.

Арчи, преданно заглядывающий мне в глаза, встрепенулся:

— Ну? Что?

— Ждем.

— А он точно придет?

— Обещал. А теперь расслабься и объясни, почему ты так боишься полиции?

Расслабиться у Арчи не получалось — он не сводил глаз с темного провала «Лабиринта», где лежала изуверенная им женщина, и периодически нервно вздыхал. Я видел в его воспоминании девушку с неестественно вывернутой окровавленной шеей.

— У них в картотеке есть... кое-что на меня. Я отпущен на поруки, и если на меня повесят еще и убийство...

— Ну и что?

— Дар, ты не понимаешь! Ты слишком давно не человек! Тебе все равно! Никто не знает твоего адреса, не помнит в лицо, кроме таких же, как ты! А я... родители не переживут, если узнают, что их сын — убийца!

Я взял его за плечи и развернул к себе, заглядывая не только в глаза, но и глубоко в душу.

— А что с ними будет, если они узнают, что их сын вампир? Они ведь не в курсе этого?

Арчи закусил губы. Мне показалось — еще немного и он расплечется.

— Мальчик, как же ты ухитряешься скрывать?! Это просто невозможно!

— Отец часто уезжает в командировки, его подолгу не бывает дома, а мама... маме я говорю, что работаю по ночам. Я знаю, что так долго продолжаться не может, но... Дарэл, я люблю их, они же не виноваты! Я не могу бросить их!

— О да! — Я легко оттолкнул его, и парень снова прижался к стене, глядя на меня несчастными, покрасневшими глазами. — Единственное, чего я не понимаю — зачем Констанс обратила тебя.

— Я очень хороший компьютерщик, прирожденный хакер, я могу взломать любую систему. Констанс говорила, что вам это может быть очень полезно.

— Поэтому полиция интересуется тобой?

— Да. Однажды я попался случайно... Но мне удалось выкрутиться. А в этот раз... В этот раз не представляю, что будет.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Давно ты в клане?

— Четыре месяца.

— Глупый птенец! Констанс знает, что ты продолжаешь общаться с родными?

— Я не говорил... но, наверное, она догадывается. Она сказала, что я должен забыть прежнюю жизнь, друзей, родителей, но я не могу. Не говори ей. Она очень умная, но она не поймет. А ты... я знаю, ты умеешь читать чувства. Ты же понимаешь меня?!

Сколько отчаяния и тоски! Сколько ошибок еще он наделает, пытаясь соединить две несовместимые жизни.

— Я понимаю тебя.

Пока еще понимаю, но это продлится недолго. Через несколько лет ты почувствуешь в себе силу и равнодушие к смертным, тебя начнет раздражать их

неповоротливость, бессмысленная суета, их привычки и слабости, запах человеческой еды будет непереносим, а запах их крови сладок и притягателен. Тогда ты станешь достойным представителем клана, и Констанс перестанет сердиться на тебя.

— Дарэл! — Арчи дотронулся до моей руки, прерывая неприятные раздумья, и почтительно показал взглядом на высокую фигуру, приближающуюся к нам.

О легендарном Кристофе, самом могущественном колдуне из клана Кадаверциан, знали все. Мой братец-даханавар с жадным любопытством, перекрывающим даже страх за свою судьбу, рассматривал историческую личность. Забавно было читать его мысли: «Лет двадцать восемь... ну, может, тридцать. Высокий! А говорят, в древности все были низкими. Сколько же он живет? Восемь? Десять веков? Да, видно, что старый. Лицо несовременное. Как на картине... Но фигура вполне спортивная. Девицы по нему должны с ума сойти. Он, вроде, француз?.. Ну да, они все темноволосые... И у этого волосы черные. Длинные слишком. И глаза чудные... ненормально зеленые какие-то. Или это потому, что он некромант?» Арчи, снова вспомнив о «специализации» кадаверциана, непроизвольно отступил. Я усмехнулся про себя и шагнул навстречу колдуну.

— Крис! Я рад тебя видеть! Ты очень вовремя. Нам нужна помощь.

— Я понял. — Мой друг оглядывался по сторонам, на свой лад «сканируя» пространство. Он уже чувствовал знакомый запах смерти.

Арчи резко выдохнул и с отчаянной мольбой уставился на меня.

— Ты его последняя надежда, — сказал я кадаверциану. — Сделай что-нибудь, иначе у мальчика будут неприятности.

Кристоф холодно и равнодушно посмотрел на хакера, тот сжался под его взглядом и не решился вымолвить ни слова в свое оправдание.

— Крис, ради меня.

Несколько мгновений кадаверциан изучал оцепеневшего мальчишку-даханавара, потом отвернулся и сказал с прежним высокомерием в голосе:

— Только ради тебя, Дарэл... Кстати, у дверей остановились две полицейские машины в полной боевой готовности, так что можете пока придумать себе правдоподобное алиби.

— Мы не сможем сейчас подойти к телу?

Он отрицательно покачал головой, взгляд его стал пустым, безжизненным, глаза потемнели из-за расширившихся зрачков. В воздухе вдруг запахло резким и свежим запахом аниса, совершенно неуместным в прокуренном «Хамелеоне». В пальцах колдуна зашевелилось что-то. Он изо всех сил сжал этот живой комок. Прошептал над ним заклинание, потом быстро прокусил запястье и позволил нескольким каплям крови упасть в пульсирующий «огонь».

— Что ты сделал? — спросил я с любопытством.

— Сейчас увидишь. — Кадаверциан жестом заставил нас отступить дальше к стене.

А еще через мгновение полутемный коридор заполнился людьми в форме. Спокойно, по-деловому они оттеснили любопытствующих. Самый главный свидетель — все тот же мальчишка-подросток — возбужденно и, видимо, уже не в первый раз рассказывал сосредоточенному хмурому офицеру, где и как он нашел тело. Заместитель директора клуба с унылой физиономией вяло пытался объяснить назначение «Лабиринта» и с тоской оглядывался по сторонам. К нише приблизился врач.

В этот момент Кристоф приподнял ладонь. И дальше произошло невероятное. Девушка, несколько мгновений назад лежавшая в темном закутке в

неестественной позе с вывернутой шеей, приподнялась на полу, вскочила, сделала несколько шагов... И вот она уже стояла рядом с представителями власти. Живая. Более того — на ее горле и лице не оказалось ни капли крови.

— В чем дело? — резко спросила она у ошеломленного офицера полиции. — В чем дело, я вас спрашиваю?!

— Извините, барышня, — начал тот неприятное объяснение. — Нам сообщили, что вы...

— Да она была мертвая! — закричал парнишка, чувствуя, что из важного свидетеля он превращается во всеобщее посмешище. — Говорю вам, она была вся в крови и не дышала!

— Вы что, с ума посходили?! — завопила ожившая девица. (Не знаю, как при жизни, но после смерти характер у нее оказался скандальный.) — Это что, шутка такая дурацкая?! Теперь здесь принято выставлять посетителей идиотами?! Я мертвая?! — Она ухватила за руку довольно ехидно улыбающегося врача. — Потрогайте, ну что, я труп?!!

Арчи, внимательно наблюдавший за всеми присутствующими, хихикнул и с восхищением посмотрел на главного режиссера разворачивающегося скандала. Крис искоса взглянул на него, едва заметно подмигнул и снова устремил свое внимание на «сцену». Девица продолжала буйнить. Она требовала, чтобы врач пощупал ее пульс, тот слабо отбивался.

— Успокойтесь, мадмуазель, — уговаривал «пострадавшую» непробиваемый офицер. — Случилось недоразумение, молодому человеку показалось.

— А я что — псих?! — завелся мальчишка. — Я видел, как она лежала со сломанной шеей. Вот там! Вот так! — Он попытался изобразить, как именно лежала убитая, но его схватили за шкуру и поставили на ноги.

— Я тебе сейчас самому шею сломаю, наркоман несчастный! — взъярилась мертвая красотка, наступая на него.

Офицер побагровел, медик, равнодушно отвернувшись, искал что-то в своем портфеле, толпа росла, охрана тщетно пыталась вытеснить любопытных, среди которых белело перекошенное лицо замдиректора, уже почувствовавшего, что весь скандал ему придется вывозить на своих плечах. И в этот самый миг Кристоф, едва заметно улыбаясь, разжал ладонь. Пульсирующее «пламя» вспыхнуло последний раз и рассеялось.

Посреди фразы «Не позволю над собой так...» девица вдруг побледнела, схватилась за сердце, мучительно повела по сторонам мутнеющим взглядом и рухнула на пол.

Толпа замерла. В полной тишине послышался резкий женский всхлип, и на меня понеслась волна многократно усиленных человеческих эмоций. Врач вмиг перестал ухмыляться и бросился к девушке. Расталкивая толпу, к ней же поспешил его помощник. Они засуетились, быстро проверили пульс, начали проводить непрямой массаж сердца и делать искусственное дыхание, но неподвижное тело не реагировало.

— Бесполезно, — сказал Кристоф, вытирая ладонь белоснежным платком. — Она мертва.

— Она мертва, — эхом отозвался запыхавшийся врач. — Остановка сердца. Он с досадой посмотрел на парнишку, затеявшего весь этот переполох. — Похоже, ты ясновидящий. Она действительно умерла.

— Они решат, что у нее было слабое сердце, — сказал Кристоф. — Идемте, нам здесь больше нечего делать.

Мы с Арчи послушно направились вслед за ним к выходу. Нас никто не остановил. Полиция была довольна тем, что все закончилось банальным несчастным случаем, дирекция счастлива, что клуб не закроют, толпа перева-

ривала новые впечатления. Конечно, первое время никто не сунется в «Лабиринт», но постепенно трагическое происшествие забудется, и все станет как прежде.

— Спасибо, Кристоф, — неожиданно серьезно и спокойно сказал Арчи. — Ты спас меня. Просто спас. Я твой должник. Если я смогу чем-то помочь тебе...

Кадаверциан насмешливо взглянул на него, и молодой даханавар растерянно замолчал.

— Вряд ли мне когда-нибудь понадобится твоя помощь, мальчик. Это было примитивное колдовство. Оно ничего мне не стоило. Иди, и в следующий раз будь аккуратнее.

Арчи кивнул, украдкой пожал мою руку и быстро, почти бегом, скрылся в одном из темных переулков.

— Хорошая ночь сегодня, — сказал Крис, глядя на небо, чуть прикрытое легкими облаками.

— Значит, примитивное колдовство?

Я посмотрел на его запястье. Рана еще не успела затянуться, и края ее слегка кровоточили.

— Самое примитивное, Дар. — Мой друг равнодушно проводил взглядом полицейские машины, неторопливо отъезжающие от клуба.

— Но ты... ты что, вернул ее душу обратно в тело?!

Кадаверциан весело и удивленно посмотрел на меня:

— Что ты! Нет, конечно! Я же не Господь Бог, чтобы вдохнуть душу в мертвое тело. Это была просто ходячая и говорящая кукла. Я запустил ее механизм на несколько минут, а потом снова остановил его.

— А ты мог бы сделать так, чтобы она жила дольше?

— Да. Я умею делать зомби. Они будут жить, сколько понадобится, но это грязная работа. Тривиальная. Скучная. Я не получаю от нее удовольствия.

Я решил, что не испытываю желания спросить, от какой работы кадаверциан получает удовольствие.

Глава 2 СОВЕТ

Давать советы всегда глупо, но давать полезные советы по меньшей мере вредно¹.

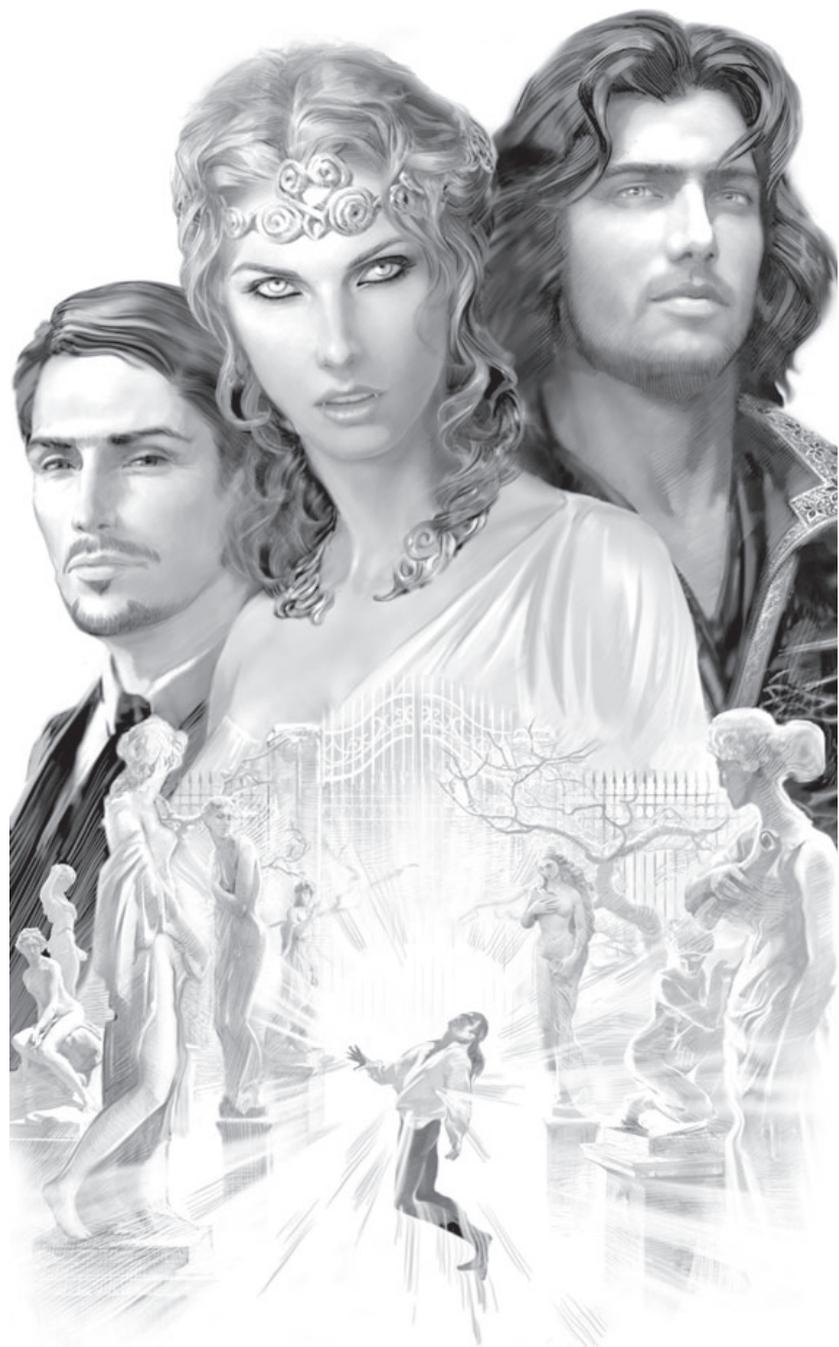
*14 сентября 2004
Дарэл Даханавар*

Констанс уже все знала. Мгновенная мысленная связь учителя с учеником действовала безотказно. Разъяренная фурия с ярко-рыжими волосами набросилась на бедного Арчи:

— Кретин! Безмозглый тупица! Бездарный осел!

Я сел в кресло и вытянул ноги, ожидая продолжения. Низкий, чуть хрипловатый голос ирландки с едва заметным акцентом было приятно слушать, а сама она — в черном кожаном костюме с короткой узкой юбкой и гривой огненных волос — смотрелась весьма экзотично. При этом она удивительно вписывалась в интерьер особняка Фелиции.

• Колдун
из клана Смерти •

Глава 1 ВИВИАН «НИКТО»

Знать своих друзей — это чрезвычайно опасная вещь.

*1 декабря
Дарэл Даханавар*

Капала вода. Монотонно. Размеренно. Казалось, капли срываются с большой высоты и бьются о твердую поверхность. Один удар в секунду.

Я лежу на спине, на холодном полу... Нет, не я. Вивиан. Его воспоминания начинаются отсюда. До этого мгновения в памяти лишь белый клубящийся туман. Больше ничего.

— Кристоф! Я его не чувствую. Никаких воспоминаний.

— Совсем никаких? — Голос кадаверциана прозвучал глухо. Устало.

— Кусок жизни будим вырезан. Туман.

Все начиналось со звука капающей воды, то едва слышного, то усиливающегося до оглушающего грохота.

— Сделай, что можешь. Прочитай то, что можешь.

Что я могу...

Я лучший... единственный сканэр клана Даханавар умею раскрывать чужие мысли, чувства, воспоминания, пробивать ментальный щит любой сложности, передавать другим свои и чужие знания. Но удастся ли мне считать все ощущения, образы, ассоциации — все, что возникало в душе, мыслях и памяти погибающего ученика Кристофа? Увенчается ли успехом попытка сохранить, «переписать» его душу, чтобы вложить ее в другое тело?..

Вивиан умирал медленно и очень мучительно. «Могильная гниль» разъедала его плоть. Оружие Лудэра против кадаверциан, единственная зараза, от которой мастера Смерти не смогли придумать противоядие, действовало безотказно. Более шестисот лет оно считалось потерянным и вот, так некстати, «нашлось».

Безумная идея — перенести сущность Вивиана в другое тело. Не знаю, проводил ли кто-нибудь раньше подобные эксперименты. И что происходило с опытными образцами...

— Дарэл, ты видишь хоть что-нибудь? — негромко спросил Кристоф.

Я сосредоточился, закрыл глаза и снова погрузился в чужую память. В прошлое.

...Горло болело так сильно, что едва можно было дышать. Голова просто раскалывалась. Гортань пересохла, словно начиненная горячим песком, а во рту явственно ощущался мерзкий, горько-соленый привкус.

Вивиан очнулся.

Попытавшись пошевелиться, понял, что лежит на холодной твердой поверхности, рука наткнулась на камень, а затем нашарила какое-то мокрое тряпье. С отвращением он отдернул ладонь и вытер ее о штаны. Те тоже были мокрыми. Зрение вдруг обрело небывалую остроту — он увидел серый бетон

¹ Оскар Уайльд. Замечательная ракета.

неровного пола, острый выступ кирпичной кладки. С труб, привинченных к стене, капала вода. В углу, среди развалившихся гнилых коробок, копошились крысы.

«...Как я оказался здесь? Почему так болит голова?..»

Все прежние воспоминания отрезало начисто. Вивиан поднял руку, чтобы посмотреть на часы, и увидел свои ладони, испачканные липким и красным:

«Кровь?..»

Кровь была на шее и подсыхала на рубашке.

«Что со мной?! Что случилось?.. Хотели ограбить?»

Он судорожно ощупал карманы. Нет, бумажник на месте, в нем несколько купюр, мелочь, ключи... И часы не сняли. Те исправно показывали десять минут второго.

Дня или ночи?

Вивиан понял, что не знает, какое сегодня число, месяц и даже год.

«Нужно выбираться отсюда!»

Он поднялся, но пол тут же качнулся, едва не поменявшись местами с толком, и, чтобы удержаться на ногах, пришлось ухватиться руками за стену. Отвратительная слабость вязко заколыхалась в груди, во рту усилился мерзкий привкус, и Вивиан почувствовал, что очень хочет есть. Нет — умирает от голода! Но мысль о жареном мясе и пиве вызвала отвращение.

Желудок скрутила еще одна судорога боли и голода. Во время нее, едва понимая, что делает, он шагнул к гнилым коробкам, где пищали крысы. Маленькие живые комочки, в которых быстро бьется сердце и бежит теплая сладкая кровь.

Схватить! И вонзить зубы!

Он с отвращением отшвырнул извивающуюся в руке крысу.

«Все очень просто. Я сошел с ума. Или... попробовал наркотики и у меня галлюцинация?»

Боль усилилась, ее стало невозможно терпеть. Вивиан упал на колени и в красном тумане, застилающем глаза, вдруг увидел людей, равнодушно и элегантно перешагивающих через черные лужи, лениво ползущие из-под труб. Парень и девушка. Красивая... Очень красивая. И это почему-то потрясло его сильнее всего.

— Ба! Кого я вижу! — радостно завопил спутник красавицы. — А вот и наш герой! Какое отвратительное место ты выбрал для отдыха.

— Кто... вы? — с трудом выговорил Вивиан и не узнал своего голоса.

Девушка улыбнулась, поигрывая кулоном на длинной цепочке.

— Вопрос не в том, кто мы. А кто — ты, — сказала она бархатным, мурлыкающим голосом. — Хотя можем и представиться. Это Виктор. Я — Идалия. Фэриартос, как ты уже мог заметить.

— Помогите...

— Конечно, мы тебе поможем... — Виктор наклонился и молниеносным движением схватил крадущегося вдоль стены серого зверька. — Смотри, вот то, что тебе сейчас нужно. Сочная, жирная крыса. Лови!

Вивиан дернулся, грызун с писком пролетел мимо, шлепнулся на пол и умчался в темноту. Боль во всем теле вдруг притупилась, но накатил приступ такой злости, что в ней можно было задохнуться. Никогда прежде он не испытывал такого яростного желания убить человека — Виву захотелось броситься на шутника и вцепиться в незащищенную глотку.

— Осторожно, Виктор! — воскликнула девушка скорее с удивлением, чем с испугом, и прыжок осмеянного не достиг цели. Ударом ноги фэриартос отшвырнул его назад, на пол.

— Смотри, щенок умеет огрызаться, — добродушно усмехнулся он. — Ладно, хватит дурачиться. Нужно забрать его отсюда.

И тут Вивиан заметил...

Что-то было не так с их лицами. С зубами. Между приоткрывшихся губ мелькнули блестящие острые клыки.

— Кто вы?!

— Хватит болтать. — Виктор подошел ближе и рывком поставил ничего не понимающего парня на ноги. — Я не собираюсь валандаться со школяром всю ночь.

На улице оказалось прохладно. Подняв голову, Вивиан снова поразился остроте своего зрения. Черная ночь перестала быть черной. Ее густые тени растворились в жемчужном сиянии, льющемся с невероятного, нереального неба — темно-синего, подсвеченного по краям оранжевыми огнями. В их свете вся улица казалась разноцветной... На мгновение он забыл о боли, увидев фиолетовые и лиловые дома. Цветы шиповника атели пятнами на темной зелени куста за серой решеткой парка, из густой кобальтовой тени выступили гранитные тела купидонов, резвящихся на фронте старого дома. На перилах одного из балконов, умываясь, сидела бордовая кошка. Встретившись с человеком взглядом, она выгнула спину дугой, зашипела и прыгнула в комнату.

Мир стал многоцветным, раскрашенным мягкими приглушенными красками, стоило только пристальнее взглянуть в него.

— Что это?

— Сумеречное зрение. — Виктор оглянулся, сказал что-то девушке на незнакомом языке. Та равнодушно усмехнулась.

Мысли Вива мучительно металась в стремлении объяснить ситуацию и найти выход. Он сделал еще одну неудачную попытку завести разговор:

— Виктор, кто вы? Куда меня ведете?

— Узнаешь, — отозвался тот мрачно.

Сознание снова стало меркнуть. Свет от фонарей поплыл перед глазами, вытягиваясь в длинные, колышущиеся в такт шагам гирлянды. Звезды танцевали на небе и рассыпались брызгами. Каждый удар сердца грохотом отдавался в ушах. Боль ушла, но вместо нее тело наполнила отупляющая слабость.

Виктор хлопнул его по плечу:

— Держись, почти пришли...

Деревья раздвинулись. Спутники оказались у роскошного особняка. Стройные колонны поддерживали легкий фронтон крыши. Во многих окнах горел свет. Откуда-то издалека доносились звуки виолончели.

Все эти детали Вивиан замечал отстраненно, будто часть его сознания, свободная от боли, могла спокойно фиксировать окружающее.

Идалия поднялась на крыльцо, открыла дверь, и в то же мгновение Вивиану в лицо ударил желтый свет. Парковая дорожка под ногами вздрогнула, качнулась... Но легкий тычок в спину вернул его к действительности.

Изнутри особняк был похож на музей.

Много статуй. Картины на стенах. Золотые драпировки. Старинные gobelens. Антикварная мебель. Мрамор и лепные украшения на потолке...

Только выглядел этот «музей» странно, словно архитектор, создавший его, имел довольно приблизительное представление о законах гармонии. Комнаты, по которым вели Вивиана, были круглыми, треугольными, длинными, как пеналы, ромбовидными или просто... перекошенными. Другого слова он не мог подобрать, как ни старался.

У одних своды казались низкими. Потолкам следующих мог позавидовать любой готический собор. Стены третьих просто терялись из виду.

Но самое дикое впечатление произвел на Вивиана вид из окон. Через прозрачные стекла струился яркий солнечный свет. Он лежал на мраморном полу длинными прямоугольниками. Идалия, идущая впереди, аккуратно обходила их. А ведь еще мгновение назад на улице была глубокая ночь...

Лестницы тоже вызывали недоумение. Некоторые из них выглядели обычно, но никуда не вели. Просто упирались верхними ступенями в потолок. Другие — выступали из кирпичной кладки и служили частью сложных для понимания барельефов.

Вивиан потерял надежду разгадать, что происходит в этом доме, когда в одном из оконных проемов увидел ночное небо, на фоне которого покачивались голые ветви березы, покрытые инеем. На мгновение все вокруг показалось ему сном.

Идалия уверенно направилась по коридору, застеленному алой ковровой дорожкой, остановилась у высокой двухстворчатой двери, и Виктор, распахнув ее, легким толчком заставил подневольного гостя сделать несколько шагов вперед.

В просторной комнате, залитой теплым сиянием сотен свечей, тоже была позолота, gobелены и картины. У стола, в кресле с высокой спинкой, сидел мужчина. Породистое лицо его выглядело равнодушным, но глаза смотрели настороженно и внимательно. Одежда незнакомца показалась Вивиану странной. Черная бархатная куртка, рубашка с широкими рукавами, кружевная жабо. Рядом на столешнице лежала шляпа с белым пером.

Мужчина смерил Вивиана взглядом, и тот понял, что цепенеет под пристальным вниманием черных глаз.

— Маэстро, мы нашли его полчаса назад, — сказала Идалия. — Там, где вы сказали.

— Как тебя зовут? — произнес тот, выдержав значительную паузу. Голос его был хорошо поставлен. Звучен и в то же время властен.

— Вивиан.

— Сколько тебе лет? Из какого ты клана?

— Я... я не понимаю вас.

— Он ничего не знает, — вмешалась девушка.

Мужчина едва заметно улыбнулся:

— Ничего не знает и не помнит. Молод. Беспомощен. Слаб. Неопытен. Ты хорошо получился... Вивиан.

— Я хочу знать, что со мной происходит. Кто вы такие, что вам от меня надо. Я...

Тяжелый взгляд хозяина будто обрел физическую силу, душным кольцом сомкнулся на горле и заставил замолчать.

— Ты будешь говорить только после того, как я разрешу тебе.

В груди Вивиана что-то дрогнуло, и он снова почувствовал ту самую безымянную часть души, которая взорвалась горячей яростью после насмешки в подвале. Теперь эта странная сила бурлила в раздражении на собеседника и требовала от своего обладателя каких-то действий.

— Вы не имеете права приказывать мне, — выговорил Вивиан с большим трудом то, что должен был сказать.

Мужчина усмехнулся:

— Он хорошо получился, только слишком дерзок. Идалия, проводи гостя в его комнату.

Девушка сжала в ладони кулончик.

— Фрэнсис, но он... голоден. Посмотри на него. Он очень слаб.

— Проводи его, Идалия, — чуть повысив голос, сказал мужчина, и та послушно подошла. Дотронулась до плеча:

— Пойдем...

В мелодичном голосе совсем не было власти, только мягкая просьба, но сопротивляться ей оказалось невозможно.

Сделав пару десятков шагов по коридору, девушка остановилась рядом с высокой узкой дверью. Еще шаг, и Вивиан очутился в темноте круглого помещения, чуть разбавленной тлеющим светом керосиновой лампы. Створка хлопнулась. Он остался один, и тут же тяжелое бессилие отпустило, а в душе снова вспыхнули голод и злоба, придушенные холодным взглядом владельца особняка и мягкой напевностью голоса Идалии.

— Ведьма! — Вивиан бросился на дверь.

Та даже не шелохнулась под тяжестью тела, и это еще больше разозлило. «Они должны были помочь, — услужливо подсказала темная, свитая тугим витком спираль новой силы в душе. — Обязаны помочь. Но только посмеялись. Ты вправе мстить...»

И в то же мгновение он понял, чего хочет. Добраться до надменного незнакомца. Вцепиться ему в горло, как той крысе в подвале. «Гость» метнулся к окну, отшвырнув по дороге хрупкий антикварный столик, тот только хрустнул, разлетаясь на части.

Оконный проем был забран толстыми прутьями и закрыт ставнями, но Вивиану даже в голову не пришло, что это может остановить его. Схватившись за решетку, он изо всех сил дернул ее на себя. Металлические прутья закричали и стали медленно выгибаться, с откосов посыпалась штукатурка. Еще один рывок, и длинные болты с пронзительным скрежетом вылетели из пазов. Решетка осталась в руках. Отбросив ее в угол, Вивиан толкнул раму. И тут же зарычал от разочарования.

Стекло, так же как и ставни, оказалось всего лишь муляжом, ловким обманом. Окна не было. Была все та же каменная кладка стены с неглубокой нишей, имитирующей оконный проем.

Он ударил по стеклам с воплем ярости, и те разлетелись под кулаками. Один из осколков глубоко вонзился в ладонь. Резкая боль заставила опомниться. Отшатнувшись от окна, Вивиан тупо уставился на порезанные руки: «Что я делаю?! Должно... должно быть какое-то объяснение...»

«Подлость и предательство! — шепнули из глубины души. — Тебя обманули и предали. Сейчас ты зол и голоден. Дай волю гневу, тебе станет легче!»

— Меня обманули и предали, — повторил он вслух, называя словами странное чувство, клубящееся в груди. — Обманули!!

Возвращение от страха и недоумения к слепой ярости было очень легким. А непомерно возросшая вдруг сила позволяла крушить все, что попадалось под руку. Разбитая статуя закричала под ногами каменными крошками. Гобелены, сорванные со стен, упали на пол жалкими обрывками. Мебель разлеталась от одного удара ноги, зеркало брызнуло острыми осколками, которые вспыхнули, поймав отражение огня лампы.

И Вивиан замер.

Остановился, увидев в крошечных кусочках, торчащих в темном овале рамы, себя. Нетвердой рукой отломил один...

Лицо, которое сейчас отражалось в зеркальном куске, не могло быть его лицом. Безумные черные глаза с расширенными зрачками. Серая кожа. Запавшие щеки... и острые длинные клыки, такие же, как у Виктора, у Идалии...

— Да что же это! — Он коснулся своего измененного, странного, чужого лица. — Что это такое?! Кто я теперь?!!

Обломок выпал из пальцев.

Опустившись на пол, Вивиан закрыл глаза, потом лег, уткнувшись в вохро обрывков. Комната вдруг стала поворачиваться вокруг своей оси, все наращивая темп, и остановить ее вращение было невозможно. Потом каменная поверхность качнулась, Вивиан полетел куда-то вниз, в темноту, и вместе с ним, сверкая полированными краями, летели зеркальные брызги, в которых многократно отражался его новый, нечеловеческий облик...

Глава 2 РАПАИТ

Книга жизни начинается с мужчины и женщины в саду... и заканчивается апокалипсисом¹.

2 декабря

К четвертому подъезду спорткомплекса вела длинная очередь. Толпа просачивалась внутрь медленно. Людей, стремящихся на концерт кумира молодежи, рок-звезды Гемрана Вэнса, новообращенного Гемрана Фэриартоса, было слишком много.

Солнце село полтора часа назад. Над опрокинутой ребристой чашей стадиона сверкал белый месяц.

Сизые тучи налетали на его острый серп, рвались и неровными клочьями разлетались по фиолетовому небу, просыпая мелкие звездочки редких снежинок. Ледяной ветер подхватывал их и долго носил над площадью, прежде чем уронить на землю.

Комплекс был построен на холме, и огоньки машин, ползущих по шоссе внизу, отсюда казались длинной новогодней гирляндой.

Рядом с Кристофом нетерпеливо переступала острыми каблучками по асфальту Дона. Ее бриллиантовые сережки поблескивали в свете фонарей. Белые волосы серебрились, словно покрытые инеем. Ее никогда не интересовали фэриартос. Ни старшие, ни тем более новообращенные, и девушка искренне недоумевала, как позволила уговорить себя пойти на этот концерт.

Она согласилась только из уважения к номинальному главе клана.

— Ты все еще уверен, что это хорошая идея? — Прозрачное облачко пара сорвалось с карминных губ и растаяло в темноте.

— Да. Помнится, Дарэл говорил, что Вэнс отличный музыкант.

— Я не о том. — Дона едва заметно поморщилась и вздохнула, нехотя признаваясь в своих сомнениях. — Стоило ли оставлять Даханавара одного?

— Сэм присмотрит за ним.

Кристоф взглянул вверх голов людей, терпеливо переминающихся с ноги на ногу. Похоже, его интересовало лишь одно — предстоящее зрелище. Или колдун делал вид, что больше его ничто не беспокоит.

— Крис. — Дона не смогла сдержать иронию, наблюдая за ним. — Если ты не знал — за тем углом есть дверь, на которой написано «VIP». Было бы гораздо быстрее...

¹ Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания.

— Безусловно, — согласился некромант, — и гораздо скучнее.

Очередь продвинулась еще немного. Стал виден турникет. За ним маячили два охранника. Дона задумчиво посмотрела на мужчину, стоящего впереди, и тот, втянув голову в плечи, поежился, чувствуя на себе горящий взгляд мистрис¹.

— Не то что бы я не доверяю Сэму, но... — собеседница повернула к Кристофу красивое, немного напряженное лицо, — знаешь, в последнее время меня одолевают предчувствия.

Она подумала немного и добавила:

— ...нехорошие предчувствия.

Кадаверциан усмехнулся, провел пальцем по ее лбу, словно пытаясь разгладить суровую морщинку.

— Поэтому мы здесь. Тебе надо развеяться.

Дона мельком улыбнулась, но выражение тревоги не ушло с ее лица.

— Крис, я хотела... спросить. — Она помолчала, тщательно подбирая слова. — Понимаю, сейчас не место и не время...

— Не бойся, говори, — отозвался колдун, и она снова не увидела в его зеленых глазах ничего, кроме спокойствия.

— Кому помешал Вивиан? Зачем убивать молодого неопытного ученика? Да, конечно, Вив очень талантлив, — тут же поправились она, зная, что Кристоф терпеть не может, когда принижают достоинства его воспитанников, — но все же ему еще далеко до мастера.

Она вопросительно взглянула на спутника и произнесла наконец вслух то, о чем давно думала:

— Не логичнее ли предположить, что отравка предназначалась тебе? Хотя надо быть глупцом, чтобы надеяться, будто ты попадешь в такую примитивную ловушку.

Кадаверциан ответил после продолжительной паузы:

— Я знаю только одно. Нас предупредили. Дали понять, что оружие Лудэра, по-прежнему, существует.

Дона зябко повела плечами, кутаясь в длинное пальто сливочного цвета. Она еще не родилась, когда закончилась последняя битва с Лудэром, но слышала много жутких рассказов о тех временах.

— Оно не появлялось несколько сотен лет. Кто его хранил? Или изготовил?

— Я могу назвать тебе шесть великолепных кандидатур. — Мастер Смерти взял девушку под руку и притянул ближе к себе, чтобы защитить от холодного ветра. Его горячая ладонь грела даже сквозь драп. — Лудэр.

Дона задумчиво кивнула, соглашаясь с этой версией:

— Они мертвы. Но могли остаться их хранилища, которые мы не уничтожили? Или записи...

— Асиман. У них есть великолепные химики.

— Вриколакос?... — Это предположение казалось Доне маловероятным. Однако забывать о лесных жителях не стоило — оборотни инстинктивно ненавидели некромантов, хотя, насколько она помнила, никогда не пытались навредить.

— Даханавар. — Кристоф мельком взглянул на «готичного» подростка, с надеждой спросившего у него, нет ли случайно лишнего билета. Улыбнулся, с видимым сожалением отрицательно покачал головой и продолжил, когда тот отошел: — Маленькая месть за то, что я взял под защиту их опального сканэра.

— Может быть... Нахтцеррет.

---

¹ М и с т р и с — жрица Смерти. Одно из названий женщин-кадаверциан.

Колдун хотел ответить, но в этот момент из сумочки Доны зазвучали высокие аккорды...

— Извини, Крис. — Она вынула мобильный, подняла серебристую крышечку, взглянула на высветившийся номер и тяжело вздохнула: — Ну вот, опять... Алло...

— «Доброй ночи, миледи», — прозвучал хорошо знакомый бархатистый голос.

— Доброй ночи, сеньор де Кобреро.

Кристоф, не сдерживая довольно ироничной улыбки, отвернулся, делая вид, что рассматривает плакат-фотографию трех полураздетых девушек, изображающих певиц.

— «Вы не заняты сегодня?» — деловито осведомился глава клана переговорщиков.

— Занята, — ответила Дона вежливо, но безапелляционно. Это был единственный возможный тон в общении с вьесчи. И раньше он всегда действовал безотказно.

— «Жаль. Очень жаль, — прозвучало с искренним огорчением. — Я хотел пригласить вас на ужин».

Спутница Кристофа снова вздохнула, на этот раз устало.

— Рамон, вам не надоело получать отказ на каждое свое приглашение?

— «Я терпелив». — В голосе Вьесчи слышалась улыбка.

— Похоже, вам доставляет радость досаждать мне. Я полагаю, вы предпочитаете общество фэри...

— «Я предпочитаю вас».

Дона мельком взглянула на Кристофа, продолжающего разглядывать трио девиц.

— А как же дыхание смерти? Ледяной холод могилы? И, как вы тогда сказали... равнодушие покойника?

— «Миледи, я уже просил прощения за свои слова. Неужели вы обижены до сих пор?»

— Я не обижаюсь на правду.

— «Дона, я...»

— Извините, Рамон. Я больше не могу говорить. Всего хорошего.

Она нажала на кнопку, сунула телефон в сумочку и продолжила список врагов:

— Вьесчи.

— Пренебрегаешь вниманием главы клана? — усмехнулся колдун.

— Да. Третий раз за последнюю неделю.

Колдун выразительно приподнял брови, но ничего не сказал.

— Изображает благородного кастильского рыцаря. — Дона с досадой смахнула с рукава несколько снежинок. — То ли хочет что-то выведать, то ли наоборот...

— Да, это он умеет, — задумчиво произнес Кристоф. — Изображать рыцаря...

Они прошли через два поста охраны. Дона с невозмутимым видом позволила осмотреть свою сумочку. Кристоф, явно получающий своеобразное удовольствие от всего происходящего, сжувничал, проходя проверку металлоискателем. «Отвел глаза» стражам порядка, когда прибор пронзительно запищал, засекая нечто металлическое под его курткой.

— Не удержался и прихватил с собой любимую рапиру? — съехидничала девушка.

— Нет, всего лишь намордник для Тёмного Охотника, — с улыбкой отозвался колдун, доставая из внутреннего кармана два билета.

В фойе было шумно. У колонн толпились группы взволнованно-оживленной молодежи. Люди постарше неторопливо прогуливались по холлу. В толпе периодически мелькали приличные костюмы. С огромных плакатов на стенах смотрел сам виновник этой суеты — Вэнс. В облачении, стилизованном под наряд кельтского воина, он стоял вполоборота к зрителям, длинная обесцвеченная прядь волос падала на лукаво прищуренный глаз, обаятельная улыбка пленяла сердца.

— Не понимаю, какое удовольствие ты находишь в посещении подобных заведений, — с искренним недоумением произнесла Дона, осматриваясь.

— «Вещь совершенна, когда она отвечает цели, для которой ее создали»¹, — с преувеличенно глубокомысленным видом произнес Кристоф.

Виллиса² вздохнула, возводя взгляд к потолку. Колдун никак не мог забыть ее давнего увлечения английскими философами начала восемнадцатого века. И периодически начинал цитировать Биньона, Беркли или Аддисона. Видимо, находя это чрезвычайно забавным.

— Как говорит Дарэл, пребывание среди людей оживляет чувства. — Кристоф посторонился, пропуская девушку, нагруженную пакетами с попкорном. Та окинула кадаверциана оценивающим взглядом из-под густо крашенных ресниц и расплылась в улыбке.

— Ты очень демократичен, — скептически заметила мистрис, поправляя прическу.

Зал заполнился быстро, и свет под потолком стал медленно гаснуть.

— Надеюсь, Вэнс будет в состоянии петь, увидев нас здесь. — Повернув голову, Дона рассматривала широкие длинные ряды синих пластиковых кресел. Из партера человеческие лица наверху казались белыми смазанными пятнами. Ровный гул голосов то стихал, то становился громче.

Когда Гемран вышел на сцену, первым делом он быстро скользнул взглядом по аудитории, взревшей в восторженном крике. Вэнс ощутил присутствие «родственников», и его выразительное лицо слегка напряглось. Потом разглядел в пятом ряду Кристофа, удивленно приподнял бровь, но тут же склонил голову в приветствии. Посмотрел на Дону, прижал руку с микрофоном к груди, улыбнулся. Он вел себя как любезный хозяин, и каждый гость чувствовал его внимание.

За спиной музыканта взвились две струи неоновой огня. Печально и мощно запела волынка. Рокот барабанов совпал с биением пульса всех сидящих в зале. Низкий, хрипловатый голос, многократно усиленный динамиками, ударил по толпе, и Дона почувствовала, как через ее тело прошла волна восторга.

Это была настоящая магия фэриартос. Единственная в своем роде, неповторимая, волшебная. Изменчивая и неизменно постоянная.

Гемран пел про них. Про вечную жизнь. Про поля битв, над которыми кружат вороны. Про смерть, которую всегда изображали на картинах с белыми волосами Доны. Про потерянных учеников, друзей, любимых, тела которых рассыпались под солнечными лучами, а души никогда не найдут покоя.

Девушка почувствовала, что к глазам подступают слезы. Она видела, как Кристоф, сидящий рядом, стиснул подлокотники кресла, слушая песню на старонемецком. Как застыло его лицо.

¹ Слова Джорджа Беркли, епископа Клойна.

² В и л и с а — женщина-кадаверциан, специализирующаяся на создании вилахов (зомби).

Это была истинная магия. Та, что сильнее огня асиман, тления тхорнисхов и некромантии кадаверциан.

Даже прадеды Гемрана еще не появились на свет в то время, когда кадаверциан носил на плече тяжелый топор бургундского наемника. Вэнс не мог знать о том, как Дону тащили за волосы из кареты, чтобы перерезать горло. Тогда девушка впервые увидела зеленый свет некромантической магии, спасшей ее жизнь. Но в одной из песен она услышала именно эту историю...

Гемран улыбался, и каждый в зале думал, что эта улыбка только для него. И если бы сейчас, именно в эту минуту он позвал Дону — она бы пошла. Наверное...

В перерывах между песнями Вэнс говорил с залом. Смеялся. Шутил. Наклонялся, чтобы хлопнуть по ладони кого-нибудь из поклонников, толпящихся у сцены и тянущих к нему руки. Швырнул в зал барабанные палочки, и подростки едва не подрались из-за них.

На заключительный номер Гемран вышел с двумя факелами. Толпа вопила от восторга, когда под тревожный бой ударников он подносил огонь ко рту и выдыхал длинные красные языки пламени...

Вэнса не отпускали со сцены долго, и он возвращался вновь и вновь, хотя Дона заметила, что музыканта слегка пошатывает. Лоб его лоснился от пота, а улыбка стала напряженной.

Когда верхний свет загорелся вновь, Кристоф стремительно поднялся:

— Я хочу подойти к нему.

Дона пошла с некромантом.

За сценой суетились люди. Спешно разбирали экраны, сматывали провода, перетаскивали технику, шумно переговаривались, не обращая внимания на двух кадаверциан. Гемран сидел на складном стуле, поливал полотенце водой из пластиковой бутылки и протирал лицо. Увидев гостей, он быстро встал и направился к ним, плечом отодвинув с дороги кого-то из своих музыкантов.

— Спасибо, — коротко сказал Кристоф. — Особенно за третью песню.

— Я почему-то был уверен, что она тебе понравится, — улыбнулся Вэнс. От него пахло гарью, мокрой воловьей кожей и усталостью.

— Дарэл говорил, у тебя трудности и нужна помощь.

— Нет, — резко оборвал фэриартос и тут же поспешил заглядить не слишком вежливый ответ: — Благодарю, нет.

Он посмотрел на Дону:

— Я видел ваши слезы, мистрис. Значит, я все делаю правильно. И помощь не нужна.

— Тогда удачи.

Кристоф кивнул на прощанье, но, уже уходя, обернулся:

— Спецэффект последней песни... Заклинание асиман?

— Спирт, — рассмеялся Вэнс.

— ...Спирт... — повторил Кристоф, открывая дверцу машины. Усмехнулся каким-то своим мыслям, взглянул на девушку: — Тебя подвезти?

— Я хочу пройтись.

Кадаверциан не стал настаивать, кивнул на прощанье и сел за руль. Дона провожала взглядом его машину, пока свет задних фар «БМВ» не слился с огненным потоком Садового кольца. А потом неторопливо направилась к спуску с холма.

Она все еще находилась под впечатлением от концерта и хотела побыть одна. Прогуляться по ночной Столице... Но не успела сделать и несколько шагов, как из переулка вынырнул черный «бентли». Бесшумно подкатил к

тротуару, дверь открылась, в салоне загорелся свет, и кадаверциан увидела Рамона Вьесчи собственной персоной.

Вместо привычного делового костюма он был в темном свитере и джинсах. Два постоянных телохранителя отсутствовали, так же как дипломат с документами. Ледяное высокомерие на лице сменилось очаровательно-любезной улыбкой.

Онемев от изумления, Дона смотрела, как негоциант выбирается из машины и склоняется перед ней в легком поклоне.

— Добрай ночи, миледи. Не возражаете, если один час я побуду вашим личным шофером?

Он распахнул переднюю дверцу с таким видом, словно предлагал ей прокатиться по меньшей мере в королевском экипаже. Вилисса улыбнулась, но не сделала попытки приблизиться к гостеприимно светящемуся салону.

— Рамон, скажите наконец откровенно. Что вам от меня надо?

Рассматривая ее с ног до головы с видимым удовольствием, вьесчи произнес многозначительно:

— А что может быть нужно мужчине от изумительно привлекательной женщины?

Дону нахальное заявление слегка покорило. Более того, она прекрасно понимала, что Рамон откровенно насмешничает, изображая испанского кабальеро.

— Учтите, что они принадлежат разным кланам...

Сохраняя маску неотразимого любовника, банкир подошел к ней, властно протягивая руку:

— Миледи, давайте забудем о политике в эту прекрасную ночь. Я знаю один великолепный ресторан, где...

— Рамон! — Голос девушки утратил вежливое спокойствие, и в нем зазвучала сталь. — Вы слишком много общались с юными фэри и стали неосмотрительно считать всех женщин наивными дурами, падкими на лесть. Говорите прямо, что вам надо. У меня нет времени на слащавый флирт!

Несколько мгновений вьесчи смотрел на нее хмуро, потом его лицо приобрело привычное высокомерно-отрешенное выражение.

— Хорошо. Если вам угодно придерживаться делового тона.

— Да. Мне угодно именно это.

В черных глазах негоцианта блеснуло что-то вроде досады.

— Предпочитаете говорить со мной непосредственно на улице? — сухо поинтересовался он. — Или все же сядете в машину?

Вилисса молча подошла к «бентли», опустила на переднее сиденье. Рамон сел за руль.

— Не возражаете, если мы отъедем на пару кварталов?

— Нет.

Они молчали до тех пор, пока не оказались на темной улочке, огибающей парк. Дона смотрела в окно, наслаждаясь теплом и тихой музыкой радио. Она не слишком доверяла современным средствам передвижения, но сейчас поняла, что получает удовольствие от езды в обществе негоцианта. Вьесчи внимательно наблюдал за дорогой, ведя машину плавно, уверенно и аккуратно. Останавливаясь у каждого светофора и притормаживая на переходах. «Комфорт и надежность». Девушка невольно улыбнулась — эта мимолетная мысль походила на рекламный лозунг.

Впереди показались неровная стена деревьев, освещенных дрожащим светом редких фонарей. Парк выглядел черным и застывшим. Рамон остано-

вил машину у разбитого тротуара, погасил фары. Помолчал и заговорил деловым тоном, каким предпочитал общаться на Советах:

— Помня о вашей нелюбви к посторонним разговорам, — он с едва заметной издевкой выделил слово «посторонним», — перейду сразу к делу. На прошлой неделе я получил заказ на большую партию чилийского «конского волоса». Вам о чем-нибудь говорит это название?

— ...«Конский волос»... — повторила девушка и внимательно посмотрела на вьесчи. — Это один из ингредиентов «Лунной бездны»?

— Именно. — На смуглом лице собеседника мелькнуло удовлетворение. — Не многие знают об этом.

— Нософорос... — прошептала Дона.

— Да. Это их заклинание.

— Но они ушли. Исчезли. Зачем кому-то...

Она осеклась, сообразив, что повторяет свой вопрос, недавно заданный Кристофу.

— Зачем кому-то обращаться к древним знаниям? — закончил за нее негоциант. — Меня тоже это очень интересует.

— Но разве вы не знаете, кому и что доставляете?

Рамон помолчал, видимо решая, стоит ли посвящать ее в тонкости своего бизнеса, затем заговорил неохотно:

— Чаще всего клиенты действуют через подставных лиц. И если я, интересуясь, кто хочет приобрести товар, буду копать слишком глубоко, ко мне перестанут обращаться. Я потеряю деньги и доверие заказчиков. Поэтому... догадки у меня есть, но довольно смутные.

— Скажите, Рамон, — Дона пристально посмотрела в черные глаза, — у вас случайно не было заказов на кровь кадаверциан?

— «Могильная гниль»? — понимающе приподнял брови вьесчи. — Кажется, ваша кровь — один из основных ингредиентов? Нет. Не было. Но если бы кому-то понадобилось ее получить, это бы не составило труда. В Северной резиденции, во время Витдикты, ее пролилось достаточно.

Облокотившись о дверцу, Дона напряженно думала, не обращая внимания на пронизывающий взгляд негоцианта...

— Какие еще товары вас просили достать?

— Партию коралловых аспидов. — Увидев ее недоумение, он усмехнулся, демонстрируя длинные клыки, и сам стал похож на змею.

— Это магическое животное Лугата?

Рамон утвердительно наклонил голову, а потом вдруг перестал улыбаться, придвинулся ближе и произнес доверительно:

— Мне не нравится подобное перемещение артефактов. Мой богатый жизненный опыт подсказывает, что это грозит большими неприятностями нам всем. Безобидные на первый взгляд объекты начинают скапливаться в одном месте. И в соединении с другими, такими же безобидными, объектами они становятся смертельными. «Могильная гниль». «Лунная бездна». «Слюна Гидры»...

— «Сеть Аида», — тихо продолжила Дона.

— И прочие давно забытые заклиния, для которых нужны материальные предметы. — Вьесчи откинулся на спинку кресла и впервые за разговор отвел взгляд от девушки, поглядев в темноту парка. — Кто-то начал серьезную подготовку. Я не хочу новой войны, Дона. Я хочу спокойно жить, управлять сетью своих банков и встречаться с красивыми женщинами. Меня не интересует новый передел мира.

— Вы ищете союзников среди кадаверциан, Рамон? — задумчиво спросила она, рассматривая профиль испанского гранда и жалея, что не обладает способностями Дарэла. Если бы можно было узнать, что на самом деле думает и чего хочет вьесчи!

— Да.

— Мы не вступаем в альянсы с другими кланами.

— Потому что ослеплены своей силой. — Негоциант усмехнулся, снова поворачиваясь к ней. — Кажется себе невероятно могущественными. Но ваш клан разобщен. Вас легко перебить поодиночке. В те моменты, когда вы этого совсем не ждете.

— Как сейчас, например? — с убийственной вежливостью осведомилась она.

Жестом шутивого отчаяния собеседник вскинул руки:

— Боже упаси. У меня и в мыслях такого не было. Мы не хуже клана Искусства умеем ценить красоту. А такая женщина, как вы...

Дона досадливо поморщилась и снова переверла разговор на интересующую ее тему:

— Впервые слышу, чтобы нас называли могущественными. Все считают, что мы отошли от дел потому, что ослабели после прошлой войны и тихо вымираем.

— Так полагают только глупцы, — резко отозвался Рамон. — Недалекие профаны. Я знаю вашу истинную цену, и поверьте мне, Дона, через некоторое время в дверь особняка Кристофа еще не раз постучат нуждающиеся в вашей дружбе. Но, надеюсь, я окажусь первым.

— Тогда почему бы вам не обратиться прямо к нему?

— Не считаю верным. — Вьесчи смотрел на девушку с легким утомлением, как будто сожалел, что та не понимает элементарных вещей. — Я предпочитаю иметь дело с вами... — Он вдруг наклонился совсем близко, так, что вилисса увидела мерцающие белые огоньки в его глазах. — Я хочу тебя защитить.

Дона рассмеялась от этой неожиданной и нелепой откровенности.

— Во-первых, сеньор де Кобреро, не помню, чтобы мы с вами пили на брудершафт...

Он усмехнулся и потянул вверх рукав свитера, открывая запястье.

— Мы можем сделать это прямо сейчас.

— Благодарю. — Дона мельком взглянула на вену, выступившую под смуглой кожей. Улыбнулась, представив последствия этого «брудершафта». — Но должна предупредить. Если вы не знали, кровь кадаверциан... некоторых старых кадаверциан ядовита для представителей всех остальных кланов. И когда вас найдут мертвым, посиневшим, с раздувшейся шеей и глазами, вылезшими из орбит...

— Можно обойтись без подробностей. — С видимым сожалением Рамон опустил рукав, отодвинулся и положил руки на руль. На его безымянном пальце блеснул золотой перстень с топазом.

— А во-вторых, о какой защите может идти речь? — Желтоватый камень не отпуская взгляд девушки, казалось, золотистые искры кружат в нем непрерывно, слегка гипнотизируя. — Если о магической, то вы не обладаете магией.

— Дорогая Дона, вы снова подтверждаете мое опасение, — с явно приторной печалью произнес Рамон. — Вы ослеплены своей силой. И эта слепота оборачивается против вас. Что стало с Обайфо? Это был самый могущественный клан. Его уничтожили. Лудэр — мертв. Лугат там же. А самые слабые вьесчи по-прежнему процветают. Более того, все остальные кланы зависят от нас. Мы — гарантия вашего материального благополучия.

— Звучит как реклама, — пробормотала Дона, чувствуя в словах Рамона некоторую долю правды. — И от кого именно вы собрались меня защищать?

Он не успел ответить. Девушка вдруг почувствовала приближение чего-то знакомого. Голодного и опасного... со стороны парка.

— В чем дело? — Рамон стремительно обернулся на звук шаркающих шагов. Его рука метнулась к внутреннему карману куртки.

С треском ломая ветки, из кустов выбрался вилах. Доковылял до машины и остановился. На некротическом создании был старый свитер и брюки, испачканные в земле. Мертвые глаза смотрели на Рамона, на сером лице проступило выражение голодной алчности. Дона определила время его создания с первого взгляда — дня четыре. Процесс разложения только начался.

— Это не ваш? — едко поинтересовался негодник, в упор рассматривая тварь.

— Не имею привычки ходить со свитой из мертвецов не первой свежести, — в том же духе ответила Дона.

— Тогда какого черта ему надо? — Рамон вытащил револьвер с необычно коротким и широким стволом, потянулся к приборной доске, собираясь открыть окно.

— Нет. — Дона задержала его руку. — Не надо. Сейчас я узнаю, зачем он здесь.

— Ну, если это доставит вам удовольствие...

Рамон усмехнулся, чуть расслабляясь, но оружие не убрал.

Вилисса сосредоточилась, прикасаясь к сознанию существа, и невольно содрогнулась. Ей показалось, что она смотрит в колодец, забитый злобными оскаленными мордами, каждая из которых рвется наружу. Жаждет впитаться клыками в живое тело, утоляя вечную ненависть. И что самое странное — та была направлена на вьесчи.

— Рамон, — произнесла Дона тихо, — медленно поезжайте вперед. Так, чтобы он успевал за нами. И откройте люк.

Вьесчи не стал задавать глупых вопросов, сразу же делая все, что она просит, но не удержался от ехидного замечания:

— Не думал, что некроманты боятся собственных зомби.

— Это не зомби. — Дона быстро освободилась от пальто, стянула с пальцев, загорающихся зеленым, все кольца, не глядя сунула их в карман. — Это рапаит, забитый голодными бетайласами. Поезжайте прямо в парк... Только бы не наткнуться на человека.

Она поднялась, до пояса высовываясь из машины. Существо медленно брело за автомобилем, не догоняя, не пытаясь напасть. Оно как будто ждало чего-то. Пустые глаза не отрывались от Рамона. Дона вытянула руку, и на ее ладони расцвел зеленый цветок. В сторону мертвеца потянулись тонкие плети. Захлестнули тварь, придавили к земле. Рапаит попытался вырваться и забился в силках, злобно шипя. Машина остановилась.

— Атамас... глобхул схкан-хар... — произнесла мистрис, рывком раздирая пространство.

В темноте под деревьями развернулась светящаяся трещина. В ее глубине свистел ветер и мелькали едва различимые тени. «Бентли» тряхнуло. Дона стукнулась о край люка и тотчас почувствовала на своей талии руку Рамона.

Медленно, осторожно она захватила одного из бетайласов, рвущихся наружу, зацепила его невидимой удавкой своей силы и потянула, направляя в открывшийся тоннель. Злобный дух не хотел уходить, рвался и выл, но мощный толчок вышвырнул его в мир, из которого тот пришел. За ним отправилась вторая. Третий. А потом рванулась вся стая.

Дона с трудом удерживала выход, соединяющий два пространства. Вокруг нее бурлил зеленый свет. Рапаит, распластанный на земле, бился и рычал. Между пальцами девушки сверкали изумрудные молнии, вонзающиеся в мертвое тело, оживленное чужой волей. В их свете деревья казались мертвыми, похожими на изломанные светящиеся гнилушки. Холодный ветер пах прелью и анисом.

Некромант едва успела захлопнуть тоннель прямо перед последним бетайласом, заперев его в мертвом теле. Нырнула в машину, оттолкнув руку Рамона, и выскочила на улицу. Удавка из зеленого огня крепко держала шипящее от злости существо. Но, почувствовав Дону, оно тут же затихло, перестало скалиться.

— Как ты посмела, тварь, преследовать меня?! — сквозь зубы произнесла хозяйка тьмы, глядя в мертвые глаза.

— Простите, вилисса, — прохрипел дух. — Мы не знали, что вы здесь. Иначе не посмели бы...

— За кем вы охотились?

Тварь взвыла, задержалась:

— Не смею сказать, госпожа!

— Отвечай, иначе я распылю это тело и тебя вместе с ним! — Она подняла руку, позволяя духу рассмотреть зеленый огонь в своей руке.

— За твоим спутником, — проскулил бетайлас, пытаясь сбросить с себя удавку.

— Кто вас послал? Кто, я спрашиваю!!

— Его дух сильнее, — разобрала Дона в потоке хрипов, хлынувших из мертвого горла. Существо еще раз дернулось и вспыхнуло, но не от пламени некроманта. Его жег внутренний огонь.

— Вилисса! — пронзительно завизжал бетайлас, запертый в пылающую ловушку. — Спасите!

— Замри! Не дергайся! — крикнула кадаверциан, бросаясь к труп. Стиснув зубы от боли, погрузила руку в огонь, пытаясь захватить и вытянуть наружу плененного духа. Ей это почти удалось, как вдруг рядом прозвучал негромкий хлопок, Дону отшвырнуло в сторону, а мертвец рассыпался горячим пеплом. Вскинув голову, девушка увидела рядом вьесчи. Тот стоял, держа револьвер, широкое дуло которого дымилось. Бетайлас был уничтожен вместе с телом.

— Рамон, — устало произнесла Дона, — кто просил вас вмешиваться?

— Я избавил вас от необходимости пачкать руки. — Он усмехнулся, кивнув на обожженную и стремительно регенерирующую кисть кадаверциан. — Мне, конечно, не раз доводилось видеть ненормальную привязанность некромантов к своим мертвецам. Но наблюдать, как красивая женщина сгорит живьем из-за груды костей, было выше моих сил.

Вилисса стремительно поднялась, не обращая внимания на галантно протянутую руку испанца. Долго сдерживаемое раздражение готово было выплеснуться на вьесчи, но она заставила себя промолчать. Подошла к машине, взяла пальто. Стряхнула с него несуществующую грязь. Повернулась. И столкнулась с Рамоном.

— Насколько я понимаю, — произнес он хмуро, — мне снова удалось сделать или сказать что-то обидевшее вас.

— Только что вы уничтожили бетайласа. — Она стала медленно надевать кольца. — Это существо из того же мира, что и Тёмный Охотник. Слуга, воин, защитник... Да, я огорчена. Вы бы чувствовали то же самое, если бы кто-то застрелил одного из ваших деловых партнеров. Хотя, кажется, вы не особенно их цените.

Наверное, в ее голосе прозвучала подлинная горечь, потому что Рамон сказал негромко:

— Извините. Мне жаль, что я огорчил вас.

Дона холодно кивнула:

— Он мог сказать, кто его послал. Пытался сказать, но кто-то заложил в мертвое тело заклинание, которое уничтожает духа, едва только тот решится выдать своего хозяина.

— Кто, кроме кадаверциан, мог это сделать? — Вьесчи убрал пистолет во внутренний карман куртки. — Я правильно понимаю, что его пытались на-травить на меня?

Девушка накинула на плечи пальто, стараясь избегать взгляда собеседника, и нехотя призналась:

— Да. Это была ловушка. Скажите, а что бы вы сделали, если бы столкнулись с таким существом в одиночку?

— Прострелил его гнилую башку, — резко ответил банкир.

— И выпустили всех бетайласов, скрытых внутри. Один злобный дух, переселенный в мертвое тело, опасен, а если их много и все голодны... Они бы набросились на вас всей стаей и, скорее всего, уничтожили. Если бы меня не оказалось рядом...

Он криво усмехнулся, крепко сжал ее руку и вдруг превратился в прежнего Рамона Негоцианта. Какого она знала всегда. Холодного, расчетливого, равнодушного. Благородный кабальеро исчез.

— Вот поэтому я не хочу обращаться ни к кому, кроме вас. Вы, Дона, молды, но не глупы. И не надо делать таких негодующих глаз, я старше вас на много столетий. И пусть вы мастер Смерти, я — мастер по плетению интриг. Эта тварь, — вьесчи кивнул на пепел, лежащий на земле, — создание некронанта. Но не ваше.

— И почему вы в этом так уверены? — прищурилась она, ощутив неприятный холодок в груди.

— Вы были слишком изумлены, увидев его. И самоотверженно старались заступиться за меня. Кроме того, эта западня подтверждает некоторые мои предположения. Кто-то хотел от меня избавиться или ожидал, что я стану кричать на каждом углу, будто подвергся нападению клана Смерти. Начну требовать отмщения... Или сделаю ответный ход, подбросив к дверям особняка Кристофа ваше мертвое тело.

— Если бы вы пережили нападение. — Дона обошла вокруг груды пепла, прислушиваясь.

— Что вы делаете? — спросил Рамон.

— Пытаюсь выяснить, кто мог подстроить эту провокацию.

Тонкая ниточка чужой силы обнаружилась возле одного из дальних деревьев. Она быстро таяла, но девушка смогла определить, откуда тянется след.

— Дона...

— Если хотите помочь, — позвоните Кристофу. Вот ваш единственный реальный шанс получить союзника среди нас. Скажите, что я пошла по следу рапаита, он поймет.

Она развернулась и побежала в темноту парка. Существо пришло оттуда. Кто мог создать его? Кому надо посылать духа для нападения на Рамона? Кто знал, что они встретятся сегодня? Именно в этом парке?

Высокие каблуки мешали бежать, длинное пальто цеплялось за кусты, ветки хлестали по лицу, но Дона упорно неслась вперед, боясь упустить зеленую ниточку, видимую только ей дорожку магического следа. В тонкой цепи стали

появляться разрывы, несколько раз пришлось останавливаться и заново ис-
кать зеленую нить.

Кому выгодно стравить два клана? Кто хочет развязать войну?!

За деревьями мелькнул черный покосившийся крест. Кладбище. Дона за-
мерла, глубоко вдохнула морозный воздух. Расслабилась, беззвучно произ-
несла несколько фраз и спустя мгновение почувствовала за левым плечом
размытую тень. Любимым заклинанием Кристофа было «Тёмный Охотник»,
Вольфгер предпочитал «Покров Ночи», Дона в трудные минуты призывала
«Тень Смерти».

Кадаверциан пошла вперед по узкой тропинке. Мерзлая земля отзывалась на ее шаги стуком. Тишина, покой, холод. Между могилами все еще ви-
села дымка старой силы, ощутимая лишь для некроманта.

Ниточка следа становилась все тоньше, но Дона больше не спешила. За
кустами сирени показался черный памятник, похожий на колонну. Волосок
чужой магии проходил сквозь него и уходил в землю, глубоко вниз.

Мистрис медленно приблизилась к монолиту, приложила ладонь к холод-
ному полированному граниту. Отзываясь на ее прикосновение, плита поеха-
ла в сторону, открывая прямоугольный провал.

За спиной послышались торопливые шаги, хрустнула ветка. Дона стре-
мительно обернулась, тень за ее плечом хищно затрепетала, но тут же замер-
ла равнодушно.

Продираясь сквозь кусты, на открытое пространство выбрался Рамон.

— Свидание с некромантом всегда заканчивается на кладбище, — шу-
ливо заявил он, переводя дыхание. — Кристоф не отвечает, ни по домашне-
му, ни по сотовому, пришлось оставить сообщение на автоответчике. Но я не
могу упустить свой шанс на взаимность, столь щедро подаренный вами.

Он подошел к провалу, заглянул в него, тихоно свистнул.

— Дона, скажите мне, что нам не придется лезть туда.

— Вам — не придется. — Девушка сняла пальто, бросила его на бли-
жайший памятник.

— Одна вы не пойдете.

— Рамон, вы не обладаете магией и помочь не сможете в любом случае! А
у меня нет ни времени, ни желания обеспечивать вашу безопасность!

Смирненно улыбаясь, он выслушал ее гневную отповедь.

— Вы принуждаете меня развеять древний миф, миледи. Раз уж вам при-
шлось открыть мне кое-какие тонкости некромантии, я вынужден сделать от-
ветный шаг. Я обладаю магией. Только прошу, никому не говори об этом, —
последняя фраза была произнесена шутивным драматическим полупшепотом.

Дона не смогла сдержать улыбку.

— Не веришь?

Рамон тяжело вздохнул, рывком расстегнул молнию на куртке и поднял
свитер. На его груди девушка увидела рельефный узор. Казалось, под кожей
вьесчи находится цепь, свернутая тремя тугими витками.

— Всего лишь пара древних артефактов, которые я вживил в свое тело.
Это с их помощью мне удалось пережить несколько войн, пару революций и
природных катаклизмов.

Дона покачала головой:

— Вы не перестаете удивлять меня, Рамон.

Она подошла к открытой могиле, села на край и протянула вьесчи обе ру-
ки. Он крепко взял ее за запястья и помог спрыгнуть.

Дона приземлилась на кучу рыхлого песка. Спустя мгновение, когда глаза
привыкли к темноте, она увидела, что оказалась в длинном коридоре, стены

которого выложены неровными каменными плитами. Над головой, в двух метрах, светлел прямоугольник «входа». Тающий след вел направо.

Рамон прыгнул следом. Стряхнул землю с брюк. Огляделся. Дона жестом указала, куда идти, он молча кивнул.

Кадаверциан шла впереди. Вьесчи держался за ней, больше не пытаясь изображать отважного рыцаря. Несмотря на древние артефакты в теле, он знал, что в схватке с созданием потустороннего мира его шансы на победу куда ниже.

Коридор становился то шире, то уже. Время от времени приходилось нагибаться, чтобы не задевать головой за низкий потолок. Один раз Дона увидела выступающий из стены гроб. Из его разбитой боковины в коридор свешивалась чья-то наполовину истлевшая рука. Девушка шепнула едва слышное заклинание. Конечность тут же втянулась обратно, дыра в гробу закрылась, а сам он скрылся в земле, там, где ему и было положено находиться.

— Любите порядок? — скептически поинтересовался Рамон.

— Проявляю почтение к смерти, — машинально отозвалась Дона, пытаясь поймать ниточку вновь оборвавшегося следа.

— Почтение к смерти? У некроманта? — Вьесчи хмыкнул и вдруг стремительно обернулся.

Его ладони засветились белым, в спертom воздухе подземелья резко запахло озоном. Впрочем, он тут же расслабился, пробормотав:

— Показалось.

Вилисса молча кивнула. Она ничего не почувствовала. И тень за ее плечом стояла не шевелясь. Угрозы не было. Зато была возможность увидеть магию негоцианта.

— Полное уничтожение? — небрежно поинтересовалась Дона.

— Полное обездвиживание. — Рамон погасил свет в ладонях. — Мне бы не хотелось допустить ту же ошибку, что и с вашим бетайласом.

Коридор вильнул в сторону. След стал еще тоньше, а потом пропал. Полностью рассеялся в воздухе. Девушка остановилась. Замерла, раскинув во все стороны тонкие лучики магической сети. Но не ощутила ничего.

Рамон прислонился к стене, наблюдая за ее метаниями.

— След пропал, — бросила она в ответ на вопросительный взгляд. — Я ничего не чувствую. Идем дальше. Скорее. Быть может, впереди...

Каблуки вязли в земле, и Дона, сбросив неудобную обувь, ускорила шаг. Потом побежала.

— Отличная разминка после нудной канцелярской работы, — сказал вьесчи, старясь не отстать от нее. — За пару часов общения с вами я бегал больше, чем за последние полгода. Нам надо почаще встречаться.

Мистрис сердито мотнула головой, не отвечая. Следа не было. Коридор начал было спускаться вниз, потом круто пошел наверх. Магическая нить не появлялась.

Тоннель вильнул еще раз, стало светлее. Кадаверциан остановилась. Проход закрывала ржавая решетка. За ней густо переплетались ветвями кусты шиповника. Подземный ход закончился.

— Хотите, чтобы я выломал прутья, или прогуляемся обратно? — галантно осведомился Рамон.

Машинально крутя перстень на указательном пальце, Дона сидела в машине вьесчи.

Они вернулись к тому месту, откуда спустились в подземелье. Но магический след уже полностью растаял. На этом кадаверциан не успокоилась, она попыталась найти материальные отпечатки рапаита. Сломанные ветви, об-

рывки одежды на колючках кустов, хоть что-то. Но единственное, что он него осталось, — немного пепла на земле.

— Не расстраивайтесь. — Рамон вытащил из карманов куртки туфли Доны, поставил их возле ее ног. — Если на меня нападут снова, я сразу сообщу вам.

Девушка слабо улыбнулась в ответ. Вьесчи сел за руль.

— Куда вас отвезти?

Она назвала адрес, прислонилась затылком к подголовнику кресла, закрывая глаза. Создать рапаита, направить его на нужную жертву, вложить в мертвое тело заклинание уничтожения и оставить после этого такой слабый магический след мог только мастер высочайшего уровня. Но это бессмысленно. Слишком сложно. Есть более простые и действенные способы убийства. Тёмный Охотник не оставляет от жертвы ни капли крови. А после нападения бетайласа всегда остаются следы...

— Дона, — долетел до нее тихий голос вьесчи, — я не успел сказать вам все, что собирался. Нас прервали.

Она открыла глаза и повернула к нему голову. Рамон сосредоточенно смотрел на дорогу. Они ехали по узкой улочке между двух рядов невысоких спящих домов, где горели фонари и редкие окна.

— Вы помните тот день, когда исчез Вольфгер?

Вилисса напряглась. Дурное предчувствие ледяным ознобом прокатилось по ее спине и скатилось к босым ступням.

— Помню.

Рамон помолчал, свернул в темный переулок, и машина медленно поползла по неровному асфальту.

— Двенадцатого сентября, в двадцать три тридцать, у него была назначена встреча. Со мной.

Дыхание Доны на мгновение прервалось. Тридцать лет она пыталась узнать хоть что-то о судьбе учителя, а вьесчи все это время знал и, быть может, сам...

— Но мы не встретились, — невозмутимо продолжил Рамон, не обращая внимания на зеленый огонь, загоревшийся в ее судорожно сжатых пальцах. — Мне позвонили и сообщили о том, что randevu отменяется. А через несколько дней я узнал, что глава клана Кадаверциан исчез. Можете представить мое... ошеломление?

Стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно, Дона спросила:

— Кто вам позвонил?

На мгновение вьесчи оторвал взгляд от дороги, пристально посмотрел на нее и произнес:

— Кристоф, — и продолжил, прежде чем она успела осознать, что он сказал: — За час до назначенного времени мне позвонил Кристоф, передал извинения мэтра и просьбу перенести встречу на другой день. Естественно, я не мог не согласиться.

— Это невозможно, — прошептала Дона. — Это просто невозможно. Вы намекаете, что... Вы уверены?

— Я уверен.

— Но почему вы молчали раньше?!

Рамон улыбнулся едва заметно:

— Потому что я не испытывал желания оказаться хоть в малейшей степени причастным к внутренним разборкам клана Кадаверциан и тем более к исчезновению его главы.

— Тогда почему вы говорите об этом сейчас?! Мне?!

• Основатель •

Глава 1

КРЕСТ ОСНОВАТЕЛЯ

Наш единственный долг перед историей — переписать ее заново¹.

1 марта...

Прага, умытая дождем, сверкала золотыми огнями. Они отражались в черной воде Влтавы и мокрых мостовых. Затмевали звезды. Размывались в окнах пронсящих по улицам трамваев. Окутывали пролеты мостов. Светились Вышеград, Градчаны, Оперный театр, Карлов мост...

Исторический центр города был похож на разноцветную игрушку. От былого мрачного величия не осталось и следа. Холодная, молчаливая, угрожающая суть старого города скрылась за сверкающими фасадами, обманывая толпы туристов...

Кристоф вышел из метро за час до закрытия и, проигнорировав такси, отправился пешком. Последний раз он посещал Прагу очень давно и сейчас испытывал легкое любопытство — осталось ли за прошедшие столетия хоть что-нибудь от легендарного прежде города ведьм и колдунов?

Рядом с ним торопливо шагал Босхет. Непривычно молчаливый, он жадно поглядывал по сторонам, вдыхал давно забытые ароматы старого града и едва заметно улыбался чему-то. У него были свои собственные воспоминания, связанные с этим местом.

Кадаверциану понадобилось не много времени, чтобы сориентироваться. Несмотря на яркие неоновые вывески и прочую мишуру цивилизации, местность осталась знакомой. Некромант без труда узнал набережную Яна Палача и, повернув налево, пошел вдоль трамвайных путей, оставив за спиной Еврейский квартал.

— Почти ничего не изменилось, — пробормотал Босхет, и его глаза торжественно сверкнули желтым. — Все осталось прежним, мэтр, — добавил он, обращаясь к колдуну с таким самодовольным видом, как будто неизменный вид Праги был его собственной заслугой.

Мостовая влажно блестела после недавнего дождя, рельсы сверкали в свете уличных фонарей. В Столице сейчас бушевали метели, а здесь уже настойчиво пахло весной, свежестью и мокрыми деревьями. В легком воздухе не чувствовалось гнетущей опасности. Непривычное ощущение от города, в котором теперь не рискнул бы жить ни один из братьев...

Через пять минут мастер Смерти и его слуга уже стояли возле Старгородской предмостной башни, которая прежде охраняла вход на Карлов мост. И башня, и мост, и прекрасно видимый отсюда комплекс Пражского града не привлекли их внимания. Взгляд кадаверциана был направлен к темнеющей на противоположном берегу Влтавы громаде Петринского холма. Именно он, а точнее — то, что скрывалось под ним, — стало целью приезда.

Кристоф прошел через проездную арку башни и оказался на мосту, заполненном гуляющими людьми. Звучала многонациональная речь туристов. Воз-

¹ Оскар Уайльд. Критик как художник.

гласы. Смех. Ежесекундные фотовспышки ослепляли. Мрачный, темный город спрятался за световой иллюминацией и восхищением ничего не понимающих людей. Они не ощущали давящей тяжести и сосущей боли в позвоночнике, не видели призрачную тень, витающую над Прагой, и продолжали проживать свои беспечные короткие жизни, удивляясь тому, что так часто и тяжело болеют.

Влтава отражала многочисленные огни и казалась их зеркальным продолжением. Множество теплоходов курсировали по реке, катая зевак. Обогнув старого шарманщика и послав угрожающий взгляд молодому карманнику, колдун клана Смерти покинул мост.

Людей не стало меньше. Улица тоже оказалась заполнена. Кадаверциан продирался вперед, стараясь как можно быстрее вырваться из этой гомонящей, переливающейся всеми цветами радуги, жгучей, испускающей сладкий аромат крови, толпы. Босхет рыкнул на компанию особо веселых юнцов, обменялся с ними парой резких фраз на чешском и, довольный, поспешил догнать хозяина.

Кристоф был голоден. Очень голоден, а сдерживать жажду, когда вокруг столько людей, невероятно сложно. Даже для такого, как он.

Но с инстинктами приходилось бороться. Нельзя лезть в катакомбы на сытый желудок. Свежая кровь в теле вампира способна мгновенно разбудить использованную в войне с кланом Лудэр силу, которая во много раз страшнее и опаснее Витдикты.

Колдун прогнал неприятные мысли и быстро прошел мимо ярких витрин магазинов и лавок — настоящего рая для иноземных гостей. Здесь имелось в наличии все — начиная от жутковатого вида марионеток, изображающих чернокнижников и ведьм, до знаменитого чешского хрустали и гранатов. Впрочем, последние, на месте смертных, Кристоф поостерегся бы покусать. В те годы, когда он еще был молод, считалось, что красный гранат — это запекшаяся кровь. Чем больше ее пролилось на землю, тем больше темных, кроваво-красных камней в ней найдут. А земля Праги впитала слишком много крови — так много, что ее вполне можно сравнить с вампиром. Она всегда сосала силу из людей, сама принуждала воевать, пила пролитую жизнь и боль. И даже сейчас не успокоилась. Кадаверциан чувствовал, что она ждет, дрожит от предвкушения, посылая тем, кто может ее слышать, кошмарные сны.

Перед костелом святого Микулаша некромант свернул налево и спустя еще несколько минут оказался в стороне от туристических маршрутов. Людей здесь почти не было. Единственное кафе уже закрывалось. Кристоф углубился в переплетение узких улочек и переулков. Один раз пропустил поворот, но вовремя остановился и вернулся обратно. Пройдя мимо полицейского участка, вышел на Влашку.

Дорога заметно поднималась в гору. Мокрая брусчатка, отражающая огни фонарей, стилизованных под начало девятнадцатого века, высокие стены особняков по обе стороны, и ни души. Резкий порывистый ветер крутил флюгер на крыше одного из домов.

До чуткого слуха некроманта донесся отдаленный звон колоколов Вышеграда, и тут же им ответил колокол собора Святого Вита.

— Полночь, — тихо пробормотал Босхет.

Колдун быстро шел вперед, узнавая знакомые места. Теперь в бывших дворянских особняках обосновались посольства. В ночи, несмотря на ярко освещенные стены, они казались мертвыми. Совершенно пустая улица, словно всех жителей выкосила чума, производила привычное впечатление. Да, за прошедшие века старые районы Праги изменились не слишком сильно...

Единственного человека на Влашской Кристоф встретил возле открытых ворот госпиталя Милосердных Сестер. Тот был облачен в серое пальто, под которым виднелась больничная пижама, и, сидя в инвалидном кресле, курил папиросу. Больной удостоил случайного прохожего заинтересованным взглядом, но ничего не сказал, лишь поежился от ночной прохлады и сплюнул на брусчатку.

Босхет мрачно посмотрел на него, ухмыльнулся, хотел изречь что-то, но передумал.

Влашка закончилась тупиком. Справа от нее дорогу преграждали запертые железные ворота, а налево круто уходила вверх узкая каменная лестница. На ней тоже горели фонари. Кристоф улыбнулся — у жителей Праги давно вошло в привычку освещать даже самые укромные уголки города. Особенно такие, как Петринский холм. Что ж, ничего удивительного. В Средние века слишком многие стали пищей для живущих здесь братьев, привыкших охотиться в темноте.

Особенными зверствами отличались Нахтцеррет, которым в ту пору принадлежал Вышеград. Однажды Золотые Осы устроили резню сразу в нескольких темных городских кварталах. С утра собиратели трупов устали грузить тела на телеги, а святая инквизиция сбилась с ног, но так никого и не изобличила. И хотя жалкие фонари никак не помогут спастись смертному, если его крови возжелает кто-либо из киндрэт, именно с тех самых пор пражане начали скрупулезно следить за освещением.

Лестница закончилась. Кристоф обернулся, посмотрел на открывшийся вид. Сияющая огнями Прага лежала перед ним как на ладони. Босхет тоже с интересом изучил открывающуюся панораму, многозначительно хмыкнул и засунул руки в карманы куртки.

— Мэтр, помните восстание гуситов? А чуму? Трупы валялись прямо на улицах, а на площади Святого Вацла каждую неделю кого-нибудь вешали, — добавил он мечтательно. — Теперь такого не увидишь.

У бетайласа была выборочная память на события прошлого. Единственно ценными дух-убийца считал эпидемии, войны и революции. Остальное не имело особого значения.

— Помню, — отозвался кадаверциан и направился дальше.

Цель его находилась не на вершине, так что он проигнорировал широкую асфальтовую дорогу, ведущую на самый верх, и направился к петляющей по склону узкой тропинке.

Вокруг раскинулся большой парк. Старые клены и липы нависали над кадаверцианом, переплетенные ветви кустарника не давали свернуть в сторону. В отличие от остального города здесь еще чувствовалось дыхание уходящей зимы. Ключки старого снега притаились в тени валунов, а деревья, казалось, только просыпались от холода.

Идти пришлось довольно долго, и наконец колдун увидел один из входов в катакомбы Петринского холма. Кристоф допущал, что люди могли замуровать вход или, еще хуже, обрушить своды. Но нет. Все, до чего додумались пражане, — перекрыть ведущий под землю черный провал металлической решеткой.

— Позвольте, мэтр. — Босхет выступил вперед, огляделся, взялся за прутья и без особого труда выдернул из камней ржавую конструкцию.

Подождал, пока кадаверциан войдет, нырнул в темноту следом и аккуратно поставил створку «ворот» на прежнее место, чтобы не привлекать к открытому входу в подzemелья лишнего внимания.

Стены, пол и потолок в катакомбах были неровными. Пахло сыростью и гнилыми листьями. Шагов через двадцать коридор резко повернул налево и пошел вниз. Миновав первый подземный перекресток, Кристоф пригнулся — свод стал очень низким.

Мастер Смерти ни на миг не забывал о дремлющей здесь силе. Интересно, его уже почувствовали? И если да, то сколько у него осталось времени? Как долго Витах, способная мгновенно уничтожить любого из киндрэт, позволит некроманту бродить по бывшим владениям кадаверциан, теперь ставшим ее безраздельной собственностью? Но ничего, кроме привычной сосущей боли в позвоночнике, преследовавшей его с момента прибытия в Прагу, Кристоф не ощущал. Пока все было спокойно. Похоже, порождение иного мира пребывало в глубоком сне.

Колдун шел легко и быстро. Не путаясь в коридорах, не останавливаясь, не оглядываясь, не раздумывая. Путь был привычным. У выступа, похожего на голову младенца, он остановился и, приложив ладонь, произнес несколько фраз. Камень содрогнулся, размяк, потек под пальцами... Вход в святая святых клана Смерти открылся.

Как только кадаверциан пересек незримую черту «врат», стена за спиной снова стала монолитной, а где-то высоко, под сводом, вспыхнули сотни магических огней, освещающая широкий коридор.

Внутренний город разительно отличался от катакомб. Гладкий пол и стены были облицованы черным мрамором. Высокий потолок с тяжами контрфорсов. Каменные скульптуры, изображающие кровных братьев. В отдалении слышалось журчание фонтана.

Боль в позвоночнике стала сильнее, пальцы покалывало. Босхет, шагая следом за некромантом, мрачно сопел и сердито передергивал плечами. Духубийца тоже чувствовал потустороннюю магию.

Но кроме этой явной угрозы существовала и другая. Когда Витах уничтожила Лудэр и растекался по Праге, кадаверциан покидали свое поселение в большой спешке. Кристоф, следуя приказу Вольфгера, ушел одним из первых, уводя за собой выживших в войне братьев. А мэтр остался еще на несколько часов, расставляя ловушки для возможных незваных гостей и пряча то, что нельзя было унести с собой.

Вольфгер так никому и не рассказал про оставленные здесь смертельные сюрпризы. А ученик не считал необходимым допытывать наставника расспросами, ведь никто из клана не предполагал когда-либо вернуться сюда без его приказа.

Впрочем, как убедился кадаверциан, это был далеко не единственный секрет мэтра. Теперь Вольфгера нет, все тайны он унес с собой, и его воспитаннику придется выпутываться самостоятельно.

Бетайлас коротко кивнул в ответ на взгляд мастера Смерти и направился вперед.

Если бы можно было использовать заклинание «Туманной гончей», порождение кадаверцианской силы легко нашло бы все магические ловушки. Но даже слабый всплеск магии мог пробудить Витах. Поэтому в Прагу и поехал Босхет — мастер по разного рода вскрытиям. Его присутствие давало надежду на то, что до зала Совета колдун доберется живым и здоровым.

Кристоф подождал, пока бетайлас отойдет на тридцать шагов, и только потом двинулся следом.

Витах молчала.

Даже тупая боль в какой-то момент стала привычной. Коридор с множеством ответвлений, которые вели в жилые помещения подземного города, за-

кончился входом в круглый зал с куполообразным потолком. Здесь находились ниши, застекленные витражами.

Опытный человеческий эксперт, взглянув на многокрасочные панно, сказал бы, что это работа венецианских мастеров, и... ошибся. Личный заказ Вольфгера исполняли фэриартос. Тысячи тысяч разноцветных стеклышек, сложенные в картины, рассказывали о самых значимых событиях в истории клана Кадаверциан от зари человечества до начала войны с Лудэром.

Последняя ниша была пуста — витраж, повествующий о победе над врагом, так и не был создан. Та победа оказалась... как говорят люди — пирровой. После нее было уже не до витражей.

В центре зала до сих пор работал фонтан. Струи воды били на десятиметровую высоту. Кристоф подумал о том, что в двенадцатом веке такое сооружение под землей люди сочли бы чудом. Теперь подобная диковина была легкодостижима для человеческой цивилизации. Однако смотрелось это по-прежнему величественно.

Раньше в глубоком бассейне жил Страж. Цепной пес клана Смерти. Ни оружие, ни стандартная магия братьев не могли причинить ему вреда. Если кровный брат не состоял в клане Кадаверциан, он не мог миновать Гипнала и проникнуть в эти залы без личного приглашения Вольфгера.

Кристоф перегнулся через бортик фонтана и с тихой грустью посмотрел в воду. Там, на дне, лежал скелет гигантского дипса, которого убила Витах. От некогда огромного, блестящего змеиного тела остался лишь длинный позвоночник и бугристый череп.

Величие клана исчезло так же, как погиб Страж. Безгласно и незаметно для окружающих. После того как кадаверциан ушли из Праги, их силы оказались подорваны. Помня о случившемся, другие семьи не рисковали злить колдунов, но та глупая война забрала слишком много.

Уникальные книги были утрачены. Множество мастеров Смерти погибли. Некроманты перестали вмешиваться в политику кровных братьев и брали себе учеников лишь в исключительных случаях. Для кадаверциан наступила глубокая осень. Лудэр добились своего, даже проиграв. Рассвет силы клана сменился его закатом.

Дел недавних пор считалось, что исчезла сама суть, дух клана Смерти. Так думали многие...

Следуя за Босхетом, Кристоф прошел дальше по центральному коридору, с большим трудом удержался от соблазна посетить библиотеку, хранилище и лабораторию. Он понимал, что рисковать глупо и задерживаться не стоит.

Бетайлас внезапно остановился, оглянулся на колдуна и молча указал вперед. Присмотревшись, тот увидел в центре лестницы, ведущей наверх, едва мерцающее розовое зарево.

На нейтрализацию этой ловушки кадаверциану потребовалось больше пяти минут напряженной работы. Дважды он был близок к тому, чтобы привлечь к себе внимание Витах. Он чувствовал, как она беспокойно ворочается в своей дреме. Пытается выбраться, разорвать оковы сна, которыми ее опутал Вольфгер.

Прежде чем добраться до зала Совета, Босхет еще дважды предупреждал о спрятанных по дороге сюрпризах.

Один раз бетайлас замер посреди коридора, покрутил головой, то ли прислушиваясь, то ли приносясь, протянул руку, явно ощупывая нечто невидимое перед собой. Затем вдруг резко отступил на шаг и подпрыгнул. Уцепился за едва заметный выступ на потолке, подтянулся и перелез через немате-

риальную преграду. Но едва его ноги коснулись пола, за спиной тут же вспыхнула стена, сотканная из зеленых волокон. Они сплетались, словно кусты густого терна, и сыпали изумрудными искрами.

Кристоф услышал сдавленные ругательства бетайласа, который задел один из «шипов», и бросился обрубить «ветки» ритуальным стилетом, сначала проделавшим брешь в зеленой стене, а затем полностью срезавшим густые «заросли».

Но если с этим препятствием колдун справился относительно легко, то с «Пьющим душу» возникла масса проблем.

Босхет, идущий впереди, неожиданно без единого звука рухнул на пол. Мертвое тело осталось лежать неподвижно, а сам дух-убийца, выброшенный из физической оболочки, метнулся прочь — как можно дальше от мощного сторожевого заклятия, едва не всосавшего его. Да и сам Кристоф чуть не лишился своей силы. Западня, поставленная мэтром, напоминала губку и была готова с радостью впитать любое проявление магической энергии. Жаль только, что Витах «Пьющему» не по зубам.

Постоянно уклоняясь от щупалец заклятия, Кристоф лихорадочно работал. Наконец, когда руки уже ощутимо дрожали, ему удалось перевести ловушку в замкнутую систему. Спустя несколько секунд «Пьющий» сожрал сам себя и исчез, открывая проход в слабо освещенный зал Совета.

На огромном полу черно-бело-зелеными плитами был выложен герб клана Кадаверциан — крест, увитый плющом. Сводчатый потолок терялся во мраке, а дубовые кресла, на которых в былые годы восседали братья, казались остовами тьмы. Кристоф остановился у крайнего. Это было его место — по левую руку от главы клана. Колдун провел ладонью по спинке. Затем заставил себя отбросить воспоминания и подошел к трону мэтра.

Здесь, на высоком столике, стояла шкатулка Вольфгера, в которой находилась святая для каждого из адептов Смерти вещь — Крест Основателя. Тот самый, который клан выбрал для своего герба.

Он нес в себе немалую магическую силу, и та была столь страшна и опасна для любого из кровных братьев, что этим артефактом воспользовались лишь один раз. В конце противостояния с Лудэром.

Силой враги не уступали колдунам, и тяжелая война длилась не один век. С обеих сторон погибло множество братьев, но ни один не мог взять верх над другим. И тогда на совете кадаверциан было принято решение воспользоваться даром Основателя.

Мастера Смерти вызвали из потустороннего мира ту, что пожирает тела и души братьев. Витах. Они натравили ее на всех, в ком была кровь Лудэра, и за одну ночь от этого клана остались лишь воспоминания. Но вместе с ним исчезли больше двух сотен киндрэт, совершенно непричастных к войне, ибо Витах вырвалась из-под контроля и стала без разбору пожирать любого, кто питается человеческой кровью. Если бы не мастерство Вольфгера, история киндрэт завершилась бы в ту страшную зимнюю ночь.

Мэтру не удалось выбросить чудовищную сущность обратно в потусторонний мир — для этого требовалось могущество самого Основателя. Но учитель Кристофа совершил невозможное — ценой невероятных усилий он сумел погрузить Витах в глубокий сон.

Однако ее можно было разбудить свежей кровью тех, кто охотится ночью, или же достаточно сильной, неосторожно использованной магией. Именно по этой причине кланы навсегда покинули Прагу и перебрались в более безопасный город — подальше от Витах. И именно по этой причине под Петринский холм теперь вернулся Кристоф.

Находясь в двух шагах от тяжелой шкатулки, инкрустированной нефритом и ониксом, кадаверциан не видел никакой защиты, окружающей ее. Деревянная коробка выглядела абсолютно безобидной — нужно было просто подойти и открыть крышку. Многие, возможно, поступили бы именно так. Но однажды, очень давно, еще в Париже, который во времена юности Кристофа назывался Лютецией, колдун видел, как мэтр накладывает мощнейшее охранное заклятие на древнюю книгу пророчеств. И после на ней также не осталось никаких видимых следов.

Остановившись в шаге от цели, Кристоф напряженно вспоминал заклинание. Символы медленно всплывали в памяти и, казалось, приобретали материальность, едва мастер Смерти произносил их вслух.

Спустя минуту воздух вокруг шкатулки замерцал и сгустился, превращаясь в светящиеся зеленою прутья. «Кровавая решетка» стала видимой, но от этого не менее опасной. Любой прикоснувшийся к ней был бы убит на месте.

Вторая часть формулы далась кадаверциану с большим трудом. Она жадно отбирала у него остатки ментальных сил, наполняла голову звоном и путала мысли. Но, наконец, прутья дрогнули и рассеялись, выпуская добычу.

Колдун холодно проверил — не упустил ли еще какой-нибудь каверзы учителя — и лишь после этого, нажав на скрытую пружину, открыл крышку.

Сделанный из черного металла, Крест Основателя лежал на белом бархате и казался очень массивным. Серебряная с малахитом ниточка плющом обвивала крестовину. Некромант взял артефакт, и тот как влитой лег ему в руку. Достав из внутреннего кармана куртки черный шелковый мешок, Кристоф убрал в него реликвию, завязал алые шнуры и спрятал добычу в карман.

Все. Дело сделано. Теперь следовало уходить как можно скорее. Обратная дорога должна была стать слишком долгой, и никто не знал, какие сюрпризы приготовил Вольфгер для похитителя артефакта, задумавшего возвращаться назад по своим следам. Кадаверциан решил не рисковать.

В северной стене зала Совета виднелась глубокая ниша. В ней скрывалась очень крутая витая лестница. Множество выдолбленных в камне ступенек — грубых и узких — уходили во мрак и вели к каменной плите, перекрывающей выход.

Но дорога оказалась для Кристофа значительно тяжелее, чем он рассчитывал. Боль в спине нарастала, а и без того тяжелый крест теперь казался попросту непосильной ношей...

Когда кадаверциан наконец добрался до верхней ступени и, положив на плоский камень над головой обе руки, произнес заклятие «ключа» — глыба не дрогнула. Подождав несколько мгновений, колдун перевел дыхание и, стараясь не торопиться, повторил заклинание.

Снова никакого результата.

Очередной сюрприз Вольфгера? Или магия, заложенная в камни, рассеялась со временем?

Чувствуя, что с каждым шагом все ниже склоняется к земле, мастер Смерти спустился по ступеням и, вновь не пожелав идти по своим следам, поспешно направился в самое сердце подземного города...

Нужные ему покои были последними.

Двустворчатые двери распахнулись бесшумно от одного прикосновения. Аромат цветов ливанского кедра до сих пор витал в воздухе.

Помедлив, Кристоф шагнул в роскошный зал — осколок мира, принадлежавшего другой эпохе. Круглый золотой диск, изображающий солнце, висел с потолка на тяжелых цепях. Статуя Анубиса в центре зала смотрела на

необъятное ложе под золотым балдахином. Постель была смята, леопардовые шкуры на ней небрежно разбросаны.

Массивные треножники, стоящие на небольших возвышениях, сверкали так, словно их металл полировали совсем недавно. Занавеси из тончайшей газовой материи бросали призрачные тени на великолепные росписи на стенах: тростник, поднимающийся над черной водой, белые цапли, цветущий лотос. А в центре этого великолепия — изображение трона, на котором сидит прекрасная черноволосяя женщина в красно-белой короне двух Царств.

Дочь фараона.

С фрески на Кристофа, не отрываясь, смотрели ее темные глаза, полные жизни. Алые губы улыбались едва заметно. Тонкое тело, обернутое белой тканью с золотыми полосами, казалось слишком хрупким на фоне массивного каменного сиденья.

И, глядя на это живое лицо, изображенное в мертвом камне, колдун на минуту перестал чувствовать боль в спине и тяжесть Креста в кармане...

Ее длинное, непроницаемое имя, казалось, просто невозможно запомнить, как и родословную, уходящую корнями в необозримо далекое прошлое. Дочь Эхнатона была высокомерна, умна, самолюбива, жестока, и жизнь уже давно тяготила ее.

«Жаль, что ты не появился среди нас на две тысячи лет раньше, — обронила она как-то, пристально глядя на Кристофа. И он впервые увидел в ее черных глазах тоску. — Быть может, тогда я смогла бы принять эту новую реальность».

Она научила его читать и говорить на древнеегипетском, драться на двусторонних секирах и видеть красоту в величественных статуях ее старых богов. А он слегка примирил Макетатон с новой жизнью...

Она погибла от «Могильной гнили», так же, как и многие другие. В нелепости смерти гордая египетская принцесса ничем не отличалась от своих менее родовитых братьев и сестер. На рассвете Кристоф вынес ее, еще живую, из убежища и оставил на склоне холма.

Холодный пражский ветер разметал пепел, оставшийся от дочери фараона, и спустя годы на нем выросли новые деревья.

«Чем мы отличаемся от мертвых? — подумал кадаверциан, последний раз взглянув на фреску. — Ничем. Так же умираем и ложимся в землю».

...Каменный блок в стене за ложем отодвигался в сторону. За ним чернел провал потайного хода.

Коридор стал просторнее, на полу появилось нечто вроде ступеней, но затем резко сузился до темного лаза, протискиваться по которому можно было лишь с большим трудом. Кристоф чувствовал себя крысой, ползущей по узкой трубе. Неожиданно ему показалось, что Витах чувствует, как удаляется Крест, к которому она была крепко привязана, и это беспокоит потустороннюю силу.

Лаз вывел в старый парк рядом с храмом Святого Вавренсия. Колдун почувствовал запах сырой земли, его пальцы наткнулись на плиту, перегораживающую выход. Так же, как дверь из зала Совета, она открывалась с помощью магии и небольшого физического усилия. Но на середине камень заело, и некроманту пришлось потрудиться, чтобы выбраться...

— Помочь? — неожиданно прозвучал над ним участливый голос.

Кристоф вскинул голову и увидел уже знакомую фигуру в больничной пижаме. Серое пальто было небрежно наброшено на узкие плечи, стоптанные ботинки в грязи. Человек наклонился над некромантом, наполовину вылезшим из земли, и протянул руку. На ее запястье показался широкий шрам с белыми точками по краям...

Кадаверциан пристально посмотрел в лицо незнакомцу, и оно тут же стало меняться. Морок рассеялся. Теперь рядом стоял, улыбаясь, юноша лет шестнадцати в коричневом пиджаке и потертых джинсах. В его длинных темных волосах виднелось несколько светлых прядок.

Иноканоан — глава клана Иллюзий. И непревзойденный мастер по их созданию.

Некромант молча ухватился за его ладонь и выбрался на поверхность.

— Думаю, ты не знаешь, зачем я здесь, — доброжелательно сказал лигаментиа, наблюдая за мастером Смерти, ставящим плиту на место.

— Отчего же, кое-какие предположения у меня есть, — отозвался тот, выпрямляясь.

Юноша сел на камень и с видом глубочайшей задумчивости устался на земле у себя под ногами.

— Ты вынес из подземелий некий крест. Это был неразумный поступок.

— Ну и что ты собираешься делать теперь? — спросил кадаверциан не без иронии. — Попытаешься убить меня и забрать артефакт?

Иноканоан понимающе усмехнулся в ответ:

— Да, это бессмысленно. Здесь мы не сможем воспользоваться магией... боевой магией. Иллюзии не в счет. А в обычном поединке ты легко одолеешь меня. Только есть ли смысл драться, если можно договориться?

— Разумно, — согласился некромант, стряхивая грязь с куртки.

Лигаментиа вынул из кармана сигару, задумчиво посмотрел на нее, убрал обратно и продолжил:

— Появление в Столице артефакта Основателя может заставить кланы нервничать. И совершать ошибки...

— Надо было думать раньше, — резко отозвался Кристоф. — В тот день, когда ты голосовал за распад Совета, тебя не слишком беспокоили судьбы наших семей.

И, прежде чем Иноканоан успел возразить, продолжил:

— У меня есть несколько братьев и сестер, которые мне дороги. Их я и буду защищать так же, как они будут оберегать меня. А на прочих мне плевать.

Лигаментиа выглядел одновременно рассерженным и уязвленным. Но произнес по-прежнему вежливо:

— Клань предпочитают не связываться с кадаверциан. Вас боятся и уважают. Скажи, от кого ты собрался защищаться с помощью этого? От гин-чи-най? Или от самого Основателя?

Кристоф промолчал, но юноша и не ждал ответа.

— А что, если клань, объединившись, решат уничтожить кадаверциан до того, как те опять пробудят силу, погубившую Прагу?

— Они не объединятся, — ответил колдун, глядя на Иноканоана, который вдруг превратился из мудрого кровного брата в мальчишку, полного наивных юношеских представлений о жизни. — Одни будут сидеть тихо и трусливо желать, чтобы буря прошла мимо. Другие поползут к сильнейшему, вожде, чтобы получить его защиту. Третьи начнут громогласно звать к общественному разуму и потихоньку интриговать. А четвертые удалятся в прекрасные, безопасные земли, недоступные большинству. Так что все очень просто. Примитивно. И не ожидай от них большего.

Кристоф повернулся к лигаментиа спиной и пошел к выходу из парка.

— Ты говоришь, как Вольфгер, — разочарованно сказал ему в спину Иноканоан. — И поступаешь так же самонадеянно.

Не оборачиваясь, кадаверциан небрежно махнул рукой, непредумышленно повторяя жест мэтра, означающий: «Думай, как хочешь».

Глава 2 ОПАСНЫЙ ГОСТЬ

Это нелепо — разделять людей на хороших и плохих. Люди бывают либо обаятельны, либо скучны¹.

1 марта...

В центре просторной шестиугольной комнаты горел огонь. Он был заключен в круг и с шелестом бился об ажурную решетку, пытаясь вырваться и лизнуть ноги сидящего.

Верховный магистр клана Асиман смотрел на пламенный символ солнца и грел о его тепло холодные ладони. Огненные змеи, танцующие на длинных хвостах, тянулись к нему и плевались красными искрами. Особо резвые касались рук Амира, но не обжигали. Их жар не мог уничтожить холод, давно живущий в теле мага.

Будь на то воля асимана, он бы сменил символ клана — корону и скипетр — на раскаленный диск солнца. Но вряд ли кто-то из учеников в состоянии понять иронию магистра. Древний страх перед светилом глубоко вошел в их кровь и требовал почитания других символов.

Невозможно безнаказанно изменить одному божеству, уйдя на службу к другому.

Религия юности Амира была проста. В мире в равных мерах существует добро — свет и зло — тьма. Между ними идет постоянная война, и человеку дозволено встать на любую сторону. Каждый поступок, каждое желание и мысль смертного может оказаться брешью в броне противника. Можно жить в бедности и гармонии, а можно в роскоши и пороке. Но первых божество поведет к свету по широкой дороге, а вторых — по узкому лезвию.

Душа молодого человека по имени Амир разрывалась. Одна ее часть, та, что просыпалась ночью, желала всех удовольствий этого мира. Ему отчаянно не хватало знаний, которые давали в храме, и ради большего он был готов даже убивать. Другая половина стремилась к свету и гармонии...

Он увидел ее во время чтения утреннего гимна. Молодой жрец призывал солнце, но на его зов из волн вышла прекрасная женщина.

Она изменила его жизнь, судьбу, предназначение. Показала дорогу, по которой он шагал уже не одно столетие и ни разу не пожалел и не усомнился.

— Ты боишься расплаты. — Киа сидела на ковре напротив смущенного юноши. Лазоревый полог над ее головой трепал ветер. Немигающий взгляд серых глаз, густо подведенных сурьмой, впивался в его глаза...

Вонзая острия ресниц, на стаи стрел похожи,
Их взоры ранят нам сердца, хоть и не ранят кожи.

Однажды он попытался прочитать ей стихи знаменитого поэта, но она лишь снисходительно покачала головой: «Это пустое. Не трать время». И с тех пор он произносил их лишь мысленно.

— Ты боишься расплаты.

¹ Оскар Уайльд. Веер леди Виндермир.

Волны с шелестом набегали на берег. Ветерок касался ее черных локонов, выбивающихся из-под повязки, расшитой жемчугом. Мелодично позвякивали колокольчики, вплетенные в длинные косы.

— Я ничего не боюсь, — процедил он сквозь зубы, оскорбленный подозрением в трусости.

Киа улыбнулась яркими прохладными губами, сняла с пояса узкий ножичек и протянула его Амиру:

— Тогда походи и заколи моего раба.

Жрец посмотрел на оружие, потом перевел взгляд на невольников, стоящих поодаль, и отвернулся. Ярость и стыд заливали лицо ядовитым жаром. Уже не в первый раз ему хотелось задушить красавицу, смеющуюся над ним. Но без ее позволения он не смел даже подумать о том, чтобы прикоснуться к ней.

— В страхе нет ничего постыдного. Я тоже боюсь... — Она протянула руку, дотронулась до гладко выбритого подбородка Амира, заставляя смотреть на себя. — Боюсь скуки.

Утреннее солнце леопардовым узором лежало на ее коже. Одевание, которое дозволялось носить лишь египетским царицам, охватывало стройное тело, оставляя обнаженными грудь, руки и ноги ниже колен.

— Ты запираешь себя в клетке своей беспомощности. Тебе нет места среди людей. Я могу помочь тебе изжить свою слабость. Отведу к тем, кто освободит твою темную суть. Если ты хочешь этого.

Она была старше его на двадцать пять лет. Но ее лицо и тело оставались молодыми. Будучи великолепным алхимиком, Киа могла творить маленькие чудеса над своей плотью.

Умная, образованная, решительная, равнодушная к своей и чужой боли.

Она привела Амира в клан Асиман, глава которых доверял этой смертной женщине так же, как себе самому, если не больше. Ведь она была так умна, бескорыстна, стремилась к познанию истины и давала столько ценных советов.

Несколько десятилетий новый ученик магистра послушно выполнял волю господина. Сумел стать его доверенным лицом. А потом убил его с помощью прекрасной человеческой советницы, чтобы самому занять место верховного магистра. Без жалости и сожаления, в тот миг, когда учитель не ожидал нападения...

Амир был болен этой женщиной еще целых десять лет. Она приходила к нему, новому главе клана, на закате, пахнущая морской солью и раскаленным песком, а уходила утром. Удержать ее было невозможно так же, как солнце.

Амир предлагал ей бессмертие, но Киа отказывалась, смеясь.

— Единственное, что примиряет меня с этим миром, — купание в морских волнах на рассвете. Я не хочу лишиться последней радости.

Лунный свет обливал ее полуобнаженную фигуру белым шелком и застыл в глазах двумя лужицами расплавленного серебра.

— Обращение не обязательно. Есть другие пути.

Из темного сада долетало невнятное журчание ручейка и вздохи ветра в вершинах деревьев. Тихий голос женщины тонул в шелесте и шепоте ночи:

— Стать твоим гемофагом? Мне уже скучно. Как ты думаешь, смогу ли я пережить вечную жизнь?

Все свои знания и силы Амир направил на то, чтобы ее тело как можно дольше оставалось молодым. Но удержать дух в этой прекрасной оболочке мог лишь один Ахура-Мазда.

Киа умерла на рассвете. Ее золотой саркофаг магистр приказал опустить на дно моря, которое она так любила...

«Кому бы мы ни поклонялись, — прошептал Амир, наклоняясь к огню, — мы все равно поклоняемся солнцу».

Пламя дохнуло жаром в его лицо в ответ на мысль, которую большинство братьев посчитали бы кощунственной.

В комнату бесшумно вошел Кайл, почтительно преклонил колени и заговорил, не поднимая головы:

— Прошу прощения, магистр, учитель просил передать вам... — он сделал паузу, резко вздохнул и закончил неутешительную новость: — опытный образец погиб. И мы пока не знаем почему.

Амир медленно повернулся к нему. Шею молодого человека все еще окольцовывал широкий красный рубец — след от наказания тридцатилетней давности так и не прошел. «А ведь колдун был почти у меня в руках...» Магистр перевел взгляд на стену, где пламенела фреска, изображающая силуэт женщины, погружающейся в океан. Навстречу ей из воды поднималась заря...

— Передай учителю, я сейчас буду.

Кайл торопливо вышел. Верховный маг еще раз коснулся лепестков огня, тянувшихся к нему сквозь решетку. Поднялся, обеими руками огладил складки тяжелого одеяния и не торопясь направился к выходу. Массивная дверь хлопнула за его спиной, закрыв в комнате воспоминания прошлого.

Лаборатория была практически пуста. Хмурый Якоб записывал результаты последнего эксперимента.

Во внешности второго помощника Амира причудливым образом смешивались римские и франкские черты. Светлые, холодные северные глаза, в которых иногда начинали светиться отсветы безумия берсерка, под сросшимися у переносицы черными бровями. Нос благородного патриция, одного из тех, что так любили изображать на античных памятниках. Кожа, сохранившая матовую смуглость южанина, тяжелая квадратная нижняя челюсть.

В зависимости от душевного состояния асманана в нем ярче проявлялся образ одного из предков, заглушая другой. Сейчас перед Амиром сидел благородный житель Великой Империи, поглощенный научной работой.

Ученик Якоба улаковывал в черный полиэтиленовый мешок останки. Увидев магистра, второй помощник начал приподниматься, но Амир жестом велел ему оставаться на месте и не прерываться. Подошел к Кайлу.

— В чем цель человеческой медицины?

— Добиться бессмертия. — Не поднимая взгляда, тот рывком застегнул молнию.

— А наша цель?

— Добиться бессмертия, — устало повторил Якоб вместо воспитанника, закрывая журнал. — Оставьте его, магистр. Он немного... расстроен. Сегодня мы пытались воплотить в реальность его идею. Мой ученик возлагал на нее много надежд. Но, к сожалению...

Кайл навалился на стол обоими кулаками и с ненавистью уставился на пластиковый мешок, скрывающий итог его опыта.

— Не понимаю. Ошибки быть не могло. Эксперименты на животных показывали такие хорошие результаты! Магистр, взгляните.

Он бросился к столу, схватил с полки папку и поспешил к Амиру.

— Вот. Эта молекула. — Ученик торопливо перевернул несколько страниц и ткнул пальцем в длинную формулу. — Она очень большая, и ее поверхность... — он замолчал, подбирая нужное слово, — шероховатая, покрыта выступами. Она буквально притягивает воду. И...

— ...и на животных это действует великолепно. — Амир бегло просмотрел записи.

— Да!

Теперь Кайл смотрел на мага взглядом, горящим вдохновением и нетерпением. Ожидал, когда ему укажут на ошибку, и можно будет броситься резать новых «пациентов».

— А когда ты ввел свой препарат человеку, начался некроз тканей.

— Да, — уже с меньшим энтузиазмом подтвердил ученик.

— Он по-прежнему считает, что магия и медицина несовместимы, — сказал Якоб с усмешкой, хотя в его голосе слышалась гордость за ученика. — Современные специалисты. Не понимают, что в наше время любая наука была колдовством.

— Я покажу, в чем твоя ошибка. — Амир вынул карандаш из нагрудного кармана Кайла и подчеркнул несколько слабых мест в записях. — Обрати внимание на эти соединения.

— Значит, я могу продолжать?!

Нетерпение воспитанника позабавило магистра.

— Можешь. Но не сегодня. У меня есть для тебя и для твоего учителя персональное задание. И оно связано с магией.

На лице Кайла появилось недоверчиво-настороженное выражение. Якоб усталое потер переносицу и поднялся.

— Идемте за мной.

Длинный коридор, выложенный гранитными плитами с красными прожилками, изгибался широкими концентрическими кругами. Он вел в нижние лаборатории. Часть из них были открыты всегда, но самая нижняя отпиралась лишь по личному приказу Амира. Кое-кто из асиман называл эти помещения кругами ада. И только идиоты могли считать, что там подвергаются пыткам люди. Какой смысл доводить опытный материал до смерти от болевого шока.

Вчера магистр слышал разговор двух лаборантов:

— Где ты работал сегодня?

— В третьем.

— Повезло.

— Повезло?! У нас трое с отравлением. Едва не передохли. Мы работаем, как каторжные, а толку? Я не вижу смысла...

Он замолчал, увидев Амира, и оба асимана поклонились магистру. А тот пристально взгляделся в лицо недовольного, запоминая. Магом становится лишь адепт, который доходит до самого нижнего круга, не обращая внимания на повреждения, ожоги, травмы, усталость и периодические разочарования. А этот юнец так и останется на подсобных работах. Потому что не видит смысла...

Магистр взглянул на Кайла. Ученик оглядывался с жадным любопытством, и его глаза горели нетерпением.

Коридор закончился. Амир остановился у последней двери, приложил руку к косяку. Контур ладони обвелось огнем, вход открылся. Но в это мгновение к главе клана подбежал запыхавшийся Рэдрик. Похоже, он мчался бегом с верхнего уровня.

— Господин ар Рахал, прошу прощения. К вам пришли.

— Кто? — отрывисто спросил Амир, недовольный тем, что его отвлекают.

Маг замаялся, быстро огляделся по сторонам и произнес отчего-то шепотом:

— Дарэл Даханавар.

Кайл тихо свистнул, Якоб покачал головой. Удивляться было чему. Похоже, бывший телепат мормоликаи сошел с ума, если решил явиться в убежище к асиман.

— И что, позволь узнать, ему надо?

— Он хочет побеседовать с вами. Говорит, это очень важно.

— Хорошо. Я поговорю с ним. Проводи его в мой кабинет.

Даханавар вольготно расположился в кресле перед плазменным телевизором.

Телепат не обращал внимания на троих охранников, глядящих на него как голодные кошки на мышшь, и с предельно заинтересованным видом смотрел на экран, нажимая кнопки пульта и перебирая телевизионные каналы. Но, едва только заметил появление магистра, стремительно поднялся, лучась широкой улыбкой.

— Уважаемый Амир. Счастлив видеть в добром здравии.

Асимана передернуло от подобного приветствия.

— Ты отрываешь меня от работы, — процедил он сквозь зубы. — Что тебе надо?

— Видишь ли, в чем дело... — Дарэл бросил пульт на кресло, подошел ближе и произнес доверительно: — Мне нужно убежище. А твой дом подходит для этой цели как нельзя лучше.

Подобной наглости нельзя было ожидать даже от Миклоша. Асиман желчно рассмеялся и спросил:

— Некроманты больше не нуждаются в твоих услугах? Решил поменять покровителя?

Дарэл смерил его раздражающе снисходительным взглядом:

— Ты не понял. Я пришел сюда не для того, чтобы предлагать тебе услуги телепата. Мне нужен ты и весь твой клан. Я не собираюсь работать на вас. Я хочу, чтобы вы поработали на меня.

Амиру осталось лишь ошеломленно покачать головой. Его первое предположение оправдалось — даханаварский сопяк действительно безумен. Он чуть шевельнул ладонью, и в сторону Дарэла полетела стая раскаленных искр.

Он не собирался убивать глупого, нахального щенка. Тот мог пригодиться живым. Но телепат неторопливо шагнул в сторону, и тут же воздушная волна смела огненные капли и швырнула их на пол, превращая в жалкие хлопья сажи.

— Не думаю, что это верное решение, — сказал он.

Магистр почувствовал мощную магическую вспышку и застыл, потрясенный.

В руках Дарэла появились два коротких огненных жезла с кривыми лезвиями на концах. Тот лениво крутанул их, превращая в размытые круги пламени. Высшая магия асиман. «Тенеты огня».

Охрана наконец очнулась от шока и бросилась на защиту главы клана.

Огненные лезвия легко выскользнули из ладоней телепата и, шипя, врезались в двух магов, рассекая их пополам. Третий успел швырнуть клубок пламени, но красный диск расплылся заклинание и отсек асиману голову.

Амир, не помня себя от ярости, вскинул руку. Пламенная волна хлынула на убийцу, скрыла его фигуру, сжигая дотла. Должна была сжечь, но в ту же секунду магистр увидел два сверкающих ледяных лезвия, пронзающих огонь. Мощнейшее заклинание разорвало в клочья — пламя зашипело, испаряясь, потекло на пол потоком черной грязи. А невредимый Дарэл стоял, усмехаясь, и небрежно поигрывал двумя короткими ледяными клинками.

И, прежде чем Амир успел ответить новой магической атакой, один из мечей полетел в его сторону, превратился в ослепительно сверкающую сеть и опутал с ног до головы. Изумленный асиман почувствовал, что не может шевельнуться, более того, даже не может призвать магию. Пламя, всегда послушное ему, как будто превратилось в едва тлеющие угли.

Телепат вдруг обернулся к выходу, размахнулся и швырнул второй клинок в сторону двери. В ту же секунду она распахнулась, и в кабинет вбежал Якоб. Синяя молния пронзила его, вздернула в воздух и привоздила к стене, словно тряпичную куклу. Ученик магистра дернулся и безжизненно уронил голову на грудь. По рукояти меча, торчащего из его тела, побежала струйка крови. Дверь захлопнулась сама собой.

— Вся беда в том, что своей магией победить меня вы не можете, — любезно пояснил Дарэл, наблюдая за яростными попытками Амира освободиться. — А другой не знаете.

Даханавар махнул рукой, меч вылетел из груди Якоба, и телепат легко поймал оружие. Ученик тяжело рухнул на пол. Потом пошевелился и застонал.

— Жив, — равнодушно заметил Дарэл. — Я ценю полезных мне людей и не людей.

Задыхаясь от бешенства, Амир пытался собрать ускользящую от него силу, все еще уверенный, что она вернется через мгновение. И в то же время в глубине души он чувствовал, как начинает разрастаться в нем тончайшая паутинка неуверенности. Привычный мир, в котором Амир Асиман считался непобедимым, был готов дать трещину.

Где даханаварский ублюдок мог обучиться сложнейшей огненной магии?! Заклинаниям, доступным лишь верховным огненным магам? И как он сумел воспользоваться давно забытыми заклинаниями леарджини?!

— Ты сам научил меня, — отозвался телепат, явно прочитав его мысли, и сел в кресло, воткнув оружие в пол рядом с собой.

— Ты не выйдешь отсюда живым, клянусь! — прохрипел ар Рахал. — Нет, ты не умрешь быстро. Я прикажу поджаривать тебя на медленном огне, пока ты...

— Хватит, — произнес Даханавар спокойно, однако что-то в его голосе заставило асимана замолчать. — Ты же не глуп, Амир. Мы могли бы договориться, а ты заставляешь меня проделывать все эти бессмысленные трюки и убивать твоих слуг.

В коридоре у кабинета послышались торопливые шаги, тревожные голоса. В дверь постучали.

— Магистр! Господин ар Рахал! Магистр, ответьте!

Глава клана молчал, не отрываясь глядя на Дарэла. На коленях даханавара засветился красный шар, медленно принимающий форму ящерицы с высоким острым гребнем. Огненная саламандра, пока еще маленькая и безобидная, лениво зевнула, переползла на плечо к телепату и потерлась заостренной мордой о его скулу. Амир застыл, чувствуя, как по его виску течет капля пота.

— Невозможно, — прошептал асиман. — Дух Огня не подчинялся никому... никогда... кроме...

— Кроме Основателя, я знаю, — небрежно отозвался Дарэл.

Голоса у кабинета стали громче. Видимо, обеспокоенные ученики собирались выбить дверь.

— Ответь им, — предложил телепат, поглаживая саламандру. — Впрочем, ты можешь пригласить их войти. Эта зверушка очень голодна. И я с удовольствием скормлю ей весь твой выводок.

Амир помедлил секунду и крикнул:

— Уходите! Я занят.

Голоса стихли, чтобы тут же зазвучать снова:

— Но магистр, мы слышали...

— Убирайтесь все! Живо! Когда будет нужно, я позову.

Никто не хотел испытать на себе гнев ар Рахала, поэтому асиманы поспешили удалиться.

— Мудрое решение, — улыбнулся Дарэл. — Может быть, теперь поговорим спокойно?

— Хорошо, — выдал из себя Амир. — Чего ты хочешь?

Сеть растаяла, выпуская его. Магистр сделал несколько нетвердых шагов к дивану и тяжело опустился на него.

— Сначала, позвол, я расскажу тебе одну легенду. Про Основателя и клан Қадаверциан. — Даханавар осторожно снял саламандру с плеча и пересадил на подлокотник кресла. — Располагайся удобнее. Рассказ будет долгим.

Глава 3 ЧУЖАК

Связующим звеном всех отношений, будь то брак или дружба, является разговор¹.

2 марта

Дарэл Даханавар

Всего несколько часов назад я лежал на узкой продавленной кровати, чувствуя, как мир медленно вращается вокруг. В голове звучали чужие голоса, из темноты выплывали смутно знакомые лица. Чужая магия разрывала на части...

Я, и не совсем я. Сознание разделилось. Одна его часть принадлежала мне, другая вдруг обрела собственную волю и желания. Я не мог бороться с ней. Она была слишком сильной. Чудовищно сильной. Мне удавалось лишь плыть по течению чужих мыслей, временами проваливаясь в черноту. И снова выныривать на поверхность... Размышления мои часто путались с его воспоминаниями и видениями.

Пребывание в сознании Вивиана едва не лишило Основателя последних сил. Молодой некромант боролся слишком упорно. Не хотел выполнять приказы, не желал слушаться мудрого «внутреннего голоса». Пытался жить сам, упрямый глупец.

Чужая сила довела только что обращенного человека до надежного укрытия. Спасла от фанатиков — фэри, считавших возрождение Основателя национальным бедствием... Если бы Фрэнсису и двум его ученикам удалось провести задуманный ритуал, сейчас он болтался бы внутри древнего артефакта, беспомощный и жалкий.

— Я создал их! Почему теперь они хотят уничтожить меня?!

Он с размаху ударил кулаком по спинке кровати, и я, испытывая чужую ярость и ненависть, с трудом поднялся. Шатаясь, добрался до мутного, засиженного мухами зеркала, и чужак, поселившийся в моем разуме, увидел свое лицо. Для него новая внешность была странной, но не отвратительной. Пожалуй даже, она больше соответствовала его новой внутренней сущи.

¹ Оскар Уайльд. De Profundis.

Он, и я вместе с ним, снова рухнул на кровать. Пружины продавленного матраса натужно застонали.

В старом доме, подготовленном под снос, гулял ветер, играя обрывками обоев и ключьями пакли, вылезшей из дыр между рамами. В обломках старой мебели шуршали тараканы. Грязь, запустение и убожество.

Великолепное место для возрождения.

«Господин, мы будем ждать. Десять тысяч лет, двадцать, не важно... Мы сделаем все, чтобы ты вернулся. Мы помним нашу цель и передадим ее тем, кто последует за нами...» — Уродливая морда Молоха, одного из первых созданий Основателя, выражала полное подчинение, едва ли не преклонение. Впрочем, все тогда казалось ему уродливым. Диким, чужим.

— Ничего вы не помните, — прошептал он моим голосом в пустоту прошлого.

Ему не мешали искорки моего сознания. Казалось, он вообще не ощущает мое присутствие. Сила кланов переполняла его, создавая ощущение невиданной мощи. Но это была иллюзия.

«Мне нужно убежище. Место, где я смогу спокойно дожидаться окончания трансформации. Где найти такое место? У кого?»

Чужак закрыл глаза, одно за другим вспоминая незнакомые и такие узнаваемые лица. Моя память была наполнена яркими образами, номерами телефонов, адресами. Вся информация, доступная мне, теснилась и в его голове.

Он копался в моих воспоминаниях, тасуя образы кровных братьев, словно колоду карт. И те, кого я считал друзьями, для него таковыми не были. Так же, как и враги...

«Кадаверциан? Нахтцеррет? Даханавар? На территорию волков заходить не стоит. И попасться на глаза лиганентиа тоже нельзя. Фэриартос... вьесчи... асман... Мне нужно время. Время, чтобы вся сила пришла в равновесие. Сейчас я беспомощен почти как раньше. Тогда, в первые дни».

С его руки сорвалась золотая молния и ударила в грудь рухляди, наваленной у стены, — обломки мебели разлетелись во все стороны.

У меня больше не было сомнений в том, что за существо прочно поселилось в моем сознании. Вольфгер, обративший Вивиану, передал ему не только всю свою силу, но еще и потусторонний дух, о котором я слышал лишь в легендах. А я, пытаясь спасти молодого кадаверциана, считал его воспоминания и перетянул в свой разум чужую сущность. То есть она перебралась сама, почувствовав во мне способности телепата. Того, кто сможет собрать всю доступную силу кланов... Ученик Кристофа успешно обуздывал Основателя, не давая тому управлять собой и диктовать свои желания. Я выпустил его на волю.

Магия этого мира была для него чуждой. Но он очень быстро учился. Сначала, с моей помощью, он овладел силой кланов в теории, теперь, видимо, пришло время практики...

За окном выла метель. Ее дыхание залетало внутрь сквозь разбитое стекло. Ледяная изморозь оседала на стенах острыми кристалликами инея, искрящегося в свете уличного фонаря. В промежутке между рамами вырастала горка снега.

«...Мне нужна еда, нужна кровь. Здесь я могу питаться только кровью...»

Атум, так чужак называл себя мысленно, протянул руку, нагреб полную горсть снега и прижал ко лбу. Пальцы и кожа онемели от холода, по щеке побежала капля воды. Мороз, боль, тепло, шум дыхания, торопливые толчки сердца, голод... Простейшие ощущения вновь обретенной жизни... Он жадно впитывал каждое новое чувство, упиваясь им.

Затем в мыслях Основателя замелькали картины прошлого. Они были отрывочны, оборваны, словно кадры из фильма, снятого на любительскую камеру. Но от этого не менее яркие, яростные и болезненные. И я был вынужден переживать их вместе с ним...

Синяя вспышка магического портала, разодравшего пространство. Камни, жидкая грязь чужого, враждебного мира. Быстро увеличивающаяся полоска света на горизонте превращалась в белое слепящее марево... Обожженная кожа и слезящиеся веки.

Первое правило — никогда не попадать на дневной свет... Первое убежище — пещера, полная прохладной, спасительной тени. И уже в ней, растянувшись на полу, многие часы боли от ожогов и непереносимой тяжести. Его словно придавило к полу каменной плитой. Магия, переполнявшая все его существо, казалась непосильной ношей. Она душила и разрывала на части. Не давала подняться и связно мыслить.

Мир за пределами пещеры был наполнен жизнью. Яркой, молодой, сильной и жадной. Множество созданий перемещалось по земле, но для Атума все они были одинаковы — всего лишь светящиеся комочки тепла. Материал, из которого можно создавать новых существ.

Решение пришло в яркой вспышке внезапного озарения. Он должен избавиться от магии. Пожертвовать ею для того, чтобы выжить. Навсегда остаться в этом мире.

Первое создание из тех, кого он привлек, погибло, выжженное его мощью.

За ним последовали другие. Одни умирали сразу, другие удерживали в себе искорку силы, подаренной чужаком, несколько часов, дней или недель. Но все они оставались несовершенными до тех пор, пока Атум не понял, кто из них изначально наделен разумом.

Он не помнил, как создал первых, разделив себя между ними. Дав каждой частице и вложив в каждого стремление развивать ее, приспособлявая к особенностям этого пространства. А свой дух поместил в самого ценного, единственного, способного выйти в потусторонний мир.

И уснул, опустошив свое сознание и разум. Потерял себя на много тысяч лет, чтобы проснуться в полуразрушенном доме...

Атум вытер мокрую от растаявшего снега руку об одежду и поднялся. «Асиман», — решил он, глядя на морозные узоры на окнах. Жадные, беспринципные и скрытные. Вот кто нужен ему сейчас.

С ними не должно было возникнуть осложнений. И не возникло. Теми, кто уважает силу, очень легко манипулировать.

Но теперь Основатель устал. Я чувствовал его утомление как вязкую черноту, временами наползающую на мое сознание, и едва мог бороться с ней. Эффектная демонстрация заклинаний перед асиманами отняла последние силы. Ему зверски хотелось спать, еще больше — есть, но расслабиться было нельзя.

Бледный до синевы Якоб полулежал в дальнем кресле, переживая мучительную регенерацию. Магистр асиман сидел, подавшись вперед, смотрел прямо перед собой невидящими глазами и нервно похрустывал суставами пальцев.

— Мне жаль, что ты видишь меня в образе своего врага, Амир, — доверительно говорил ему гость.

— Он был не моим врагом... — с видимым усилием ответил ар Рахал. — А всего лишь одной из досадных помех, которые хотелось устранить.

— Теперь она устранена. И, если ты хочешь, я могу убрать остальные. Для начала я выполню одно твоё желание, Амир. Какой клан мешает тебе больше всего?

— Даханавар, — хрипло произнес маг. — Фелиция. Мы уже пытались уничтожить ее, но гречанка слишком хитра и осторожна. Кроме того, магический потенциал мормоликаи очень высок. Прямое столкновение с ней смертельно опасно.

«Что за глупцы», — рассеянно подумал его собеседник, поглаживая костяной гребень саламандры.

— Я помогу вам обезглавить клан Даханавар абсолютно бескровно.

— Это невозможно. — Впервые за разговор асиман поднял взгляд на опасного гостя, смотря на него с опаской и недоверием.

— Доверься мне, — беспечно отозвался тот. — Ее не будет. А теперь, если ты не против, я бы хотел отдохнуть.

— Да, конечно, — отозвался магистр, поднимаясь. — Я провожу. Прощу вас...

Он замаялся, явно не зная, как называть собеседника.

— Дарэл, — ответил тот с улыбкой, позволил саламандре превратиться в струйку дыма и тоже встал. — Думаю, так будет проще. Ни к чему вызывать нежелательный ажиотаж вокруг меня. Хотя бы первое время. И вот еще что. Не говори обо мне своим ученикам. Им тоже пока не стоит знать о нашем сотрудничестве.

Его проводили на самый нижний уровень, в небольшую комнату, обставленную скромно, но уютно и почти лишённую красного цвета, столь любимого огненным кланом.

Атум запер дверь изнутри, лег на кушетку, закрыл на мгновение глаза, затем вынул из кармана мобильный, пролистал номера телефонов.

— Фелиция Даханавар, — произнес он задумчиво, глядя на светящийся экран сотового. — Прекрасная, недоступная Фелиция...

Связь в подземелье Амира была, значит, где-то здесь у него стояла собственная станция...

Мормолика ответила сразу, как будто давно ждала звонка.

— Доброй ночи, леди, — произнес он тихо.

— Дарэл?! — прозвучало в ответ после секундной паузы, и я, заключенный в сознание Основателя, почувствовал вихрь эмоций, охвативших гречанку.

Ледяная, невозмутимая Первая леди вспыхнула, обжигая меня тревогой, изумлением, недоверием, внезапной радостью. Никогда я не ощущал ее такой... беззащитной от собственных чувств.

— Дарэл, где ты? Что происходит? С тобой все в порядке?!

Бессмысленные вопросы, которые обычно произносят матери, беспокоящиеся за своих беспутных детей, или любящие женщины, не находящие места от беспокойства.

— Я хотел бы встретиться с вами. Сегодня...

Она не ожидала этого. Не думала, что опальный сканэр, собравший всю или почти всю силу кланов, захочет прийти к ней.

— Тебе нужна помощь? — Ее голос дрогнул, а в душе плеснула новая боль. Она думала, ее телепат уже мертв или безумен, а он сам стремится к ней, давая еще один шанс... убить себя? Эти мысли были для Фелиции невыносимы.

— Мне нужно увидеть вас. Поговорить. Но если вы...

— Я приду, — ответила она тут же. — Скажи, где тебя искать?

Атум назвал адрес, пользуясь моей памятью. Оживленная улица, магазины и кафе, работающие круглосуточно, непрерывный поток машин. Вряд ли там она решится активно пользоваться магией. Не захочет привлекать внимание. А потом...

— Я буду через час, — сказала Фелиция. — Дождись меня.

— Конечно.

Он нажал на кнопку отбоя и тихо рассмеялся. А потом она вообще не сможет воспользоваться магией. Нет, сила Леди останется при ней, но вот желание пропадет. Последняя мысль доставила Основателю особое удовольствие.

Он поднялся с кушетки, сунул телефон в карман и сосредоточился, глядя на стену. До меня долетело смутное воспоминание чужака о том, что в его родном мире перемещение через портал было несовершенно. Он открывался только в закрытом пространстве, не важно, природном или рукотворном. И сейчас Атум, не слишком уверенный в собственной магии, решил не экспериментировать.

Ворота открылись легко. Арка вспыхнула сияющим бирюзовым контуром и открылась в стене холодного подъезда человеческого дома. В самом темном углу. Основатель сделал шаг вперед, тут же стукнулся лбом о нижний скат лестницы, выругался, воспользовавшись парой слов из моего лексикона, и замер. Чуть выше на площадке слышались человеческие голоса, залихватистый девичий смех и неумелое брнчание на гитаре.

Там были живые, доступные, беспомощные люди. Атум неосознанно шагнул в ту сторону, чувствуя аромат крови, исходящий от них, но в это мгновение громко хлопнула входная дверь, и он остановился. Мимо протопала женщина, нагруженная сумками, неодобрительно покосилась на молодого человека, бесцельно торчащего в подъезде, буркнула что-то невразумительное и, тяжело дыша, направилась к лифту.

Основатель стоял и смотрел ей вслед. Голод вспыхнул в нем с новой силой, но неповоротливая «добыча», источающая усталость и запах дешевых духов, не вызывала аппетита. К чему торопиться, когда теперь к его услугам весь город...

Улицы были засыпаны снегом и освещены разноцветными огнями, похожими на новогодние гирлянды. В темном, чистом небе редкими клочками проплывали тонкие облака. Холодный воздух казался прозрачным как стекло, но все же в нем неведомо откуда веяло весной. Первое, робкое, едва ощущаемое дыхание.

Атум неторопливо шел по улице, посматривая по сторонам.

За стеклами многочисленных кафе, словно на ярко освещенных витринах, сидели люди. Ели, пили кофе, разговаривали. С вновь вернувшимся любопытством Основатель рассматривал их — таких похожих на него и абсолютно чужих. Существа, созданные им, были гораздо ближе и понятнее, чем эти...

Он прислонился к столбику остановки, глядя на прохожих и машины, проносющиеся по шоссе.

Единственный, кто был нужен ему во всем этом диком, заснеженном городе, — клан Кадаверциан. Его следовало тщательно оберегать, отсекал лишних — тех, кто пытался заполнить поддержку некромантов, их участие, защиту... Всех, кто скрывал от него правду и выдавал желаемое за истину.

— Я бы мог вернуть вам потерянную магию, — произнес Атум тихо, обращаясь к пустоте, заполненной холодом, движением безликих людей и гудками автомобилей. — Но примете ли вы ее?..

Он испытывал чувство, похожее на голод, — все усиливающееся желание считать этот клан своим. Принадлежащим себе.

«Мне нужна помощь, — думал он. — Не бездумное, слепое поклонение, а дружеская, надежная поддержка. Впрочем, стоит ли рассчитывать на это сейчас...»

Кланы сломаны, разъединены, одурачены. Одни превратились в беспомощных марионеток гин-чи-най, другие — их верные слуги. Есть от чего прийти в ярость. В первых обращенных людей было вложено стремление держаться как можно дальше друг от друга, чтобы не возникло случайной вражды, столкновения интересов, непонимания. А их заставили сражаться. Тратить силы на бессмысленные войны. И теперь ему придется играть на чужом поле... на этом разъединении...

Я слышал его размышления, понимая — единственное, что я могу делать сейчас, — собирать информацию и ждать. Сопротивляться его воле бесполезно, но рано или поздно мне должен представиться шанс...

В глупой суете, происходящей вокруг, Основатель вдруг почувствовал яркий знакомый всплеск. К тротуару подкатил черный лимузин, остановился, разбрызгивая свет, оседающий на его полированных боках. Задняя дверца приглашающе распахнулась. В глубине салона темнел неподвижный женский силуэт.

Фелиция.

Одна.

Он быстро подошел к машине. Сел рядом с мормоликаей и, прежде чем она успела что-то сказать, склонился над ее рукой, лежащей в облаке темных мехов, прижался губами к ледяным пальцам. Леди дрогнула внутренне. Надлом, который я продолжал чувствовать в ее душе, стал еще глубже. Она вивила себя в том, что произошло... могло произойти со мной и страстно желала, наконец, узнать правду.

Основатель медленно выпрямился. Фелиция пристально, не отрываясь, смотрела в его лицо, пытаясь найти в нем чужую, враждебную, опасную тень. Не находила, но ее тревога отчего-то усиливалась все больше.

— Вы приехали одна, — сказал он, не выпуская ее ладони, взглянул в сторону водителя и добавил: — Себастьян не в счет.

— Ты почувствовал бы угрозу и не подошел, — ответила Леди с легкой улыбкой, хотя в ее душе продолжала разливаться непонятная мне боль.

— Вы перестали закрывать от меня свои чувства.

— Нет. Просто ты стал читать глубже.

Она замолчала, деликатно освобождая руку, отвела взгляд в сторону, а потом произнесла холодным тоном, который, как и ее улыбка, не мог обмануть Основателя:

— Ты получил силу Рамона, ведь так?

— Я вернул Рамону силу, — уточнил Атум, с удовольствием глядя на ее точеный античный профиль в обрамлении теплых, мягких завитков волос. — Спас его от мести гин-чи-най, а тебя от тягостного выбора кем пожертвовать: близким другом или любимым учеником. Ты ведь любила Дарэла, а он, глупец, не мог не только понять, но даже почувствовать этого. В отличие от меня. Впрочем, ты и сама осознала это, только когда начала терять его.

Фелиция посмотрела на собеседника широко распахнутыми прекрасными глазами, наполненными сиянием Эгейского моря и отчаянием.

— Мне очень жаль, — сказал Атум со всей возможной искренностью. — Но моя сила неуправляема. Он не смог бороться с ней.

— Что стало с Дарэлом? — спросила Леди тихо.

— Его личность слилась с моей. Не уничтожена, — возразил он на ее невысказанный, тревожный вопрос. — Сознание Дарэла наполнено моей памятью, а

мое — его воспоминаниями. Я — это он, в какой-то мере. Его чувства — мои. Но я — не хочу скрывать этого — сильнее, опытнее. И гораздо старше.

Фелиция на мгновение прикрыла глаза и произнесла громко — так, чтобы слышал водитель:

— Себастьян, мы можем ехать.

Машина легко тронулась с места. Яркий свет с улицы пополз по салону, заливая его разноцветными огнями. В глубине зрачков Леди дрожали отблески далекой магии, но она понимала, что нет смысла призывать ее. Дипломатия в некоторых случаях сильнее волшебства. Бессмысленно защищаться от себе-судника, который не намеревается нападать и смотрит столь проникновенно.

— Ты не убила Дарэла, когда он начал собирать силу кланов. А меня уничтожить теперь невозможно.

Фелиция знала это. И, как ни странно, в какой-то миг кроме тоски по потерянному, как она думала, ученику почувствовала почти облегчение от того, что ей не придется больше убивать своих друзей. Всех тех, кто становился опасен для ее потусторонних наблюдателей.

— Кто еще знает о том, что... вы...

Он снова взял ее за руку и мягко поправил:

— Не надо обращаться ко мне столь официально.

— ...о том, что Основатель возродился?

— Никто, кроме тебя, Фелиция.

Недоверие в ее взгляде на мгновение стало глубоким, почти осязаемым. Чувства снова затянуло корочкой прежнего льда.

Мормоликая молчала. Ее практичный ум заглушил, наконец, эмоции. Леди была не настолько наивна, чтобы принимать на веру каждое слово, произнесенное им. Да и внешность Дарэла не могла служить для Атума мгновенным гарантированным пропуском к ее полному доверию.

— Вас всех обманывали, — пояснил он, стараясь придерживаться прежнего доверительного тона. — Веками. Тысячелетиями. Безумная злобная тварь придет из тьмы и уничтожит весь мир. Так говорили обо мне?

— Да. Но чего же вы... ты хочешь на самом деле?

Он подался вперед, сжал ее ладони, улыбнулся и ощутил, как сильно забилось сердце Фелиции. Она опять увидела своего прежнего Дарэла.

— Чего я хочу на самом деле? Снова стать твоим телепатом. Вернуться в клан.

Смятение окатило ее с ног до головы, словно ледяной водой. Мормоликая была ошеломлена подобным ответом. Она ожидала чего угодно, только не такого признания.

— Я не вижу смысла...

— Я уже говорил, — перебил ее Атум. — Произошло перерождение. Мои желания — отражения желаний Дарэла. В какой-то мере это выгодно для вас, Первая леди. Для всего клана Даханавар. Получить сильного и полностью надежного союзника мечтают все семьи. А я предлагаю тебе не просто кратковременные услуги телепата.

Он пристально смотрел на Леди, смеясь про себя над ее волнением. А так же над ее мысленными попытками найти достойный дипломатичный ответ.

— Да, не скрою, это очень выгодное предложение.

— Совета больше нет, — продолжил Основатель участливо. — Каждый клан волен решать, что ему делать, без подсказок и нравоучений. Почему в это трудное время ты не можешь вернуть полезного всей семье сканэра?

— Для Кристофа, Рамона, а также лигаментиа и, я полагаю, нософорос, ты перестал быть простым телепатом.

Она сама не замечала, как начинает защищать его. Искать пути отступления.

— У них есть всего лишь предположения и догадки, — улынулся Атум. — Никто не знает, что произошло с Дарэлом на самом деле. Что, если дух Основателя по-прежнему остался в Вивiane, а сила, которую пытался собрать телепат, не смогла сохраниться в нем?

— Но гин-чи-най ты не сможешь обмануть.

Он рассмеялся:

— Что они такое теперь? Всего лишь тени. С моим появлением они перестанут управлять вами. И не смогут больше заставлять тебя лгать и убивать своих друзей...

Фелиция прекрасно понимала, как рискованно не только принимать помощь существа, об опасности которого ее предупреждали, но и просто общаться с ним. Однако не могла не поддаваться его обаянию. Собеседник соединял пылкую откровенность даханавар, чары фэриартос, некроочарование кадаверциан, загадочность нософорос, налет легкого цинизма нахтцеррет. Все то, что Основатель сам вложил в собственных созданий. И Леди, несмотря на свой ум и дальновидность, не могла противостоять этому. «Слишком молодая», — рассеянно подумал Основатель, глядя на ее тонкое, сосредоточенное лицо.

— Я могу задать один личный вопрос? — спросила мормолика.

— Конечно. Любой.

— За что тебя изгнали из твоего мира?

Он не сомневался, что рано или поздно разговор зайдет и об этом.

— Если не ошибаюсь, — Атум взглянул в окно, на медленно проплывающие мимо здания, — здесь неподалеку твой любимый ресторан?

Фелиция поняла намек и попросила Себастьяна остановиться.

Зал был небольшим, уютным, со стенами из белого мрамора, каменными решетками, увитыми настоящим виноградом, между столиками. В каждом углу стояли греческие скульптуры, амфоры и колонны. С барельефов смотрели застывшие лица богов и богинь. Пахло человеческой едой, табачным дымом и теплыми телами людей.

Навстречу Фелиции устремился низенький круглолицый господин в национальном греческом костюме. Помощник хозяина расцеловал мормоликаю в обе щеки, крепко пожал руку Атуму и принялся шумно радоваться их появлению. Леди отвечала ему не менее дружелюбно, интересовалась новостями, позволила взять себя под руку и увлечь вверх по лестнице.

Основатель шагал следом за ней, думая, получили даханавар подобную либеральность к смертным от него или приобрели самостоятельно с течением времени. И пока еще не знал, как к ней относиться.

Их проводили в небольшой отдельный кабинет, где был воссоздан маленький уголок Эллады. Светлый, просторный, наполненный воздухом и искусственным светом, очень похожим на настоящий солнечный. Стены здесь были расписаны с удивительным мастерством. Высохшие холмы, дорога, усыпанная белым камнем, круглые кроны олив, сверкающая полоса воды. Мормолика, сбросив меха и оставшись в тонком, полупрозрачном хитоне, струящемся по телу мягкими складками, казалась сошедшей с одной из этих картин.

— Работа фэри? — спросил Атум, отодвигая стул, чтобы помочь Фелиции сесть. — Я как будто даже чувствую запах моря.

— Нет. Это рисовали люди.

— Надо же. Значит, это аромат твоих духов. — Он сел напротив Леди, ощущая, как она внимательно наблюдает за ним, оценивая каждое движение, по-прежнему внутренне настороженная и недоверчивая.

Появился официант, поставил на стол корзиночку с хлебом, масло, сыр и кувшин вина. Леди поблагодарила его улыбкой и обратила выжидательный взгляд на собеседника.

— Так о чем ты хотела узнать? — продолжил тот прерванную беседу. — За что меня изгнали из родного мира? Меня не изгоняли. Меня убили.

Тонкие брови Фелиции приподнялись изумленно.

— Для существ из нашего пространства ваше — невозможно для жизни. И, естественно, его предназначение — убивать. Нас. Таких, как я. Вернее, таких, каким я был прежде. — Он машинально взял кусок хлеба и принялся намазывать маслом. — Видишь ли, в чем дело. Мы — гин-чи-най — бессмертны. И в отличие от вас, людей, лишены... видимо, это называется воображением, а также желания и способности творить, создавать произведения искусства, не имеющие практической пользы. То есть душевного качества, которое позволяет таким, как ты, вампирам жить веками и не знать усталости от своего существования.

Леди сидела неподвижно, не отводя от него глаз, и жадно слушала. От подобного проникновенного внимания можно было почувствовать себя польщенным.

— И так как мои сородичи из потустороннего мира лишены подобной потребности, через определенное время жизнь начинает тяготить их. А избавиться от нее они могут лишь в этом мире. Один шаг на солнце и... — Он повел рукой, наглядно демонстрируя, как развеивается сожженная плоть.

Фелиция коснулась кончиками пальцев тяжелого чеканного ожерелья, собираясь с мыслями:

— Но если ты создавал нас, передавая свою магию, то как сила фэриартос оказалась основана именно на воображении и способности творить?

— В этом все и дело, — язвительно отозвался Агум, откладывая явно несъедобный кусок хлеба и наливая вино в два бокала. — Я — это я. Единичное исключение. Опасный безумный урод. Сила фэриартос и лигаментиа — иллюзии и фантазии, сумасшедший бред. То, что мои соотечественники считали бредом и выбросили меня вместе с ним в эту реальность.

Основатель попробовал вино и с разочарованием отставил бокал. Вкус у этой жидкости был отвратительным.

— Но в одном они посчитались. Я не хотел умирать. Вдохновенное безумие дало мне возможность придумать, как спастись. Я разделил свою силу между людьми... ну, остальное ты знаешь.

Фелиция провела пальцами по щеке, убирая тонкий завиток, и произнесла медленно:

— Значит, тебя изгнали за то, что ты обладал силой, которой были обделены твои родственники? И они посчитали ее опасной.

— Я казался им опасным безумцем, — уточнил собеседник. — Так же, как безумны лигаментиа и в чем-то — фэриартос.

Он отодвинул бокал, придвинулся ближе к Леди и произнес доверительно:

— А еще я эгоистичен и амбициозен, подобно нахтцеррет и асиман, самонадеян, словно лугат...

Фелиция оперлась локтями о стол, в ее глазах мелькнула улыбка. Она на миг перестала видеть в нем могущественное, потустороннее существо, которого ее заставляли опасаться. Напротив сидел Дарэл... почти Дарэл, само-

забвенно хвастающийся своими недостатками. Такой знакомый, такой близкий...

— Что же в тебе от даханавар?

— Ответственность и дружелюбие. — Он протянул руку и коснулся ее ладони. — А от кадаверциан — прямота.

Леди не отстранилась. Тревога исчезла из ее мыслей, и таял холод в душе. Она хотела верить в это невозможное перевоплощение и почти поверила. Поддалась его ненавязчивой магии, а также страстному желанию жить, не думая об интересах клана и человечества хотя бы несколько часов.

— Я вернул Рамону магию, а тебе могу вернуть Дарэла. Хочешь?

Он наклонился еще ближе к мормоликае и коснулся губами ее губ. Она замерла на мгновение, а потом... ответила на поцелуй.

Атум запустил пальцы в пушистые локоны Фелиции, одновременно собирая рвущуюся нестабильную магию. Смотрел на ее опущенные ресницы и видел боковым зрением, как бесшумно раздвигается стена, создавая глубокую, сложную иллюзию просторной светлой комнаты. Ее окна были распахнуты, за ними ровно вздыхало море, ветер шевелил тонкие занавеси полога над широкой резной кроватью и перебирал лепестки цветов, разбросанные по мрачному полу.

«Слишком молода», — снова рассеянно подумал Основатель, поднимая на руки легкое, горячее женское тело.

Он переступил через порог иллюзорной комнаты, крепко прижимая к себе Фелицию. Так, как прижимал бы ее Дарэл, пылко и немного сильнее, чем нужно.

«Слишком долго была одна, изображая неприступную главу клана. Не могла найти того, кого посчитала бы достойным. Себастьян не в счет. Всего лишь верный, послушный раб».

Мормолика обнимала его в ответ, прижимаясь кудрявой головкой к плечу, и горела от наслаждения.

«А кретин Амир хотел убить ее», — с внезапным раздражением к асиману подумал Атум, опуская гречанку на постель.

Она оказалась нежной и безудержно страстной, податливой и в то же время пылкой. В какой-то миг Основатель почувствовал, что теряет голову. Он утопал в ее бурных чувствах и задыхался в своих. Казалось, что иллюзорная комната взорвется, разлетится сотнями сверкающих искр... И протрезвел лишь в тот миг, когда она прошептала имя телепата, хотя Фелиция, естественно, не заметила перемены его настроения...

Потом Леди лежала, откинувшись на подушки, ветерок легко касался ее шелковых волос и скользил по обнаженной влажной коже. Она ни о чем не думала, растворяясь в глубоком блаженстве и легкой полудреме. Похоже, она была счастлива — сейчас Основатель был не слишком уверен в своих способностях сканэра.

— Фел, — произнес он тихо.

Мормолика медленно, с ленивой истомой повернула к нему голову, улыбнулась.

— Близкие друзья называют тебя Фел, — пояснил он, закрывая глаза, услышал ее тихий смех и почувствовал прикосновение губ к своему плечу...

Когда Леди уснула, он еще некоторое время смотрел на нее, размышляя о своем.

Асиман можно использовать только в качестве слепой силы, а Основатель нуждался в постоянном, надежном источнике информации. Прекрасная

гречанка могла дать не только это, но и защиту, построенную не на страхе, а на глубочайшем доверии.

«Дарэл собрал силу кланов, — самодовольно подумал он, вытягиваясь на смятой постели, — а я соберу их души. Это гораздо интереснее. У меня еще есть время. Довольно много времени, прежде чем они почувствуют опасность, прежде чем поймут... да, время еще есть».

Он закрыл глаза, погружаясь в теплый, приятный сон, и не заметил, как очнулась часть сознания, о которой он ничего не знал. Которую, хоть и убеждал Фелицию в обратном, считал мертвой...

Глава 4 ЧАСТНОСТИ ДИПЛОМАТИИ

Приготовить хороший салат и быть искусным дипломатом — дело одинаково тонкое. И в том, и в другом случае важно точно знать, сколько нужно масла, а сколько укуса¹.

2 марта

— Что будем делать, магистр? — Якоб все еще держался за грудь — не давала забыть о себе рана, нанесенная Основателем.

Амир закрыл дверь в кабинет и нажал на кнопку пульта, выключая телевизор.

Раньше подобный вопрос всегда задавал Эрнесто. Но второй ученик исчез. Мертв, по всей видимости. И теперь его роль приходится играть Якобу. Амир сел в кресло, посмотрел на пол, где совсем недавно лежали тела охранников, и сказал:

— Ты выглядишь обеспокоенным.

— Да, я обеспокоен! — Ученик повысил было голос, но тут же осекся и заставил себя сбавить тон. — Если он тот, за кого себя выдает, а я уверен, что это именно так, мы все в большой опасности. В огромной!

— Быть может, наоборот? — предположил магистр, внимательно наблюдая за реакцией помощника. — Огненный клан возвысится с его помощью, и мы обречем силу воистину невероятную.

Якоб сел, машинально растирая грудь. Он уже включился в привычную игру. Опровергая доводы учителя, помогал тому с разных сторон осмыслить произошедшее.

— Я бы поверил в это, если бы Основатель поместил свой дух в первого главу клана Асиман. Но он выбрал кадаверциан, что наводит на определенные размышления...

— Он готов помочь нам избавиться от Фелиции, — продолжил Амир. — Это прямая выгода клану.

— Я могу отметить только одно — это выгодно ему самому.

— Значит, у нас с ним общие интересы.

— Что мы знаем о нем, кроме легенд и древнего пророчества о его неизбежном возрождении? А может... — Ученик нервно облизал губы, осмотрелся и, наклоняясь ближе к главе клана, шепнул: — Он на самом нижнем уров-

¹ Оскар Уайльд. Вера, или Нигилисты.

не. Крайняя секция. Ее легко заполнить водой. Затопить целиком. Пока не поздно...

— Поздно. И ты сам это понимаешь. Он обладает огромной магической силой. И способностями телепата. Надо было убивать Дарэла раньше, чем он получит магию всех кланов и оживит это... существо.

— Так что мы будем делать, магистр?

— Ждать, — веско произнес Амир. — Наблюдать. И, пока есть такая возможность, использовать его в своих интересах.

Якоб понял, что разговор закончен, и поднялся:

— Я могу быть свободен, магистр?

— Да. Возвращайся к прежним занятиям и помни — ничего не произошло!

— Как вы объясните гибель телохранителей? — Ученик посмотрел в сторону, где лежали трупы, и пояснил: — Чтобы я знал, как отвечать на вопросы.

— Неосторожное обращение с высшей магией огня, — криво усмехнулся Амир, еще раз кивнул Якобу и вдруг почувствовал, будто прямо в его голове разорвался фейерверк. Вопль ярости, бешенства и нетерпения, неслышный для окружающих, чуть не оглушил главу асиман.

— Магистр, что с вами?.. — долетел будто издалека встревоженный вопрос.

Ученик склонился над магистром, но тот, отстранив его, произнес хрипло:

— Он зовет. Мы нужны ему немедленно. Оба.

— Мы теперь будем бежать по одному его слову?! — гневно прорычал помощник, но господин ар Рахал жестом заставил его замолчать. Постепенно стихающая головная боль готова была вернуться от малейшего повышения голоса.

— Кажется, ты забываешь, с кем мы имеем дело? — произнес он шепотом, вытер пот с висков и взглянул на помрачневшего ученика. — Умерь свой пыл. Немного терпения, и за несколько месяцев мы получим то, чего не могли достичь столетиями.

Якоб кивнул, с явным усилием пытаясь принять новую стратегию поведения в собственном доме, и последовал за Амиром.

Вниз вела не только центральная лестница — за алым гобеленом в кабинете скрывались металлические створки скоростного лифта.

Спустя несколько секунд асиман были уже на нижнем уровне подземного убежища.

Магистр остановился перед закрытой дверью, невольно вспоминая годы своей молодости. Тогда ему также приходилось оказывать всевозможное почтение прежнему главе клана. Терпеть, молчать, выжидать... Амир был уверен, что, став главой сам, избавится от зависимости перед кем бы то ни было навсегда. Но вот снова приходится стучать в дверь, прежде чем позволить себе открыть ее.

— Да! Входи! — послышался резкий, нетерпеливый голос Дарэла.

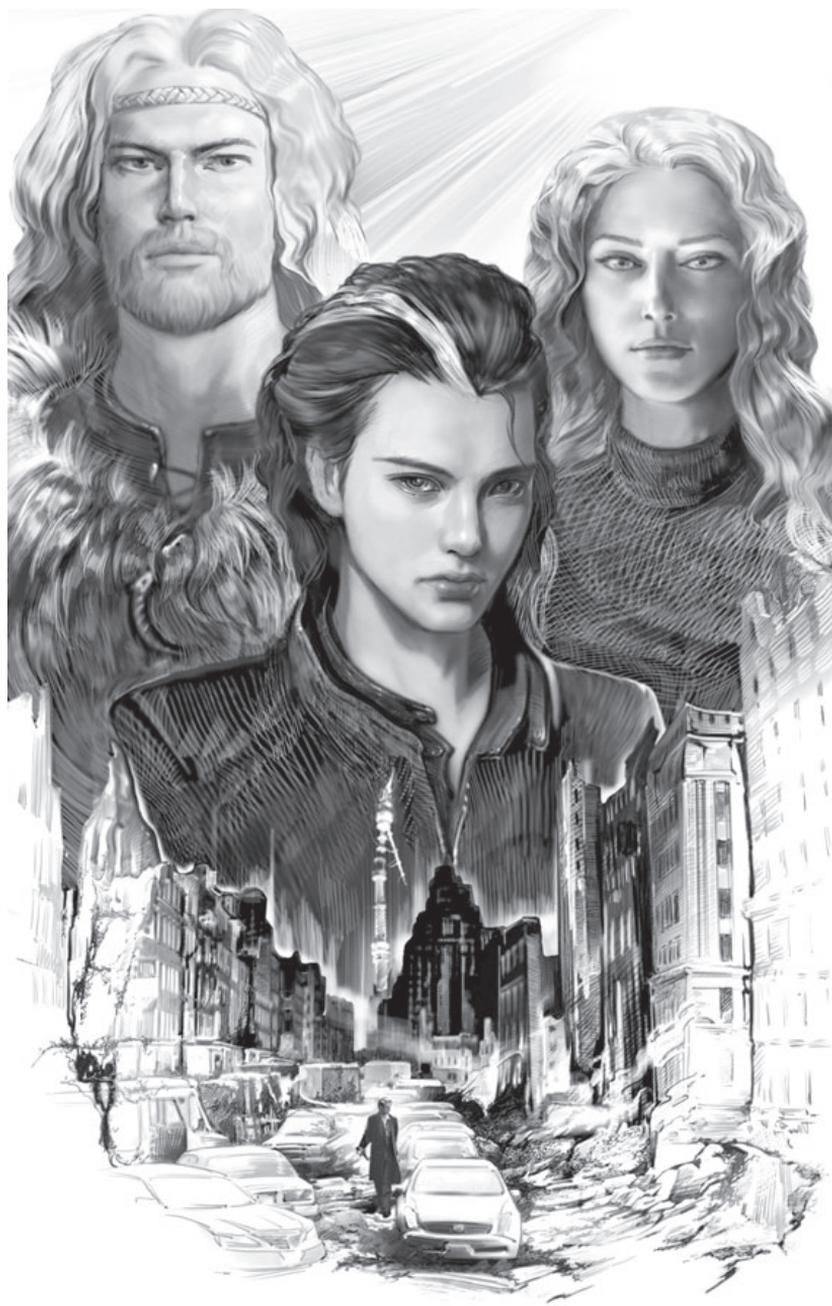
Якоб раздраженно поморщился, но промолчал. Его также злила необходимость подчиняться «телепату», хотя от того и осталась всего лишь оболочка.

Усилим воли верховный маг подавил вспышку гнева и вошел.

В комнате была разлита магия, не имеющая никакого отношения к огню асиман. Веяло холодом — на стене противоположной двери виднелся прямоугольный силуэт, нарисованный морозом. Голубоватый иней мохнатым ковром лежал на камнях и не таял.

«След портала. Магия нософорос», — понял господин ар Рахал, но почитал разумным оставить эту догадку при себе.

• Новые боги •

Глава 1

ОПЛАТА ДОЛГОВ

Люди любят разоблачать чужие тайны. Это отвлекает внимание от их собственных¹.

24 апреля

Атум стоял посреди вечерней улицы, жадно вдыхая прохладный воздух. Смотрел по сторонам и чувствовал удовлетворение от того, что предметы вокруг остаются неизменными. Настоящими.

Деревья не оживали, не превращались в хищные лианы, не разлетались разноцветными летучими мышами и не исчезали бесследно. Под ногами был твердый асфальт, а не зыбкая субстанция, напоминающая воду и дым одновременно.

За то время, что Основатель пробыл в мире Иллюзий, в этом мире изменилось многое. Растаял снег, на деревьях набухли почки, обещая скорое появление зеленой дымки — призрака первой листвы. Запахи города не могли заглушить волшебный аромат весны.

Но самое главное — все здесь было реальным, материальным, не подверженным безумным, нелогичным изменениям. И сам Атум перестал чувствовать себя разорванным. После счастливого спасения с Грани, Дарэл снова замолчал. Создавалась иллюзия, будто он мертв. Но Основатель понимал, что это не так. Воля и сознание Атума лишь заглушили его, но сканэр продолжал существовать, и, похоже, избавиться от него невозможно. Значит, придется мириться с его незримым присутствием и быть очень осторожным.

Основатель свернул в один из дворов и пошел по разбитому тротуару мимо подъездов домов.

Телепат продолжал молчать. Атум снова попытался почувствовать хотя бы отголосок его мыслей, но вновь не ощутил в себе ничего подозрительного.

— Эй! Осторожнее!

Он задумался так глубоко, что не заметил человека, идущего навстречу, и столкнулся с ним.

— Извини, — буркнул Основатель, глядя на смертного, одетого в потертанный спортивный костюм. — Не знаешь, сколько времени?

— Без десяти одиннадцать, — ответил тот, взглянув на часы, и хотел идти дальше, но Атум удержал его.

— А какое сегодня число?

— Двадцать четвертое апреля, — невозмутимо ответил тот, на всякий случай назвал год и, вместо того чтобы быстрее уйти от странного собеседника, который вполне мог оказаться пациентом сумасшедшего дома, с интересом уставился на Основателя: — А где находишься, знаешь?

— Да. Спасибо.

Атум шагнул от неожиданного доброжелателя и направился дальше.

Две недели. Порядочный срок.

¹ Оскар Уайльд. Идеальный муж.

— Что ж, — сказал он тихо сам себе, — пора возвращаться домой. Асиман, я полагаю, уже заждались. Да и Хранья, думаю, соскучилась. Надеюсь, ее ученики во время моего отсутствия не успели передрасться с пироманами или объединиться с кем-нибудь против меня.

Телефон, конечно же, не работал. Время, проведенное на Грани, сказалося на нем самым пагубным образом.

— Эй! — окликнул Атум человека, от которого отошел недалеко. Тот обернулся с вновь вспыхнувшим интересом. — Мобильный есть? Можешь дать позвонить? Я недолго...

Он набрал номер и подождал несколько секунд.

— Хранья? Это Дарэл.

Основатель прикрыл глаза, переживая шквал бессмысленных вопросов и восторженных всхлипов.

— Со мной все в порядке. Извини за недолгое отсутствие... Что случилось? Да ничего особенного. Пришлось задержаться кое-где... Амир хотел избавиться от вас, но боялся моего внезапного появления? Передай ему, что я скоро буду и попытаюсь вознаградить его за терпение. Нет... не сразу, у меня есть еще одно небольшое дело. Да, мне нужна твоя помощь. Прямо сейчас. Приезжай.

Он назвал адрес, отключил телефон и сунул его в руки человеку. Тот хотел что-то сказать, но Основателю было уже не до него.

«Приятно, когда тебя ждут так страстно, — думал Атум, быстро шагая в сторону довольно оживленного в этот час шоссе. — Хотя это ожидание и вызвано всего лишь страхом за собственную судьбу и нежеланием потерять сильного союзника».

Он остановился на обочине дороги, поднял руку, и почти тут же рядом затормозила машина.

— Куда едем? — спросил водитель, мельком взглянув на позднего пассажира.

— Прямо до проспекта, потом сверни налево, а дальше я покажу, — рассеянно отозвался тот и закрыл глаза...

В темном переулке гулял ветер, принося с собой запахи дождя и мокрого камня.

Основатель стоял, прижавшись спиной к влажной стене, терпеливо дожидаясь появления старого знакомого. Давным-давно Атум учил своих первых созданий тому, как опасно уподобляться неразумным животным и есть в одном и том же месте в одно время. Вполне возможно, что твои привычки могут хорошо изучить и напасть на тебя в момент, когда ты занят своей беспомощной жертвой. Подобную беспечность по отношению к еде можно допустить только в том случае, если чувствуешь себя неуязвимым.

Как кадаверциан, например.

Общаясь с Кристофом и читая его мысли, Основатель мельком узнал многое о личной жизни колдуна. Тогда он почти не придал значения его секретам. Теперь кое-что из них могло пригодиться... Например, место, где тот предпочитает оставаться на ужин.

В воспоминаниях Атума мелькнул образ рыжеволосой белокожей девушки, крови которой мастер Смерти отдавал предпочтение...

Кадаверциан появился не скоро, но Основатель был терпелив. Когда в конце переулочка показался темный силуэт, Атум ощутил холодную волну силы и понял, что сегодня некромант особенно голоден.

Улыбнулся, убедившись, что не ошибся в своем выборе места охоты.

Кристоф быстро прошел мимо, не почувствовав наблюдающего за ним — эманации недавней мучительной смерти заслонили для него все остальное. Едва ли не бегом колдун поднялся на крыльцо и скрылся в доме.

Он задержался там совсем недолго, но достаточно для того, чтобы увидеть залитую кровью прихожую и труп на ковре среди мокрых, свежих подснежников.

Атум сам не знал, зачем это сделал. Можно было оставить девчонку в живых, но сейчас он испытывал огромное удовольствие, уничтожив даже такую малость, имеющую отношение к некроманту.

— Доброй ночи, Крис. Рад тебя видеть.

Увидев Основателя, колдун не стал тратить время на объяснения и тем более извинения. Понимал, что это бессмысленно. Казалось, стены домов содрогнулись от оглушительного воя. Гулкое эхо прокатилось по узкому переулку, а свет фонарей заслонила огромная крылатая тень.

— Как жаль, — тихо сказал Атум, глядя на колдуна, чьи руки и глаза горели опасной магической зеленью. — Как жаль, что ты меня предал.

Крылатая тварь заслонила собой улицу. Атум совсем близко увидел ее широко разинутую пасть и взмахнул рукой. Невидимая ладонь сжала длинную шею Тёмного Охотника и вздернула его вверх. Потустороннее существо забило крыльями, пытаясь освободиться, захрипело. И в ту же секунду кадаверциан схватился за горло, словно его душила та же удавка, что и его слугу. Но колдун не спешил сдаваться, он швырнул в Основателя изумрудную молнию, однако тот с легкостью уклонился от заклинания и небрежно отразил очередную атаку некроманта, выбив из его рук боевой топор. А затем бросил в Тёмного Охотника длинный ледяной брус, покрытый черными шипами искр.

Призрачное «копье» вонзилось в грудь Охотнику, и тот с воплем рухнул на землю. Беспомощно забился, поливая асфальт бурой кровью. На белой рубашке Кристофа расплылось темное пятно, он попытался освободить слугу, но магия Атума крепко держала крылатую тварь привязанной к этому миру. Кадаверциан пошатнулся, однако устоял на ногах. И тогда Основатель обрушил на Охотника еще один кристалл. Колдун рухнул на землю...

— А ведь Вольфгер предупреждал тебя, — хладнокровно заметил Атум, приближаясь. — Просил прекратить эксперименты с темной тварью. Но ты не послушал. Привязал к себе так крепко, что его раны становятся твоими.

Он коснулся носком ботинка неподвижного крыла потустороннего существа и вздохнул с притворным чувством.

— Ты, видимо, считал, что этих замечательных крылатых слуг невозможно убить?.. И был отчасти прав. Невозможно никому, кроме Основателя.

Он подошел к колдуну, грудь и руки которого были залиты кровью, но в глазах по-прежнему горел яростный зеленый огонь. Атум укоризненно покачал головой, в задумчивости посмотрел на стены окружающих домов.

— Я доверял тебе. Считал своим другом. А ты меня предал. Ради чего, скажи?

Говорить колдун не мог. Ледяные змеи, пожирающие внутренности Охотника, раздирали и его тело.

— Знаешь, я все еще верю в закон равновесия. Ни одно деяние не может остаться без последствий. И твоя, безусловно оригинальная, идея устроить мне экскурсию в мир лигамента не должна остаться без внимания. Думаю, я сделаю то же самое. Осталось лишь решить, куда отправить тебя.

Основатель заметил, что Кристоф перестал смотреть на него. Некромант пытался дотянуться до крыла своего слуги.

— Какая трогательная привязанность, — улыбнулся Атум, хотя внутри него все клочотало от бешенства. — Но ты не сможешь ему помочь. Это закливание тебе не под силу. Как и всем остальным в этом мире... Впрочем, я отвлекся. В какое же пространство предложить тур для тебя? Пекло асиман — слишком жарко, то, что осталось от ледников их братьев леарджини — слишком холодно. Даханавар — слишком призрачно.

Пальцы Кристофа, наконец, сомкнулись на кожистом крыле Охотника, тот дернулся, открыл глаза, и его мутный взгляд встретился со взглядом кадаверциана.

— Нахтцеррет! — с глумливой радостью ведущего ток-шоу воскликнул Атум. — Да! Именно то, что тебе нужно.

Он наклонился, взял колдуна за мокрые от крови волосы и повернул к себе его голову.

— Будь добр, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю. Тебе понравится в Садах Боли. Жаль, что ты не сможешь рассказать мне об этом.

Дверь подъезда соседнего дома распахнулась, и по ступенькам обшарпанного крыльца легко сбежала невысокая стройная девушка. Приблизившись, остановилась рядом.

— Я обращалась к тебе за помощью, — сказала она, сверху вниз глядя на кадаверциана, — но ты отказал мне. Не захотел ссориться с Миклошем. Не захотел рисковать своим драгоценным кланом и в итоге погубил мой. Это была большая ошибкой, Кристоф.

Она посмотрела на Основателя, кивнула, затем отвела взгляд и чуть нахмурилась, сосредотачиваясь. Атум почувствовал первое дуновение мира Нахтцеррет и наклонился над некромантом:

— Теперь идем, Крис. Путь неблизкий. А у меня есть кое-какие дела еще и в этом мире.

Глава 2 ОТВЕТНАЯ УСЛУГА

Чтобы вернуть свою молодость, достаточно повторить ее безрассудства¹.

24 апреля

Однажды Луций рассказал Миклошу старинную легенду о том, что первое зеркало на земле придумал Лигамент. Повелитель иллюзий долго смотрел в него, а затем разбил, ужаснувшись своего одиночества. И создал себе детей. Иноканоана, Соломею и других — таких же ущербных, несчастных, странных и смертельно опасных, как и он сам.

— По мне, так лучше бы он и вовсе не смотрелся в дурацкие зеркала, — прошептал Бальза, вспоминая неприятную ночь в трамвайном депо.

Сейчас тхорнисх, как и сгинувший во тьме веков Лигамент, желал разбить зеркало. Ему очень не понравилось увиденное, но Миклош понимал, что, даже сокрушив иллюзию, не изменит реальность.

А реальность была не той, какую хотел бы видеть нахтотер. Он чувствовал себя старой развалиной. Впрочем, и выглядел теперь иначе, чем пару не-

¹ Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

дель назад. Вряд ли кто-нибудь сейчас дал бы ему двадцать человеческих лет. Скорее двадцать пять.

Миклош Бальза изменился.

Стал взрослее.

Постарел.

Жало взяло с него положенную плату. И только теперь нахттотер начал понимать, почему Луций, которому во время обращения едва исполнилось сорок, выглядел в последние годы жизни на шестьдесят. Использование артефакта, доставшегося клану от Основателя, жрало жизненную силу и молодость.

Именно поэтому Луций предупреждал ученика о непомерно высокой плате, которую взимает с обладателя Жало. И, доверяя учителю, за все прошлые годы тот ни разу не прикасался к артефакту. Он не пользовался им во время первого мятежа Храњи, не воспользовался и потом, чтобы перекроить мир и уничтожить Фелицию.

Для господина Бальзы не было ничего ценнее господина Бальзы. И все подковренные интриги, грызня, возня и суета шли прямой дорогой на солнце — если были затронуты интересы его благополучия и здоровья. Миклош предпочитал выжидать, благо никуда не торопился.

Он посмотрел на едва заметные морщинки в уголках глаз, вздохнул. Борода старила его еще сильнее, но с этим тоже ничего не сделаешь — Храњи еще жива. Он избавится от этой неудобной, вечно чешущейся дряни только после того, как вытащит сестрицу на солнце.

Бальза отошел от зеркала, рухнул в кресло, запустив пальцы в растрепанные волосы. Последние известия не способствовали его хорошему настроению. Основатель в теле Дарэла, гин-чи-най, кланы, которых не было, тысячеклетное противостояние и еще целый океан лжи, недомолвок и столь нелепой мерзости, что голова шла кругом.

От всех этих новостей чувствовал он себя не самым лучшим образом. Мало радости получить подтверждение, что ты не один во вселенной. Знать, что какие-то твари, до которых даже нельзя добраться, пытаются лезть в политику кланов, вершить их судьбу и делать так, как нужно им... Не слишком приятное ощущение. Понимать, что где-то по столичным подворотням ходит все-таки мразь, встречаться с которой опасно для здоровья. Осознавать, что твой город уже не принадлежит тебе, и какая-то древняя гадина, из которой давно песок сыплется, пытается мутить воду в и без того мутной реке — что может быть отвратительнее...

Единственный повод для радости заключался в том, что господин Бальза смог противостоять Основателю, пускай и с помощью Жала.

Миклош взял лежащий на столе клинок и убрал его в ящик, а затем достал носовой платок и тщательно вытер вспотевшие ладони — артефакт стал неприятно теплым и жег кожу, оставляя на ней красные следы.

Бальза пробормотал ругательство.

Ему было невыносимо душно в доме — не помогали ни кондиционер, ни распахнутые настежь окна, ни ледяной ветер, что залетал с улицы и колыхал занавески. Миклош потел, постоянно принимал душ, менял рубашки, чертыхался, но ничего не мог поделать: последствия использования Жала давали о себе знать.

Больше не в силах находиться в помещении, он спустился вниз, набросил на плечи легкое весеннее пальто и вышел подышать чистым воздухом. Хотя днем, похоже, было яркое солнце, к вечеру наступил холод, и на лужах появилась толстая ледяная корка.

— Когда же кончится эта проклятая зима, — прошептал господин Бальза. — Словно весь мир захватили леарджини, и мороз будет вечным.

Он почувствовал движение за спиной, обернулся и встретился взглядом с Рэйлен. Девчонка неотступно следовала за ним, куда бы он ни пошел. После визита в «Лунную крепость», когда ей пришлось уступить свою роль Норико, она старалась наверстать упущенное. Более верного и утомительного телохранителя было не найти в целом мире.

Миклош раздраженно повел плечами, еще раз посмотрел на ученицу Йохана и ничего не сказал. Сунув руки в карманы, побрел вокруг дома.

Нахттотер не стал менять логово, лишь укрепил периметр территории многочисленными ловушками, капканами и крысоловками. Без его позволения сюда не пробрались бы даже вриколакосы. Бальза больше не боялся, что кто-нибудь узнает, где он. После случившегося было как-то поздновато скрываться, особенно учитывая то, что Паула давным-давно ушла, успев рассказать ему сказочку о злобном психованном прародителе кровных братьев. Слухи о воскрешении Миклоша уже расползлились по Столице, и те, кому надо, наверняка разузнают, где его искать.

Однако пока никто не рискнул нанести ему визит вежливости. Ни кровные братья, ни Хранья, ни Основатель. Впрочем, если верить Кристофу, последний был заточен в мире Лигамента. Но как долго новый Дарэл просидит там — никто не знал. И поэтому господин Бальза старался без нужды в город не выходить, разумно предполагая, что его дом — лучшая на сегодняшний день крепость.

Порой рыцарь ночи пытался успокоить себя тем, что вряд ли понадобится Основателю. А с другой стороны, он хорошо понимал, что если тот хотя бы немного злопамятен, то скорее всего не забудет, кто посмел выступить против него.

В такие минуты нахттотер начинал подумывать, что пора покинуть Столицу. Переехать куда-нибудь. Например, в Стокгольм или Нью-Йорк. Мало ли в мире городов, где всегда найдутся блондинки?

Но его держала Хранья. Сестрица умудрилась спеться с Основателем, и, если дело спустить на тормозах, неизвестно насколько она укрепитя и какие знания получит от этой могущественной гниды.

Нет. С ней следует разобраться как можно скорее. Пока не стало поздно.

— Норико звонила? — негромко спросил он.

— Да, нахттотер, — тут же отозвалась Рэйлен. — Час назад. Никаких новостей.

Миклош разочарованно поджал губы и неспешно направился к крыльцу. Вошел в дом. Не глядя, сбросил с плеч пальто, ловко подхваченное девушкой.

Никаких новостей, даже несмотря на то что Норико черной куницей носится по всей Столице в поисках хоть каких-то следов!

Еще одна ночь пустую. Хранья затаилась. Оставила разоренную магией и пламенем «Лунную крепость» и смылась под крылышко Основателя, логово которого дьявол знает где спрятано. И теперь сестрицу не выкуришь.

— Проклятая мокрица! — буркнул господин Бальза, входя в гостиную. — Рэйлен! Потуши камин. Жарко.

Он лег на диван, закинул руки за голову и стал смотреть в белый потолок, потом закрыл глаза, слушая, как возится девчонка.

У Храньи осталось лишь пятеро сторонников, и все они, вместе взятые, даже с сестрицей не так сильны, как прежде. Жало дает Миклошу преимущество в борьбе. Но не против Основателя.

— Какого черта эти гин-чи-най скрываются, когда они действительно нужны?! — зло сказал он в пустоту, не открывая глаз. — Где следует расписаться кровью, чтобы они дали мне возможность добраться до этой медузы?!

Он не колеблясь заключил бы любой договор, если бы только ему пообещали голову Храньи на блюде и невмешательство в семейную разборку новой в Столице силы — Основателя.

Рэйлен кашлянула, однако Миклош, занятый своими мыслями, не обратился на нее никакого внимания.

— Нахттотер... — не выдержала она.

— У тебя больше нет дел, кроме как докучать мне? — желчно поинтересовался Бальза.

— Простите, я просто хотела...

— Ступай, — не терпящим возражения тоном велел он.

Она ушла, но лишь для того, чтобы вернуться с мобильником:

— Это вас, нахттотер. Рамон.

Господин Бальза вздохнул, протянул руку, взял телефон:

— Да, Рамон... Да... И я... Представь себе, рад, что я жив. Даже больше, чем ты. Вот как? Сколь лестно услышать, что вьесчи все еще поддерживают Нахтцеррет. Настоящий Нахтцеррет, а не ту жидкую рыбью кровь, что пытаются любыми способами добыть чужого расположения. Ну, полно. Какая ирония? Я совершенно серьезно. — Лицо Миклоша было кислым, словно он съел целый железнодорожный состав лимонов. — Вот как?! Не может быть. То есть я хотел сказать: неужели это ты? Вьесчи так редко извиняются, что мне просто неловко. О! Ты не извиняешься. Ну, значит, мне показалось. Тогда можешь извиниться прямо сейчас... По какому поводу?! — Господин Бальза стал темно-бордового цвета и, брызгая слюной, заорал в трубку: — Это ты меня спрашиваешь, Рамон?! Какого дьявола мои счета закрыты, а деньги ушли к сестрице?! Как работают твои банки, если произошло такое?! Ах, ошибка?! Непростительная ошибка! Возмутительная ошибка!! Репутация клана Негоциантов больше совсем ничего не стоит! Какое, к черту, наследование?! Какие известные ей пароли?! Мало ли, что вы думали! Ну и что, что я умер! Да мне Хранья такой же родственник, как тебе Тёмный Охотник!

Он замолчал, слушая спокойный голос вьесчи и поняв, что орать на него бесполезно — все равно не проймешь. Рамон всегда считает себя правым, даже если прет у тебя из кармана парочку миллиардов. Такие мелочи для него — не повод ругаться.

— Да. Хорошо. Не будем выносить сор из избы... Делайте, что хотите, но деньги должны быть у меня. Сегодня же. И тогда я не стану окончательно портить вашу подмоленную репутацию. Всего доброго. О да. И тебе хорошей ночи.

Он нажал «отбой», подумал было вмазать мобильник в стену, но поймал жалобный взгляд Рэйлен и кинул телефон ей.

— Придурок! Всю свою жизнь мне приходится иметь дела исключительно с идиотами!

Миклош снова выставил Рэйлен вон и, оставшись в одиночестве, принялся ждать возвращения Норико.

Ему была нужна информация, где скрывается Хранья...

От мыслей его отвлек Альехо:

— Нахттотер, к вам посетительница.

Бальза удивленно поднял брови. Гостей он сегодня не ждал:

— Надеюсь, блондинка?

— Нет. Кадаверциан.

— Ого! Колдунья и не блондинка? — Он подумал о Доне, разочарованно цокнул языком. — Оч-чень интересно. Что же. Пригласи даму в кабинет через пару минут. И будь с ней повежливее.

Он поднялся, надел чистую рубашку, застегнул сапфировые запонки, гадая, что понадобится от него клану Смерти.

Гостья оказалась гостем, и Миклош, увидев Флору, разочарованно поджал губы:

— А... Вивиан. Что тебя привело в мою скромную обитель?

Ученик Кристофа казался взбудораженным и нервным. Странно было видеть отражение подобных эмоций на прекрасном лице, доставшемся ему от леди даханавар. Мальчишка, конечно, постарался, как мог, избавиться от сходства с погибшей любовью колдуна с помощью уродливой одежды и короткой стрижки, но все равно сражение с даханаварской привлекательностью было неизбежно проиграно. К несчастью для Вивиана, Флора принадлежала к той редкой породе женщин, которые выглядят изумительно в любой одежде. Хоть в бальном платье, хоть в бесформенных штанах и растянутом свитере.

Кадаверциан сел в предложенное кресло, крепко стиснул подлокотники и произнес торопливо:

— Основатель выбрался из мира лигамента. Грань не смогла его сдержать.

— И почему я не удивлен, — равнодушно пожал плечами Миклош. — Я с самого начала говорил, что из затеи твоего учителя не выйдет ничего путного. И как ему вообще могло прийти в голову обращаться за помощью к малолетним сумасшедшим...?! Видимо, Основатель теперь очень зол, — предположил господин Бальза, не без удовольствия рассматривая взволнованное лицо Флоры.

— В ярости, — хмуро подтвердил Вивиан. — И он забросил мэтра в мир Нахтцеррет. Ваш мир.

— Сады Боли? — Господин Бальза невесело хохотнул и откинулся на спинку кресла. — Откуда эти сведения? Основатель позвонил тебе, чтобы поразить вас своим чувством юмора? Или Кристоф оставил предсмертное письмо?

— Его Тёмный Охотник... — Некромант замялся, видимо решая, стоит ли посвящать Миклоша в тонкости магии кадаверциан. — В общем, он передал, где находится мэтр, и что ему нужна помощь.

— Не знал, что вы используете этих тварей в качестве почтовых голубей.

Некромант с досадой взглянул на собеседника:

— Мы не используем. Но Крис сумел установить со своим очень прочную связь. Так что теперь его Охотник... — Вивиан запнулся и решительно потряхнул головой. — Впрочем, это не важно. Нам нужна помощь.

— И при чем тут я?

— Это мир Нахтцеррет, — терпеливо повторил Вивиан.

— Верно. Но все равно не улавливаю связи. — Миклош продолжал корчить из себя идиота.

— Босхет передал моему учителю ваши слова о долге перед ним и...

— Я готов сделать многое, — перебил его нахтотер, ничуть не кривя душой. — Но чего я не собираюсь делать, так это лезть в Сады Боли, мальчик. С легкостью согласиться сунуться туда могут только сумасшедшие. Этот мир не подчиняется никому! Даже клану Нахтцеррет. Кстати, с тем же успехом в него могут отправиться и ваши колдуны.

— Если потребуется — я пойду, — сухо заметил ученик некроманта.

Бальза отстраненно подумал о том, как жаль, что Флора умерла столь не вовремя. Девочка любила власть, но из-за дурацкой игры Амира вяпалась

в противостояние с Фелицией, и теперь в этом прекрасном теле суждено жить наивному дураку, который даже не понимает, о чем просит.

— Ну, тогда составь завещание. — Бальзе начал надоедать разговор. — Ты не продержишься и пяти минут.

— Я практически не сомневался, что тхорниски не умеют держать слово, — с презрением сказал Вивиан, вставая с кресла.

— Не тебе читать мне мораль, щенок! — отчеканил Миклош и приказал: — Сядь!

Но, увидев, что кадаверциан не подчиняется, сбавил тон:

— Сядь. Я еще ничего не решил. Мне следует подумать.

Вивиан поколебался и вновь опустился в кресло. Нахттотер тяжело вздохнул, достал Жало, заметил, как напрягся колдун, и начал править карандаш. Чик. Чик. Чик.

Добившись идеальной остроты, рыцарь ночи провел на белоснежном листе волнистую линию. Кристоф идиот, раз дал себя упечь. Это неоспоримо.

Но и Основатель хорош — не убил колдуна, а отправил в ссылку без обратного билета. Впрочем, послать кровного брата в Сады Боли равносильно убийству. Только очень медленному и мучительному.

Какие выгоды клану и самому Миклошу в том, что колдун вернется?

Кадаверциан — это тот, вокруг кого могут сплотиться остальные. Он силен. Без мастера Смерти справиться со всем случившимся в Столице будет гораздо сложнее. Кроме того, его возвращением можно будет позлить нового Дарэла. Возможно, Основатель разозлится настолько, что прибьет Хранью... А даже если и нет, тот, кто сумел провести Витдикту, — ценный союзник.

Заслуживает ли это неоправданно высокого риска? Вполне. К тому же когда еще у Миклоша появится такая возможность — стать спасителем благородного рыцаря? Очень романтический подвиг. Ха-ха.

— Хорошо. Будем считать, что я согласен, но есть условия... — произнес господин Бальза, заштриховывая часть рисунка.

Вивиан пошевелился в кресле и осторожно, стараясь не спугнуть удачу, произнес:

— Я вряд ли уполномочен вести дипломатические переговоры и обещать что-то клану Нахтцеррет.

— Я делаю это не ради выгоды! — оскорбился господин Бальза, даже не оторвавшись от работы — царапая карандашом по бумаге. — «Honi soit qui mal y pense!»¹ Одному в Садах Боли делать нечего, молодой человек.

— Я уже сказал, что готов идти, — тут же решительно заявил проситель.

Бальза желчно усмехнулся:

— Ну, во-первых, ты не знаешь, на что соглашаешься. А во-вторых... Я тебя с собой не возьму.

— Почему? — возмутился тот.

— Потому что ты женщина.

Миклош поднял глаза, увидел, как окаменело лицо Вивиана, и мило улыбнулся:

— Это не издевательство, мой друг. Мне, право, все равно, что за суть наполняет эту прекрасную даханаварскую оболочку, но тело есть тело. А женщинам в Сады Боли ходу нет. Так что мне потребуется иная кандидатура. Кто-нибудь еще из клана Смерти желает составить мне компанию?

— Любой из нас, — не колеблясь, ответил Вивиан.

¹ «Позор тому, кто дурно об этом подумает!» (*старофранц.*). Девиз рыцарей ордена Подвязки.

— Я бы предпочел Аду. Или Дону, — проворчал Бальза нахолившись. — Но, к сожалению, придется довольствоваться худшим.

Эти слова не понравились ученику Кристофа, он нахмурился, однако вновь промолчал.

— Кто из колдунов сейчас в Столице? — Господин Бальза закончил набросок и протянул его через стол.

— Весь клан. — Мальчишка посмотрел на рисунок. — Это ведь не я, да?

— Верно. Это Флора. Такая, какой я ее запомнил на балу Фелиции. Она очаровательно танцевала с Йоханом. Воистину, королева бала. Так кто в городе? Перечисли поименно. Только мужчин.

— Анри.

Миклош фыркнул:

— Наставник безумной бэньши? Ну, нет! Увольте! — Нахттотер поднял вверх обе ладони, словно сдаваясь. — Сколько я его помню, в голове сплошные куртизанки и пустота! Слишком легкомыслен и безответственен, чтобы я рискнул доверить ему себя. Дальше.

— Адриан.

— Уже что-то. Но после стычки в Праге во время первого Великого Наводнения мы друг друга не слишком-то жалуем.

— Филипп.

— А... — протянул Миклош. — Чертов аристократ. Он белоручка. Хорошая защита, но непутевое нападение. Мне он точно не подойдет. Кто там следующий в списке?

— Франциск.

— Старик еще не преставился? — оживился господин Бальза. — Впрочем, от него не будет никакой помощи. Я не собираюсь работать поводырем.

— Грэг.

— Он ведь тоже мастер Смерти, не так ли?

Вивиан кивнул.

— Цепкий парень... Однажды схватился с правой рукой Винченцо Лудэра и его учениками и размазал их по стенкам монастыря Святого Стефана в Саламанке... Да. Пожалуй, он то, что нужно. Позвони ему.

— Сейчас? — Вивиан явно не ожидал от господина Бальзы такой прыти.

— Нет! Через неделю! Как раз когда от твоего обожаемого мэтра останутся рожки да ножки! Раз уж решили, лично я не собираюсь ждать — ночь только началась.

Глава 3 САДЫ БОЛИ

Какая странная сегодня луна на небе...

...О, какой у луны странный вид! Можно подумать, будто это рука мертвой, пытающейся закрыть себя саваном¹.

24 апреля

— Я бы хотела пойти с вами, нахттотер.

Миклош бросил взгляд в зеркало дальнего вида:

— Знаю, цыпленок. Знаю...

¹ Оскар Уайльд. Саломея.

Сидевшая за рулем Рэйлен задумалась на мгновение и снова взволнованно спросила:

— Быть может, вам стоит взять с собой Арлекина, нахтоттер?

— У него нет должного опыта, чтобы шляться по Садам Боли. Мастер Смерти — это лучшее из того, что мне сейчас можно предложить.

Повисло молчание. Бальза по старой привычке смотрел в окно и мысленно ежился — влажный, ледяной, стегающий, точно плеть, ветер гулял по Столице, заставив улицы вымереть. И смертные, и бессмертные предпочитали не выходить из домов.

Машина проехала мост через реку. По воде неслись огромные волны, словно это было море. «Кажется, на юге, где берега низкие, будет наводнение», — отстраненно подумал Бальза.

Несколько деревьев вдоль дороги оказались повалены, а огромный рекламный щит погнулся, точно его мял в лапах великан.

Миклош постарался полностью отключиться от происходящего за окном и сосредоточиться на предстоящем. Он вспоминал все, чему учил его Луций. Безопасное место входа, ориентиры, правила поведения, негласные законы и конечно же подходящие заклинания.

Спустя полчаса они, наконец, остановились рядом с парком, разбитым недалеко от огромной телебашни. Сейчас были видны лишь ее опоры и первая треть — все остальное скрывалось в стремительно несущихся над городом облаках.

— Жди меня здесь, — сказал Бальза, отстегивая ремень безопасности. — Сопровождение не требуется. Если не вернусь до рассвета — сами решайте, что делать дальше.

Он надел капюшон, теплые перчатки и, задержав дыхание, шагнул на пронизывающий ветер. Тот выль в ушах, словно души обозленных грешников, и бесцеремонно подталкивал в спину. Господин Бальза прошел по асфальтовой дорожке, днем, вероятно, мокрой, а теперь застывшей и ужасно скользкой, и, обходя тусклые огни телецентра, свернул в парк.

Фонари здесь были старые, облезшие. Лампы, накрытые козырьками, висели на хлипких проводах, раскачиваясь из стороны в сторону, как ополоумевшие. Пятна света прыгали туда-сюда, освещая то дорогу, то деревья с кустарником, то вновь дорогу. Пошел снег — ледяной, колючий, мелкий и частый.

В белой круговерти Миклош увидел фигуру, стоящую возле маленького железного мостика, перекинутого через стылый ручей, почувствовал некрманта и неспешно приблизился.

— Доброй ночи, — кивнул ему Грэг.

— Не такая она добрая, раз свела нас вместе.

В мерцающем свете бледных фонарей кадаверциан казался похожим на головореза — выше нахтоттера на голову и гораздо шире в плечах. Стальные глаза цепко смотрели из-под вельветовой широкополой шляпы, украшенной черным вороньим пером. Густые брови, баки, закрученные усы, разделенная на две половинки борода, перевязанная черными ленточками, и ослепительная улыбка.

Миклош с интересом изучил длинный темно-коричневый камзол из плотного английского сукна, серебряные пуговицы с гравировкой герба Адмиралтейства, темные штаны из шотландской шерсти и лакированные башмаки с янтарными пряжками.

Грэг, сложив губы трубочкой, свистнул. Ветер мгновенно подхватил звук и швырнул к сизым небесам. Кадаверциан чуть подался вперед, прищурился,

вглядываясь в снежную пелену, вытянул руку, и из мрака на нее спикировал бесформенный мокрый комок.

— Что это? — брезгливо поинтересовался Бальза.

Тварь оказалась попугаем. Во всяком случае, была им до той поры, пока жила. Теперь это было нечто с торчащими во все стороны редкими темно-фиолетовыми перьями, сквозь которые проглядывала серо-розовая кожа. Глаза птицы горели ядовитой зеленью.

— Это Пако, — отозвался мастер Смерти. — Пако, познакомься с господином Бальзой.

Гадина неуверенно потопталась на руке хозяина, затем перебралась ему на плечо, окинула Миклоша придирчивым взглядом, подняла огромный хохолок и произнесла резким до одури голосом:

— Мистер! Дайте шиллинг!

— Надо же! — удивился Грэг. — Похоже, ты ему понравился.

Бальза скривился:

— Флибустьерское прошлое?

— Вроде того, — улыбнулся в бороду кадаверциан.

Попугай нахохлился. Вид у него был такой, словно его прожевала, а затем выплюнула голодная кошка.

— И что, эта курица отправится с нами?

— Куда я — туда и он.

Миклош тоже нахохлился и мрачно подумал, что ошибся — следовало брать с собой Адриана.

Не сговариваясь, собеседники пошли по дороге, направляясь в глубину парка.

— Весна в этом городе особенная, — улыбнулся некромант, глядя на снежную круговерть.

— Да уж, тут не поспоришь, — согласился господин Бальза. — Что тебе известно о Садах Боли?

— Не много. Лишь то, что я смог отыскать в библиотеке Вольфгера перед сегодняшней встречей.

— Значит, лишь домыслы. Ладно. Просто держись рядом и постарайся не заниматься самодеятельностью.

— Как прикажете, капитан. — Иронии в валлийце было хоть отбавляй.

— Кренгельс¹ тебе в задницу! — прокомментировал Пако.

— Его можно как-нибудь заткнуть? — раздраженно поинтересовался нахтотер.

У него руки чесались уничтожить говорливую тварь.

— Говорю же, Миклош, ты ему нравишься. Обычно с чужаками он молчалив как рыба. Кстати, почему ты выбрал это место? В путешествие можно было отправиться и из дома.

— Не мог упустить возможности выйти на прогулку. Превосходная погода для того, чтобы подышать свежим воздухом. Не находишь? — съязвил нахтотер.

Грэг оценил иронию и хлопнул тхорнисха по плечу так, что тот едва не улетел на обочину.

— Поаккуртнее! — возмутился Бальза.

— Мистер, дайте шиллинг! — вновь заканючил мерзкий попугай.

Его зеленые глаза глядели зловеще, и Миклош про себя пожелал проклятой птице слохнуть еще раз.

¹ К р е н г е л ь с (*морск.*) — кольцо, свитое из прядей троса.

Теперь снег валил сплошной стеной, они шли сквозь него, согнувшись в три погибели. Грэгу приходилось держать шляпу, чтобы очередной порыв ветра не сдул ее с головы. Пако спрятал башку под крыло и наконец-то заткнулся.

Дорога через парк оказалась ужасной — такое ненастье, по мнению Бальзы, можно ожидать где-нибудь на Северном полюсе, но никак не в Столице, да еще и ближе к концу весны. Снег был тяжелым и влажным. Он свинцовым грузом оседал на проводах и ветвях, заставляя их прогибаться, а затем, подчиняясь ветру, вздрагивать и ронять белые хлопья на землю.

— Если так будет продолжаться дальше, как бы нам не завязнуть в сугробах! — перекикивая вой ветра, сказал некромант.

Бальза кивнул, показывая, что слышит, но не ответил: слишком сильно был занят тем, что формировал коридор перехода.

Они миновали парк, пересекли пустое шоссе и оказались на улице. Сквозь крылья безмостового бурана проглядывали призраки девятиэтажных домов, в которых все окна были темны. Остовы заснеженных машин, брошенных на произвол судьбы спасающимися от ненастья людьми, казались выброшенными на мель кораблями. Миклош на ходу отряхнул ставшие белыми плечи и решительно направился вперед, чувствуя, как слабеет ветер.

Мимо переполненных мусорных ящиков, ободранных автомобилей, разбитых фонарей и поваленных деревьев они все дальше и дальше углублялись в северные кварталы Столицы.

В какой-то момент Грэг прищурился и потянул носом воздух:

— Улица мертва. — Некромант не спрашивал, а утверждал.

— Верно, — отозвался господин Бальза, радуясь, что буран утихает. — Добро пожаловать в преддверие Садов Боли.

— Люггер¹ плыл на восток! — внезапно заорал Пако и внес важное уточнение: — А затем на запад...

Он заклохотал, словно курица, и перелетел на другое плечо Грэга.

— Ловко, — оценил мастер Смерти. — Не заметил, как мы переместились.

— Ну, тут не ваш туманный мир и не Грань лигаментия. У Нахтцеррет иные законы.

— Это я уже понял.

По суровому лицу валлийца было неясно, что он вложил в эту фразу, но нахтотеру послышалась издевательская нотка, которую сейчас, однако, он предпочел не заметить.

— Когда мы окажемся на месте?

— После третьих склянок!! — влез в беседу попугай и тут же спрятал голову под крыло.

— Ты сразу это почувствуешь, — нехорошо усмехнулся Бальза.

— Уже чувствую. Вокруг сплошные мертвецы. — И, увидев непонимающий взгляд господина Бальзы, добавил: — В домах.

— Поверю на слово. — Миклош посмотрел на быстро очищающееся небо. — У меня никогда не было желания заглядывать внутрь.

— Не любишь покойников? — живо поинтересовался спутник.

— Просто не страдаю чрезмерным любопытством там, где этого не следует делать, — холодно отрезал Миклош, косясь на темные выбитые окна и вспоминая, что в прошлый раз, когда его привел Луций, здесь вместо города

¹ Люггер (морск.) — легкое парусное судно с несколькими орудиями на открытой палубе.

была мрачная, разоренная чумой деревушка. — Что до любви к трупам, некрофилия не входит в достоинства Золотых Ос. Это скорее относится к клану Смерти.

— Некрофилия? — нахмурился Грэг. — Ты совсем ничего не знаешь о нас, Бальза, раз путаешь грязное влечение к мертвым с уважением к Смерти.

— Ну, да. Возможно, я ошибаюсь. Наши кланы были не слишком-то близки до последнего времени, — проворчал нахттотер, которого сейчас больше занимал шорох за ближайшим углом, чем философские диспуты. — Некрофилия — это капуцинские катакомбы в Палермо. У вас нечто другое.

Мертвый попугай, не вынимая головы из-под крыла, глухо и зловеще расхохотался.

— Что это с ним? — поднял брови господин Бальза.

— Пако удивлен, как и я. — Валлиец был серьезен, но его стальные глаза, кажется, смеялись. — Нахттотер публично признает ошибки.

— Нахттотер просто старается быть любезным, колдун. И ничего более.

Ветер полностью стих, снег на земле исчез, а улица закончилась. Впереди под золотистым светом огромной полной луны возвышался странный лес.

— Добрались, — с видимым облегчением сказал рыцарь ночи.

Он уже начал опасаться, что забыл дорогу.

Пако выразил свое отношение витиеватым и скабресным ругательством.

— Не самое уютное местечко, — оценил некромант.

— Еще нет... — неопределенно пробормотал Миклош, решительно направляясь вперед.

Влажный избитый асфальт сменился широкой тропой, посыпанной мелкими, белыми, отражающими лунный свет осколками человеческих костей. Они негромко поскрипывали под подошвами башмаков, пока двое кровных братьев приближались к кромке леса.

Вблизи тот оказался еще более отталкивающим. Деревья, названий которых никто не знал, достигали высоты семизэтажных домов. Их стволы были черными, страшно изломанными и искривленными. На редких толстых ветвях росли огромные шипы, походящие на иглы дикобраза. Их кончики, бледные, изжелта-восковые, с выступившей смолой, блестели, словно ртуть.

Грэг протянул руку, чтобы изучить колочку поближе, но Миклош бесцеремонно ударил его по запястью и грозно сказал:

— Даже не думай касаться шипов! Потом деревья от тебя не отстанут. А нам еще возвращаться.

— Их смола похожа на яд.

— Он и есть. Мой учитель говорил, что эта штука способна свалить с ног даже Нософорос. Но, по мне, есть более гуманные способы самоубийства, чем трогать ядовитую дрянь.

Они шли сквозь скрюченный, больной лес, от которого стало потягивать смрадом. И чем дальше спутники продвигались, тем сильнее становился запах тлена.

— Не обижайся, Миклош, но место отвратительное.

— Что поделать, — притворно вздохнул господин Бальза. — Все остальные миры разобрали, и нам пришлось довольствоваться оставшимся. Спасибо Основателю, будь он трижды проклят!

— Потешь мое любопытство. — Грэг держал руки в карманах и зорко поглядывал по сторонам, стараясь не коснуться веток — деревья обступили сузившуюся тропу со всех сторон. — Зачем тебе понадобилась моя помощь? Сады Боли, конечно, не похожи на Кюрасао или Бонэйр, но не выглядят уж очень ужасными.

— Да ну?! Эта помойка намного опаснее, чем царство кадаверциан. Нам просто пока везет. Ты будешь прикрывать мою спину, когда я буду занят. К тому же я не нанимался тащить вашего мэтра обратно на своем горбу. Если, конечно, он все еще жив.

— Считаешь, ему пришлось туго? — помрачнел колдун.

— Наверняка, — невысокому Миклошу пришлось пригнуться, чтобы пройти под колючей ветвью. — Иначе Основатель бы его сюда никогда не отправил.

Словно в подтверждение этих слов, на дереве, с которым они поравнялись, показалось «украшение» — наполовину утопленный в стволе скелет в обрывках, когда-то бывших белой тогой.

— Кто-то из ваших? — поинтересовался мастер Смерти.

— Да, — неохотно ответил нахтотер. — Один из Десяти Гласов. Жил еще до меня. Когда я был здесь в прошлый раз, его затянуло лишь по голени, и на теле оставалось полно плоти. Время здесь течет гораздо медленнее, чем в реальном мире.

Грэг обратил внимание, что свет стал бледнее, поднял взгляд к небу и сквозь купол переплетенных шипастых ветвей увидел луну.

— Что с ней? — резко спросил кадаверциан.

— А-а-а... заметил, — протянул Миклош, проследив за взглядом спутника и убыстряя шаг. — Скоро сам все поймешь.

— Тебе не кажется, что проще объяснить...

— Проще один раз увидеть.

Луна походила на циферблат часов, и «двадцать минут» уже были скрыты тьмой, а ползущая тень подбиралась к «двадцати пяти».

— Что случится, когда произойдет полное затмение?

— Мы будем сидеть тихо, словно мышки, — нервно хохотнул господин Бальза. — И молиться дожить до следующей полной луны. Погаси свою магию. Старайся не пользоваться ею без нужды — это может привлечь к нам ненужное внимание.

Лес стал гуще и еще темнее. Гаснущая луна также не добавляла света, и спутникам приходилось полагаться исключительно на врожденное ночное зрение. Одна из веток вдруг ожила, метнулась к некроманту, но тот пригнулся, и дереву досталась лишь шляпа да резкие, осуждающие вопли попугая. Миклош ударил по агрессору «Серым тленом», заставив того заскрипеть, выпустить добычу и неохотно отшатнуться.

Они вышли к перекрестку, где белая тропа разделялась на четыре узких тропинки, расходящиеся в разных направлениях и исчезающие за темными стволами терновых деревьев.

— Куда теперь? — поинтересовался Грэг.

— Хотел бы я знать, — озадаченно пробормотал Миклош, покачиваясь на носках. — В прошлый раз такого не было — дорога изначально одна.

— Когда был прошлый раз? — некромант следил за неумолимой стрелкой-тенью.

Без девяти двенадцать. От луны осталось всего ничего.

— Больше тысячи лет назад.

— Мог бы и почаще навещаться сюда. Возможно, сады Нахтцеррет не были бы в таком запустении.

— Не учи меня жить! — огрызнулся господин Бальза, занятый рисованием на земле. — Я здесь был всего один раз и до сегодняшнего дня не горел желанием вернуться! Уверен, что разделение дорог — оригинальная шутка Основателя.

— Найди верный путь к Кристофу, — сказал некромант попугаю, и тот, заорав так, что у Миклоша едва не лопнули барабанные перепонки, распахнул крылья и устремился в небо.

— Не думал, что он у тебя еще и ищейка. — Бальза проводил тяжело летящую птицу взглядом.

Грэг пожал плечами, как бы говоря, что птичка полна сюрпризов.

Миклош произнес положенную формулу, увидел, как нарисованные им буквы оплыли, а затем, словно червяки, расползлись по тропе и сложились в круг. В небо ударил столб бледно-серого света и через несколько секунд погас, превратившись в небольшую округлую клетку.

Бальза прошел сквозь световые прутья, сел на землю, приглашающе хлопал по ней и обратился к спутнику:

— Тебе представляется прекрасная возможность почувствовать себя попугаем. — И, видя, что тот не двигается, добавил: — Поспеши. Времени совсем не осталось.

Как только некромант вошел в клетку, луна погасла, а мир окрасился в темно-синие тона.

— Что это? — Грэг повернулся за разъяснениями.

— О. Так называемое время Садовников. Или ты действительно считал, что за Садами не приглядывают? Когда луна становится черной — они обрезают свободу. В эту пору лучший вариант — спрятаться и переждать.

Мастер Смерти мрачно осмотрел синий лес и с наслаждением вытянул ноги:

— Луна еще появится?

— Конечно. Когда придет ее час.

Колдун изучил струящийся из-под земли свет, создающий клетку:

— Защитное заклинание, но не против магии. Скорее от духов. Я прав?

— Тебе ли не знать, что духи порой обретают материальную оболочку? — Миклош закрыл глаза, и повисла томительная тишина.

Минуты сменялись минутами, но ничего интересного не происходило. Бальза делал вид, что медитирует, Грэг спокойно ждал, когда придет пора идти дальше.

Между деревьями мелькнул ярко-голубой силуэт, и некромант подался вперед. Спустя несколько мгновений на тропе появилась полупрозрачная тварь — сквозь нее был прекрасно виден дикий терновник.

Тощее, обтянутое фосфоресцирующей кожей корявое создание, опирающееся при беге на узловатые руки, было покрыто шипами с головы до ног. Особенно много их оказалось на спине и лысом черепе. Круглые белые глаза едва не выскакивали из орбит, губы отсутствовали, из-за чего рот все время улыбался. От взгляда некроманта не укрылись длинные клыки. Лицо неизвестного создания можно было бы назвать человеческим, если бы не страшная маска кровожадного безумия.

Оно пробежало мимо, даже не остановившись, и сгнуло в лесу, словно ночной кошмар с приходом утра.

— Ну и как тебе? — с живым интересом спросил открывший глаза Миклош.

— Значит, это и есть Садовник, — негромко произнес Грэг.

— Один из них.

— Он похож... — Некромант замолчал, задумался и нахмурился еще сильнее.

— На нас, — господин Бальза издал неприятный смешок. — Очень верно подмечено. Лучий как-то сказал, что они любят пить кровь. Но не человеческую, а нашу. Таких блаутзаугеров, как ты и я.

— Кто они такие?

Нахттотер погладил бороду, вздохнул, сменил позу, посмотрел на темное небо:

— Как ты думаешь, что случается с кровными братьями, когда они умирают? Куда уходят их души? В рай?

— Думаю, наоборот. Если бы я верил в бога, то сказал, что нам всем уготовано место в аду.

— Вот он — персональный ад тхорнисхов. — Рыцарь ночи обвел рукой синий мир и страшную стену колючих деревьев. — Сады Боли. Мы не умираем. И не исчезаем. И не уходим в небытие. Наши души становятся Садовниками — вечно ждущими, ищущими, алчущими крови тех из нас, кто еще жив. Поэтому я и рекомендовал тебе забраться в «Слепую клетку». Пока мы здесь, они нас не видят.

— Их можно уничтожить?

Миклош вспомнил синие, полупрозрачные, перекошенные лица, леденящий душу вой и вспышки магии Лучия, когда он вместе со своим учеником прорывался обратно, в мир живых.

— Можно. Развоплотить. На время. Беда лишь в том, что как только начинаешь сражаться, на помощь одному прибегают еще десять, и так до бесконечности. Тхорнисхов, знаешь ли, за века умерло достаточно много.

Некромант не ответил, и нахттотер вновь закрыл глаза. Один раз ему слышался какой-то звук — не то скрип, не то стон, но расстояние было столь огромным, что господин Бальза не смог бы поручиться и решил, что ему просто почудилось.

Прошло еще какое-то время... затем с неба прилетел вопль:

— Мистер! Дайте шиллинг!

Попугай парил в высоте, встревоженно крича о том, что кентаберийское вино уже украдено.

Поорав немного, он вновь улетел.

Когда спутникам стало казаться, что они провели в клетке не один день, синий свет стал бледнеть и меркнуть, а затем вовсе погас, и на небе вновь появилась полная луна.

— Отсчет пошел. — Бальза вскочил на ноги и одним движением стер надпись на земле.

— Черт! Черт! Они заходят с зюйд-веста! — Попугай неожиданно рухнул на плечо господина Бальзы так, что тот едва не подпрыгнул. Птица щелкнула клювом у щеки главы клана Золотых Ос и гаркнула: — Эй! Красо-о-отка!

Нахттотер выругался, сбрасывая с себя наглуую мертвечину, Пако обижено заверещал и перескочил к хозяину, который был более дружелюбен, чем рыцарь ночи.

— Люггер плыл на восток! Байла! Байла!

— Он нашел путь! — Грэг цокнул языком, и его питомец, взмахнув крыльями, полетел над одной из тропинок.

— Не спешить! — предупредил Миклош. — Направление знаем, ну и ладно. Пошли.

Они вновь углубились в густой лес.

— Нам везет, — по пути сказал господин Бальза, презрительно поджав губы. — На этот раз Садовник был один. Странно. С чего бы это?

— Испугались меня? — рассмеялся некромант.

— Скорее уж твоего попугая. Кто захочет иметь дело с этой болтливой заразой?

— Дискульпе, синьор! Порфабор! Уно шиллинг для маленького Пако!

Тварь носилась между деревьями, махая фиолетовыми крыльями и вопя во все горло.

Валлиец рассмеялся, подозвал птицу и приказал вести себя тихо. Та проворковала нечто ласковое, схватила страшным клювом, способным перекусить толстую металлическую проволоку, мочку уха колдуна. Пожевала и наконец-то заткнулась.

Местность несколько изменилась. Теперь земля была изрыта оплывшими ямами, очень похожими на древние могилы. Они темнели под деревьями среди влажной прелой листвы, наполовину заполненные застоявшейся водой.

— Вивиан был порядком раздосадован, что ты отказался взять его с собой, — сказал Грэг.

— Нужны мне здесь сосунки, — пренебрежительно отозвался нахтоттер.

— То есть все эти разговоры о женщинах...

— Правда, мой друг. Иначе вместо тебя была бы Ада или Дона. Или же я бы обошелся помощью Норико.

— Суровая реальность жизни, — улыбнулся некромант. — Бедные женщины, в Сады Боли им путь заказан. Кстати говоря, отчего?

— Черт его знает. Говорят, если рядом женщина, Садовники лезут и днем. Так что слишком велик риск брать с собой спутницу.

Он перепрыгнул через яму, полную тухлой воды, потянул носом воздух и заметил:

— Далеко мы забрались. Как бы назад не пришлось бежать.

Мастер Смерти вместо ответа ловко отшатнулся в сторону, избежав «случайного» движения колючих ветвей. Попугаю пришлось замахать крыльями, чтобы удержать равновесие.

— Тебе не кажется, что деревья относятся ко мне несколько предвзято?

— Разумеется, — надменно изрек Миклош. — Ты ведь не тхорниск. Чу-жаков здесь любят даже меньше, чем Золотых Ос.

— Просто удивительно, — пробормотал некромант, вновь посмотрев на луну.

Лес был бесконечным, тропа частенько превращалась в тонкую нитку, и Миклош начал сомневаться, что тупой дохлый попугай правильно указал дорогу. Они спустились в низину, влажную, душную, смрадную, заваленную человеческими останками. Было видно, что кто-то основательно погрыз кости, но на вопрос мастера Смерти, что это за твари, господин Бальза лишь пожал плечами. Ни о каких диких зверях здесь он отродясь не слышал.

Еще дважды луна меняла фазу, наступала темно-синяя ночь, и приходилось скрываться в магической клетке. Первый раз в округе не появилось ни одного Садовника, зато в следующий господин Бальза не успел завершить ритуал, и страшная тварь выскочила из-за деревьев, едва луна погасла.

Миклош, ни на что не обращая внимания, стоял на коленях, скороговоркой твердя формулы, и разбираться с неприкаянной душой пришлось Грэгу.

Он раскрыл ладони в сторону прыгнувшего на него создания, и, когда то оказалось опутано зеленым шелком так, что уже не могло двигаться, в руках мастера Смерти появился страшный молот. Валлиец в один прыжок оказался рядом с Садовником и мощным ударом раскроил тому череп.

В этот момент с верхних ветвей прыгнула еще одна тварь, метя некроманту в спину. Пако предупредил хозяина воплем, тот развернулся, швырнул в морду врагу зеленое пламя, но это не произвело должного эффекта. Тварь сбила его с ног, и они покатались по земле. Грэг вцепился пальцами в тощую шею зверя, не давая щелкающим челюстям приблизиться к своему лицу.

К счастью, нахтотер закончил создание «клетки» и, оказавшись рядом, хлестнул Садовника кнутом «Тлена», едва не развоплотив попугая. Стащил распавшиеся останки с некроманта, рывком помог ему подняться и буквально втолкнул в безопасный круг.

— В следующий раз тебе стоит быть порасторопнее. — Грэг небрежно отряхнул камзол от прилипших к нему темных листьев.

Пако высказался более резко и витиевато.

— С каждым разом это занимает все больше времени. — Миклош убрал боевой кнут. — Если не найдем Кристофа быстро, придется уйти и повторить попытку через несколько дней, когда здесь все успокоится.

Валлиец словно бы и не услышал этих слов — он смотрел, как тела Садовников превращаются в синий дым, растворяющийся в окружающем мареве. Не прошло и нескольких минут, как пять новых тварей рыскали по окрестностям.

— Очень удобно, что они нас не видят, — заметил Грэг.

— Верно. Но теперь они знают, что мы здесь, и рано или поздно наберутся наглости появиться при луне.

Ответом ему был дикий хохот во мраке...

Слушая шорохи мрачного леса, Миклош нервно ежился и думал о том, что все его пессимистические прогнозы оправдались. Основатель, будь он неладен, засунул колдуна в такую адскую бездну, что вытащить его не смог бы даже Луций в лучшие свои годы. Тупоумный попугай, мозги у которого сгнили несколько сотен лет назад, и тот уже должен был понять, что шансов у спасательной команды с каждой минутой становится все меньше и меньше. Однако чертов Грэг оказался упрямым парнем. Возможно, в иной ситуации Бальза бы над ним посмеялся, но не тогда, когда по округе рыскает табун Садовников, желающих высосать жизнь из нахтотера. Делиться своей кровью с какими-то тварями не входило в его планы.

Миклош не желал превратиться в ужин для мертвых тхорнисхов и уже несколько раз намекнул Грэгу, что пора бы повернуть назад, но колдун словно и не слышал. Его не слишком волновало, что каждая новая клетка давалась Миклошу с все большим трудом.

— Чертов эгоист, — проворчал Бальза себе под нос и сказал громко: — Ты не мог бы накинуть тряпку на башку своему питомцу? У него отвратительный взгляд.

Попугай выкрикнул очередную скабрёзность, Грэг усмехнулся и пожал плечами, словно показывая, что он-то здесь точно ни при чем и Миклошу придется договариваться с Пако самостоятельно. Нахтотер счел, что ему только что дали «зеленый свет», и начал подыскивать подходящее заклинание, чтобы от проклятой твари не осталось даже перьев, но колючий кустарник внезапно привлек его внимание, и господин Бальза остановился, не донеся левую ногу до земли.

— Что-то не так? — тут же спросил Грэг.

— Чувствуешь запах гнили?

— Я чувствую его с тех пор, как здесь оказался, — подтвердил бывший корсар.

— Нет, здесь пахнет по-иному.

— Я не тхорниш, чтобы специализироваться на нюансах вони.

Миклош зло прищурился и швырнул в кусты «Волну Танатоса». Черные ветки свернулись кольцами, шипы оплавились, и растения осыпались пеплом.

— Может, ты зря нервничаешь? — спросил кадаверциан, глянув на небо. Круг луны почти не потемнел. — Сейчас вроде как «день».

— Мой нос меня никогда не подводил, — пробормотал господин Бальза, озираясь.

Краем глаза он заметил синий росчерк и, хлопнув в ладоши, соорудил первое, что пришло ему в голову — огромный зонтик с черным, едва прозрачным куполом. Именно на него, словно перезрелые фрукты, с ветвей деревьев градом посыпались Садовники.

Зеленая вспышка сверкнула справа, оглушительно заорал попугай, и можно было догадаться, что атакуют их не только сверху, но и с флангов.

— Удерживай их! — заорал нахтотер, перебрасывая всю свою силу на поверхность зонта и с удовлетворением отмечая, как начинают дымиться и истончаться синие тела.

Но до конца уничтожить их у Бальзы не получилось, лишь ослабить.

— Всем держаться! — гаркнул Пако с неба, и в нахтотера врезалось воющее чудовище.

Миклош, не будь дурак, вцепился пальцами в страшное лицо, разжижая плоть. Тем самым он спас себе жизнь, но потерял контроль над зонтом, и Садовники, прорвавшись через преграду, оказались на земле.

Один упал совсем близко, господин Бальза с чувством злорадной радости пнул его ботинком в морду, сбил заклиниванием того, что подкрадывался к спине Грэга, развернулся и сломал грудную клетку еще одному.

— В сторону! — рявкнули над ухом.

Миклош проворно отпрыгнул, и зеленая, витая молния зацепила сразу двоих противников. В тот момент нахтотера сбили с ног, и трое Садовников оказались на нем сверху. Молот некроманта сбил одного, господин Бальза смел ударом другого, заорал, ощутив резкую боль укуса в руке, и оторвал твари голову.

В следующее мгновение всю округу залило зеленым пламенем, а когда оно опало, враги лежали мертвыми. Миклош выругался, поднялся на четвереньки, выругался повторно и наконец-то встал на ноги.

— Никого не узнаешь? — Некромант носком порядком перепачканной туфли повернул голову мертвого Садовника.

— Они все на одно лицо. — Миклоша не интересовали превращающиеся в туман мертвые чудовища. — Поверь, я бы не смог узнать среди них даже родного отца.

— Похоже, это женщина, — задумчиво сказал Грэг. — Почему они напали при луне?

— Жажда крови заставляет их вылезать на свет, который делает их намного слабее, но не убивает. — Впрочем, это все не важно. Мы уходим. — Нахтотер был занят тем, что отдирал изодранный рукав от куртки.

Некромант сразу понял, о чем идет речь, и едва заметно покачал головой:

— Извини, Миклош, я остаюсь. Возможно, это принято у вас, но кадаверциан не бросают друг друга в беде.

— Сколько патоки! — скривился господин Бальза, с отвращением отбрасывая в сторону облянуженную тряпку. — Смотри не прилипни, кол-

дун. Ты совсем ослеп, если не видишь, что творится вокруг. Эти твари устроили на нас засаду, и очень грамотную.

— Не вижу повода уходить. Я найду Кристофа. Ты можешь возвращаться.

— Красо-о-отка! — насмешливо протянул сидевший на ветке Пако.

Миклош скривился еще сильнее. Он бы с радостью бросил среди леса тупого упрямяца и его идиотскую птицу и забыл об этом уже через несколько часов, но у клана колдунов возникнут вопросы, а ссориться с неожиданными союзниками из-за глупого нетерпения и желания поскорее оказаться дома недальновидно.

— Послушай, — господин Бальза осмотрел две продольные царапины, оставшиеся у него на предплечье от клыков твари. Ранки регенерировали медленно и неохотно. — Я рассчитывал, что Основатель — ленивый ублюдок. Что он открыл переход, вышвырнул вашего дорогого Кристофа и захлопнул дверь. То есть, что мастера Смерти следует искать где-то на границе Садов. Но этот... — Миклош указал пальцем в небо. — Этот чертов телепат, которого стоило убить еще двадцать лет назад, взял его за шкирку и унес, словно кондор цыпленка, дьявол знает куда!

— Тем больше у нас причин отыскать его.

— Между прочим, меня укусила одна из этих тварей. Рана, возможно, заражена, и еще неизвестно, чем это кончится. У меня с собой нет эликсиров. Нам надо вернуться.

Валлиец подошел к Миклошу, понюхал кровь на его коже:

— Заражения нет.

С его рук потек зеленый свет, и регенерация ускорилась.

— Тебе ничего не грозит.

— Скажешь это, когда я умру, — проворчал рыцарь ночи, после схватки больше всего похожий на оборванца.

— Не волнуйся. Если ты умрешь, я тебя оживлю, — совершенно серьезно произнес валлиец.

— Мистер, дайте шиллинг! — Пако висел на ветке вниз головой.

— Кыш! — махнул на попугая рукой порядком раздосадованный сложившейся ситуацией господин Бальза. — Черт с тобой, колдун! Вон за той рощей есть некрополь. Будет символично, если там мы и найдем некроманта.

Но за рощей Кристофа не оказалось. Огромная поляна, со всех сторон окруженная красноватыми шипастыми гигантами с густыми черными коронами, была затянута низким синеватым туманом. Одурающе пахло тухлым мясом, и сонмы мелких насекомых роились в воздухе, сияя ярко-голубым светом, словно волшебные светлячки. Старые мраморные памятники были вырваны из земли и свалены грудой в одну кучу. Их верхняя часть оказалась оплетена тернистым плющом, больше всего напоминающим колючую проволоку.

Грэг вновь отправил попугая на разведку, затем наклонился к самой земле и сказал:

— Это кладбище не настоящее.

— Некрополь. Это называется некрополь, корсар. За несколько тысяч лет до того, как ты в первый раз увидел лодку, людей хоронили в таких местах. Это проекция. Одно из первых мест, где жили тхорнисхи.

— Странные Нахтцеррет выбирает жилища. Некрополь, Вышеград...

— Вышеград был совсем не плох. Никто из вас туда даже не смел соваться.

— Да в общем-то и вы не были частыми гостями на Петринском холме, — усмехнулся Грэг, вставая. Он сделал пару шагов и обратил внимание на вьющихся у лица насекомых: — Мухи? Почему мухи? Я думал, здесь будут по меньшей мере осы.

— А я рассчитывал встретить парочку блондинок, но жизнь полна разочарований, — ядовитым голосом отозвался Миклош. — Пусти. Я пойду первым.

Он ударил перед собой широкой «Волной Танатоса», и та, распространившись по поляне, уничтожила всех насекомых. Тысячи тысяч прозрачных крылышек упали на съезжившиеся, почерневшие цветы.

— Ненавижу эту гнусь, — пробурчал нахтототер, решительно направляясь вперед.

Лишь половинка луны была темной, но далеко на западе, за безмолвными мертвыми деревьями, раздался едва слышный хохот.

— Садовники не стали ждать своего времени. — Миклош торопливо начал кидать в землю «Зубы дракона». — Мы разворошили гнездо, приятель, и, не скрою, они не прочь отведать нашей крови. Однако я надеюсь пройти яблоневоы сады до того, как наступит ночь.

— Не хочется становиться пищей? — Было непонятно, издевается некромант или ему действительно интересно.

— Разумеется, — с достоинством произнес господин Бальза. — Я — высшее существо и не позволю каким-то мертвым объедкам из череды бывших предков, соратников и друзей, которым не хватило ума выжить, приближаться к моей шее. Что ты делаешь?

— Не ты один умеешь создавать ловушки.

По земле растянулась ярко горящая зеленая паутина. Через несколько секунд она начала медленно остывать и сливаться с туманом, оставив после себя легкий запах аниса.

Спутники покинули старый некрополь, миновали небольшую зловещую рощу и оказались среди деревьев — низких, прижатых к земле нависающей над ними четвертинкой луны. Они сияли неприятной белизной гладких стволов, увенчанных колючими ветвями и серой, пораженной какой-то болезнью листвой. Крупные яблоки оказались черными, непомерно раздутыми, словно их в одночасье поразила гангрена.

Грэг провел рукой рядом с плодом, затем вытер ладонь о камзол и покачал головой:

— Я уже верю, что сказка о Белоснежке была правдой.

Миклош не стал говорить, что ни о каких Белоснежках отродясь не слышал, впрочем, если речь шла о какой-то дуре, сожравшей черное яблоко и оказавшейся в могиле, то небылица правдива. Яда в таком плоде хватит, чтобы убить всю популяцию китов на Земле.

За спиной, из-за деревьев, которые они совсем недавно миновали, раздался вой, в небо ударили сизые лучи — сработали капканы.

— На какое-то время можно не думать о них, — ухмыльнулся господин Бальза, потирая руки.

Они шагали по мертвой, редкой, казавшейся сотканной из мелких частиц праха траве. Яблоневый сад изменился, стал гуще, заброшеннее и страшнее.

— Теперь я понимаю, почему этих существ называли Садовниками. — У Грэга был вид человека, попавшего в интересный музей.

Все деревья вокруг были увешаны останками кровных братьев. Разложившиеся, истлевшие, с оскаленными ртами, блестящими клыками и высох-

шими лицами, они смотрели мертвыми глазами на тех, кто проходил мимо них, — на живых.

Многих наполовину поглотили древесные стволы, земля, колючий кустарник или дикая лоза. Сквозь тела давно проросли ветки, торчащие между ребрами, словно копыя.

Во всем этом проглядывала какая-то система — мертвецы были развешаны не хаотично, но Миклош не стал утруждать себя размышлениями над ненужными подробностями. Лишь однажды он остановился и подошел к трупу, облаченному в истлевший жилет и брюки начала двадцатого века. Задумчиво взял покойника за рыжую бороду, потянул так, чтобы увидеть высохшее лицо с провалившимся носом и глазами.

— Какая встреча! Спурий! Так вот почему тебя не было вместе с Храньей в Столице! А я все гадал...

— Зачем вы сюда приходите? — Грэг между делом указал господину Бальзе на тонкую полоску света, оставшуюся от луны, и тот стал создавать клетку, одновременно отвечая:

— Власть. Источник силы. Старине Спурию он всегда не давал покоя. Надо думать, подлиза моей сестрицы решил, что с его помощью они одолеют меня гораздо проще. Но, как видишь, идиот нашел свое место среди елочных игрушек Садовников.

Они вошли в клетку. В синей «ночи» десятки тварей рыскали в зарослях, издавая звуки, похожие на рыдания.

— А ты, Миклош, пытался взять эту силу? — Грэг с отстраненным интересом наблюдал, как один из Садовников поправляет потревоженное господином Бальзой тело Спурия.

— Я? Нет. Конечно, соблазн большой, но он не стоит жизни. — Нахтотер поджал ноги. — До источника идти больше суток. Последний, кто там побывал, — учитель моего учителя. Но, как говорил Луций, после этого он не слишком дружил с головой, и не прошло года, как выбежал на солнце. Или это его Десять Гласов выпихнули? Уже не помню.

Валлиец усмехнулся, но ничего не сказал.

Когда луна появилась вновь, двое Садовников так и не убрались восвояси — пришлось избавляться от их присутствия, развалив несколько деревьев и обрушив на землю град останков.

Тропа расширилась, яблони сменили терновые деревья.

— Старина! Старина! Прямым курсом! — В небе нарезал круги всеми забытый Пако.

— Недалеко осталось! — оживился Грэг.

— С чего ты взял? — Миклош хмуро смотрел на попугая, опасаясь, что тот на него нагадит.

— Чувствую нашу магию. Там сражение! Идем быстрее!

Он побежал, и в его руках появился зеленый молот. Нахтотер выругался, бросаясь следом и уже заметив, как над деревьями поднимается зеленое зарево.

Им потребовалось не так мало времени, чтобы оказаться на огромном пелище, раньше бывшем лесом. Многочисленные обугленные пни все еще продолжали дымиться, а в самом центре полыхала зеленая стена пламени, ограждающего мастера Смерти от беснующихся Садовников.

— Ну что же. Не «Клетка», но вполне действительно и оригинально. Она их хотя бы сдерживает, — оценил Миклош, собирая в кулак все свои силы.

— Их здесь сотни! — Глаза Грэга вспыхнули изумрудным огнем.

— Что поделаться. — Господин Бальза наблюдал, как бьющие из-за стены молнии уничтожают тварей лишь для того, чтобы те вновь набегали из леса. — Как я уже говорил, кровных братьев моего клана погибло много. Они чувствуют ученика Вольфгера, и даже луна их не пугает. Кажется, сегодня здесь собрались все. Вот почему мы прошли так просто. Прикрывай меня.

Нахтотер двинулся вперед, держа левую руку на рукояти так и не использованного Жала. Их заметили, и где-то половина тварей, перепрыгивая через обугленные пни, бросилась к ним — сплошной вал оскаленных пастей и шипастых тел. Миклош взвился в воздух, приземлился на колени и со всей силой ударил правой рукой по земле.

Раздался оглушительный колокольный звон, и из мрака выскочили пузатые четвероногие тени — гиены. Их было восемь, и, хотя они оказались гораздо меньше той, что рыцарь ночи призывал в свой особняк во время лечения Йохана, в данном случае это ничего не значило. Звери клином влетели в ряды атакующих, отрывая тем конечности и головы, пожирая все, до чего могли дотянуться. Началась свалка, но несколько десятков врагов прорвались к кровным братьям.

— Разберись с ними! — Нахтотер, занятый сражением, перестал обращать внимание на то, что делает Грэг.

Он лишь отмечал вспышки зелени, слышал замогильные вопли, видел, как валяются приближающиеся. Бальза понимал, что главное сейчас — справиться с теми, кто все еще окружает Кристофа. Он давно не занимался массовыми убийствами и теперь с радостью использовал арсенал имеющихся заклятий, бьющих по большим площадям. Нахтотер сек шипастых тварей огромными ножами, давил невидимыми ногами, разрывал на части, заставлял тела взрываться и лопаться, насылал полчища саранчи, хлестал их огнем, гленом и солью, поливал кровавым дождем и осыпал градинами разложения, от которых дымилась земля.

Обрушивая каждое из заклинаний, Миклош представлял, что убивает Хранью, и это добавляло ему сил. Когда в рядах противников появилась широкая просека, он двинулся вперед, прокладывая себе коридор через оставшихся. По бокам их с Грэгом защищали свирепые гиены.

Некромант больше не был ироничен и расслаблен. Мрачный, собранный, безжалостный почитатель Смерти уничтожал всех на своем пути, и с каждым шагом стена зеленого пламени становилась ближе.

Несколько Садовников попытались напасть на них со спины, и господин Бальза, уже связанный одним заклинанием, не стал терять время на второе, а выхватил Жало и отмахнулся им, разрубив тварей точно так же, как когда-то сторонников Храньи.

Страшный вой пронесся над Садами Боли, и над землей, расправив крылья, скользнула огромная черная тень. Тёмный Охотник корсары, не обращая внимания на кровных братьев, вступил в сражение.

Зеленое пламя было холодным, и, как только Миклош с Грэгом оказались рядом, оно расступилось, пропуская их.

Над черной землей все еще летали хлопья пепла. Поляна была завалена головешками, по которым пробегали зеленые искры гаснущей кадаверцианской магии. Кристоф, порядком измотанный сражением, сидел на поваленном древесном стволе. Его ногу охватывала шипастая лоза, не дававшая колдуну возможности встать.

Бальза на ходу развеял ее в труху.

— Ты неплохо продержался здесь один, — кивнул он мастеру Смерти.

— Не ожидал увидеть тебя, Миклош, — отозвался колдун и с помощью Грэга поднялся на ноги.

— Ты все так же высокомерен, — обиделся господин Бальза. — А где «как я рад, что ты пришел» и «доброй ночи, нахтоттер»? Впрочем, не утруждай себя. Я уже успел понять, что в глубине души ты счастлив меня видеть.

— Вот как? — Колдун приподнял бровь.

— Ну, конечно, — усмехнулся Миклош. — Иначе бы я никогда не покинул трон, который мне подарила сестренка. Впрочем, поговорить об этом мы можем, когда вернемся. Сейчас следует добраться до преддверия. Ты способен идти или нужно время для того, чтобы залечить раны?

На плечо Грэга спикировал Пако и заорал:

— Пора мотать, р-ребята!

— Твой попугай гений, валлиец, — рассмеялся Миклош. — Он думает точно так же, как и я. Нам надо срочно убираться отсюда.

Глава 4 РАСПЛАТА

Не «Прости нам грехи наши», а «Покарай нас за беззакония наши» — вот такой должна быть молитва человека справедливейшему богу¹.

24 апреля

Путешествие в пространство тхорнисхов было коротким и довольно увлекательным. Возвращаясь обратно в реальность из этого весьма любопытного места, Атум почувствовал, что к нему возвращается хорошее настроение.

Хотя основную проблему его маленькая месть по-прежнему не решала, он прибыл в подземелья Амира в самом благодушном расположении духа, которое, однако, едва не оказалось испорчено кислыми минами асиман, при виде его нервно напрягшихся.

Но позже, сидя в удобном кресле в кабинете Амира, Атум не без удовольствия вспоминал многообещающие поцелуи Храньи, искренне обрадованной его возвращением и возмездием, настигшим Кристофа. В камине горел огонь, явно не подчиняющийся законам мироздания, — языки пламени, словно живые, ползали по дровам и обвивались вокруг каминной решетки. Красные драпировки на стенах колыхались, словно между тканью и стеной дул непрерывный поток воздуха.

Асиман работал, полностью погруженный в свои расчеты, почти не обращая внимания на гостя. За последнее время магистр заметно изменился: сильнее ввалились щеки, лицо приобрело нездоровый желтоватый оттенок, нос заострился, а глаза загорелись болезненным маниакальным блеском.

«Похоже, мое присутствие действует на огненный клан разрушительным образом», — подумал Основатель, занятый созданием сложного вещественного заклинания. Бледные прутья «Сети Аида» изгибались, шипя под его пальцами, и поблескивали белым светом.

В подземельях асиман больше не было слышно ни смеха, ни громких разговоров, прекратились все обычные развлечения пироманов. Маги с головой погрузились в работу, она позволяла им не думать о завтрашнем дне.

¹ Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Столкнувшись сегодня на нижнем уровне с одним из молодых адептов, Основатель с удивлением заметил, как тот в ужасе шарахнулся в сторону. Двое других, беседующих шепотом у дверей лаборатории, замолчали и застыли, ожидая, пока он пройдет мимо. И лишь когда «гость» удалился на несколько шагов, вздохнули с облегчением. Не нужно быть телепатом, чтобы понять — его панически боятся.

— Ты, кажется, говорил, Амир, будто не сообщал никому о том, кто я такой, — с неудовольствием заметил Основатель, наблюдая очередной приступ паники, начавшийся у молодого асимана, внезапно увидевшего «Дарэла» за своим плечом.

— Я ничего не говорил, — безучастно отозвался Амир, глядя, как ученик торопливо сметает в мусорное ведро осколки разбитой колбы. — Но они видят, насколько стало опасно спускаться на нижний уровень. И понимают, что происходит.

— Я же перестал убивать их, — с раздражением произнес Основатель.

— Но никто не знает, когда начнешь делать это снова.

Уничтожать асиман Атум действительно перестал, и у него не было желания вновь заняться «улучшением клана». Во всяком случае, в ближайшее время...

Основатель отвлекся от создания «Сети», снова взглянул на Амира, мысли которого оказались заняты сложнейшими формулами, и усмехнулся:

— Знаешь, у тебя с Дарэлом есть одна общая черта. Вы оба любите солнце.

— Мне нет дела до ничтожных, мелких пристрастий даханавара, — резко отозвался магистр, поднимая взгляд от своих записей. — Это всего лишь жалкие, сентиментальные слабости.

— Поражаюсь силе твоей воли, — продолжил Основатель, не обращая внимания на его неудовольствие подобным сравнением. — Ты заставил весь клан работать ради своего желания продолжать служение солнечному светилу. Это вызывает уважение.

Асиман промолчал.

— Кстати, я не видел Якоба. Где он?

— Я сам давно его не видел.

Магистр посмотрел прямо в глаза Атума, и тот прочитал в его мыслях нелепое предположение о причастности гостя к исчезновению ученика.

— Что за несуразные догадки, — рассмеялся Основатель. — Я его не трогал. Если твой помощник сбежал, могу лишь принести свои соболезнования. Видимо, он был не настолько предан тебе, как хотел показать. Но не волнуйся, я его найду, едва только у меня появится свободное время... Кстати, — заметил он как бы между прочим, — хочу задать тебе пару вопросов.

Амир слегка напрягся, глядя на Основателя, снова склонившегося над «Сетью».

— Я слушаю.

— Вы нашли убежище ревенанта?

— Да, — ответил магистр, чуть помедлив. — Мои ученики выполнили ваше поручение. Но дом оказался пустым. Они уехали. И мы потеряли их след.

— Но не продолжили поиски?

— Нет, — ответил асиман неохотно.

Атум кивнул, не отрываясь от сложной работы. Он предвидел подобный ответ.

— Почему, позволь узнать?

— Вы исчезли. Мы не могли связаться с вами и подтвердить приказ. И мы подумали, что...

— И вы подумали, что мое недолгое отсутствие освобождает вас от выполнения моих поручений, — мягко произнес Основатель, загибая последнюю спираль. — Значит, девочка до сих пор жива. Это плохо.

— Я немедленно прикажу ученикам возобновить поиск, — откликнулся Амир, но все же не сдержался и позволил себе небольшое замечание: — Хотя я не понимаю, чем может мешать вам неопытная, не слишком умная девочка.

— Она скоро вырастет и поумнеет, — задумчиво ответил тот, любуясь радужными переливами магического артефакта. — А я не люблю ревенантов. В их способности подавлять магию есть нечто оскорбительное, не находишь?

Амир промолчал, справедливо полагая, что Основатель не собирается говорить ему правду.

Почувствовав приближение Храньи, Атум поднялся из кресла и вышел, не обращая внимания на глухое недовольство магистра. Нахттотерин, в отличие от главы асиман, выглядела вполне довольной жизнью. Ее новое красное платье добавляло красок бледному лицу и приятно вписывалось в алые покои пиранов.

— Ты закончил? — спросила она, взглянув на только что сплетенную «Сеть» в руках сообщника.

Атум кивнул в ответ. Он не собирался беседовать с ней в коридоре, поэтому жестом велел следовать за собой.

Глянув на ее светящееся преданностью лицо, Основатель снова невольно вспомнил лояльность, которую был готов проявить Кристоф. Кадаверциан казался также искренен, и к чему это привело... Атум помрачнел на мгновение.

Впрочем, в отличие от некрманта маленькая нахттотерин целиком и полностью зависит от него.

Более того, ее приводила в полный восторг возможность действовать рядом с Основателем. Хранью захватывали открывающиеся перспективы. Она была восхищена, что наконец-то обрела столь мощного покровителя, способного защитить ее и оставшихся в живых сторонников от Миклоша. Нашедшего ей достойное пристанище в подземельях асиман. Впереди ей мерещились невероятные победы, свобода и власть.

Сейчас нахттотерин внимательно смотрела на шагающего рядом Атума, готовая оказать любую возможную помощь.

Приведя Хранью в круглую комнату, где любил проводить свободное время Амир, он убедился, что их не услышит никто, кроме пламени, шелестящего в круглом бассейне на полу, и лишь тогда сказал:

— Мне нужно поговорить кое с кем из кадаверциан. Точнее, с Кэтрин.

Светлые глаза Храньи изумленно расширились.

— Но она не обладает магическим потенциалом мастеров Смерти и, кроме того, сумасшедшая.

— Меня тоже считают безумным, — улыбнулся Атум. — И меня не интересует ее магический потенциал. Не волнуйся, мы найдем общий язык.

— Я бы с радостью представила вас друг другу, — осторожно начала нахттотерин, мучительно размышляя, — но сейчас кадаверциан, кроме Кристофа, конечно, — она улыбнулась мельком, — сидят у себя в особняке и не контактируют с внешним миром. Вряд ли Кэтрин захочет со мной общаться.

— Не волнуйся, — довольно улыбнулся Основатель. — Я знаю, как выкурить их из гнезда.

ТЁМНЫЙ ОХОТНИК¹

Маска, которую люди носят в обществе, всегда интереснее, чем лицо, скрывающееся за ней².

Столица, 1984 год...

Вивиан сидел в библиотеке, изучая книгу, которую дал Кристоф.

Продираться сквозь дебри монотонных фраз удавалось с большим трудом, и он был счастлив, что учил латынь в университете — все простейшие заклинания оказались написаны на этом «мертвом» языке. Ученик уже покрывался испариной от умственных усилий, когда вдруг услышал быстрые легкие шаги и певучий голос, произнесший:

— Кристоф у себя?..

Кадаверциан поднял голову и обомлел.

Такой красивой женщины ему не приходилось видеть никогда в жизни...

Глаза у нее были топазовые, ярко-голубые. Серебряное платье вызывающе обнажало великолепную фигуру, мягкое сияние скользило по плечам и озаряло лицо, чуть удлиненное, бело-розовое, с нежной линией высоких скул.

Вивиан понимал, что усталился на гостью возмутительно невежливо, но не мог отвести взгляда. И не мог понять, из какого она клана, только чувствовал бурлящую, искрящуюся энергию, которая скользила по губам женщины, сверкала в ее глазах, делая их то темными, то совсем прозрачными...

«Красива, как фэриартос — но те играют в богему, а она...»

Посетительница излучала такую яркую, ослепительную страстность, что ее появление действовало, как удар в солнечное сплетение, как электрический разряд над головой.

— Кристоф у себя? — повторила она, не обращая внимания на состояние Вивиана.

Тот не успел ответить, мастер Смерти уже входил в комнату.

— Добрый вечер, Флора. — Он поцеловал протянутую для приветствия руку. — Я не ждал тебя сегодня.

Вивиан, наконец, очнулся и вскочил, чтобы оставить их наедине, но учитель взял гостью под локоть:

— Пройдем в кабинет.

Когда за ними закрылась дверь, молодой кадаверциан опустил в кресло и тупо уставился в книгу.

Теперь он не мог прочитать ни строчки, так жгло любопытство. Кто эта женщина? Откуда? О чем они будут говорить?!..

Вивиан знал, что если встать сбоку от двери, то разговоры в кабинете становятся слышны совершенно отчетливо...

Это было продолжение какого-то давнего спора:

---

¹ Хронологически повесть «Тёмный Охотник» — флэшбэк к книге 2 «Колдун из клана Смерти». — *Примеч. авторов.*

² Оскар Уайльд. Упадок лжи.

— ...нет. Я сказал — нет! — донесся резкий голос Кристофа.

— Но почему, Крис?! Объясни мне, почему?! — Бархатное контрольтю Флоры потеряло певучую мягкость и теперь звучало властно и не менее резко.

— Сколько тебе лет, Флора?

— Я не буду отвечать на этот дурацкий вопрос, которым ты пытаешься уйти от ответа. Мы сильны, Кристоф, очень сильны сейчас. Мы, пожалуй, самый многочисленный и могущественный клан, поэтому фэриартос и вьесчи лебезят перед нами.

— У вас очень много молодежи. Неопытной и необученной.

— Ну и что?!

— Она — ваш балласт. Вы не сможете рассчитывать на молодняк, если начнется реальная война. У них нет ни знаний, ни опыта.

— Они будут делать то, что им скажут Старейшины.

— Да, ваши мудрые жрицы...

— Сколько иронии...! Крис, ты — самый сильный из кадаверциан?

— Хочешь проверить? — В его голосе послышался смех. Вивиану представилось, что сейчас учитель сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и с усмешкой смотрит на Флору, нервно расхаживающую по кабинету.

— Я хочу знать точно.

— Тогда разочарую тебя. Не самый. Первый — Вольфгер...

— О нем давным-давно ничего не слышно, — перебила она. — Фактически, ты — глава клана.

— Нет. Я не принимал Присягу. И никогда не приму.

— Это пустая формальность! Главное, что у тебя есть реальная власть и сила.

— Флора, чего ты хочешь от меня? Что тебе нужно?

Похоже, женщина остановилась напротив его кресла, и голос ее зазвучал взволнованно.

— Мне...? Мне нужно все! Мне не нравится то, что творится сейчас в моем клане. Фелиция, конечно, очень мудра, но она начинает делать ошибки.

— Девочка моя, а не мечтаешь ли ты занять ее место?..

— А если и так?

— И что бы ты изменила, если бы это могло произойти?

— Во-первых... я сделала бы так, чтобы один упрямый, невыносимый кадаверциан стал моим союзником и...

— ...телохранителем? — подсказал Кристоф.

— Почему нет? Когда-то ведь было модно держать в качестве телохранителей леарджини, — рассмеялась она. — Еще он был бы...

— ...советником?

— Да, может быть. И...

— ...любовником?

— Сударь, вы забываетесь! Моей благосклонности добивались короли!

— Да, — легко согласился мастер Смерти. — Я не король.

— Но ты могущественнее любого из них. Поэтому я сейчас здесь, с тобой...

Тембр ее голоса изменился, и у Вивиана мороз побежал по коже от звучащей в нем чувственности. Эта женщина, действительно, могла повелевать королями. Интересно, что чувствует сейчас учитель? Там, наедине с ней.

— Флора, послушай меня, — произнес кадаверциан на удивление спокойно и холодно. — Мне наплевать, кто будет главой клана Даханавар. Меня это не касается! Но я знаю одно. Даже не думай тягаться с Фелицией. Она тебя испепелит.

— Крис, она стара и уже устала.

— Она очень сильна. А ее «усталость» — хорошая приманка для таких дурочек, как ты.

— Считаешь меня дурой?!

— Ты умная женщина, Флора, но еще очень молода. У тебя нет ее опыта, ее знаний.

— Поэтому я прошу помощи у тебя, кадаверциан! Помогите мне, Кристоф!! Я в долгу не останусь...

— Ты опоздала со своим предложением на несколько сотен лет. Раньше я, быть может, подумал бы об этом, но теперь мне не нужно ничего.

— Притворяешься, или тебе, действительно, ничего не нужно? Со всем?!!

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Я чувствую, что появилось много желающих нарушить шаткое равновесие, которое установилось, наконец, в мире. И я не желаю стать тем первым камнем, который увлечет за собой лавину. Ты не застала прошлую войну, но, поверь мне, это было страшно. Даже для нас — клана Смерти... Наверное, потому мы и устали от жизни, что пережили слишком много смертей. Так много, что в них можно было захлебнуться.

— Ты странный, Крис, — произнесла Флора задумчиво. — Ты не доверишь мне.

— Я не доверяю никому.

— Даже этому мальчику в библиотеке?

Вивиан вздрогнул и напрягся, поняв, что речь о нем.

— Никому, кроме кадаверциан. Будь я даханавар — не доверял бы ни одному из своих братьев.

— Почему?

— Я уже говорил, почему. Вы разделены. Элита из мудрых прекрасных жриц и рядовые невежественные послушники.

— Они будут защищать нас, что бы ни случилось, — высокомерно заявила Флора.

— О, да, — равнодушно отозвался Кристоф. — Они вас — будут. А вы их?.. Я сомневаюсь, что великолепная, умная Флора отдаст жизнь за молодого и обладающего выдающимися способностями Дарэла. А вот «мальчик в библиотеке» может в любой ситуации рассчитывать на мою помощь и защиту.

— Какую чушь ты несешь. — Медленно, холодно возразила она. — Неужели ты не понимаешь, насколько дороже всеми ценится моя жизнь, мои способности, моя сила, чем жизнь любого рядового члена клана?!

— Вот поэтому ты — даханавар, а я — кадаверциан.

— Да! Благородный кадаверциан! — ее голос насмешливо дрогнул. — Почему же вас осталось так мало?! Почему вы сидите, как крысы в норе?! Кристоф, неужели ты не понимаешь, что вы уже никуда не годитесь?! Вы просто выдохлись, вас раздавят, и все ваши бесценные знания исчезнут вместе с вами!

Колдун рассмеялся весело и беззаботно:

— Так вот в чем дело. Ты печешься о наших знаниях. Даханавар мечтают сохранить древнюю мудрость кадаверциан? Похвально! А я-то думал, что ты собираешься совершить маленькую подлость — выведать наши секреты, чтобы получить побольше власти. Извини, я ошибся.

— Какой же ты мерзавец, Крис, — прошипела Флора сквозь зубы. — Что за манера — извращать любое совершенно искреннее желание. Ты просто помешанный некромант!

Он снова засмеялся:

— Мне нравится, когда ты называешь вещи своими именами.

— А еще тебе нравится злить меня, — сказала Флора, неожиданно успокаиваясь. — Я знаю. Ты делаешь это специально. Это одна из твоих уловок, как и дурацкие вопросы и не менее дурацкие рассуждения. Какой бы ни была система нашего управления, мы существуем уже много веков, и сила наша постоянно растёт. А вы скоро отправитесь вслед за леарджини.

— Что же, мысль о том, что ты заплачешь, узнав о смерти одного старого, упрямого, помешанного кадаверциана, будет утешать его, когда он станет гореть на солнце.

— Я разучилась плакать, Кристоф, — промолвила Флора тихо. — Иногда очень хочется, но... Слезы — это слабость, а во мне осталась одна злость.

— Тогда я утешу тебя. Быть может, ты умрешь раньше меня.

— Ну уж нет! — со смехом воскликнула даханавар. — Я не умру никогда! Я буду жить вечно!

— Обещаешь? — спросил мастер Смерти серьезно.

— Обещаю, — ответила она весело.

— Тогда посмотри, там, на столе... Думаю, тебе понравится.

Шорох платья, негромкий стук и удивленно-восхищенный возглас.

— О, Крис! Какая прелесть!

— Девятый век, бронза.

— Да, знаю! Продай мне ее!

— Продать не могу.

— Тогда подари.

— Взамен на обещание не связываться с Фелицией.

— Ладно, я подумую... А что это внутри? Боже, Кристофер, это же... это «Жертвенный Огонь»?!

— Да.

— Заклинание асман! Высшая магия! Ты даришь его мне?!

— Да.

— Где ты его достал?! Как тебе удалось?!!

— У меня свои пути... и методы.

— Ты прелесть! Спасибо... Но я была бы счастлива, если бы ты дал мне заклинание «Тёмного Охотника».

— Нет! — резкое и глухое.

— Но почему? Почему?!

— Потому что это не комнатная собачка. Его нельзя водить на веревочке. И я не могу позволить тебе ходить с Охотником в кармане. Ты просто из любопытства скормишь ему половину своего клана.

— Во-первых, я не сумасшедшая, — с достоинством произнесла Флора, — чтобы проводить подобные эксперименты. А во-вторых, — голос ее снова опасно «поплыл», — на этом платье нет карманов. Посмотри.

— Флора...

— Я хочу, чтобы ты посмотрел...

— Флора, прекрати!

— Ты дашь мне Охотника?

— Нет!

— Нет? А теперь?

— Нет, — голос Кристофа сел, и говорил он с явным трудом.

— А теперь?

— Н-нет...

— Ну же, решайся. Теперь тоже нет?

— Нет! — голос учителя окреп, стал жестким и решительным. — Я ска- зал *нет!*

Секундная пауза и громкий вскрик:

— Упрямый мужлан!

Вивиан отскочил от двери и метнулся к креслу очень вовремя. Разъяренная Флора вылетела из кабинета и выбежала из комнаты. Спустя минуту, вышел Кристоф. У него был вид человека, выдержавшего тяжелую осаду, но сожалеющего, что не сдался на милость врага. Прислонившись к дверному косяку, он смотрел Леди вслед.

— Эта женщина вьет из меня веревки...

Вивиан изо всех сил делал вид, что читает.

— ...И рано или поздно она добьется того, чего хочет.

— Она очень красива, — ученик покосился на него.

Кристоф усмехнулся.

— Да. А, кроме того умна, эгоистична... и очень ранима. Она считает, что может все. Слеплена своей силой, но так незащищена. Флора хочет власти, денег, развлечений... И чем больше получает, тем больше ей нужно.

Он вздохнул и провел ладонью по лбу, словно пытаясь стереть тяжелые мысли.

— Она пытается манипулировать мной. Я прекрасно это вижу, но, тем не менее, ей это удастся.

— А почему ты не дал ей то заклинание?

Кристоф иронично приподнял бровь, поняв, что ученик подслушал разговор. Но ничего об этом не сказал.

— Эти знания должны быть доступны только кадаверциан. Лишь мы умеем в совершенстве управлять существами потустороннего мира... И все-таки я научил бы Флору, пусть она и сожгла бы дотла весь город и всех своих братьев в придачу. Но эта магия уничтожит ее саму.

«Он любит ее! — понял Вивиан, но у него хватило ума не произнести этого вслух. — Любит, и боится потерять». Молодой кадаверциан вдруг по-новому увидел своего наставника. Мудрый, спокойный, уверенный Кристоф ходил по кабинету, бесцельно передвигая статуэтки на полках. И не нужно быть телепатом, чтобы понять, о ком он думает.

Ученик снова уткнулся в трактат невидящим взглядом, а Кристоф, побродив еще немного по библиотеке, удалился.

Следующие полчаса прошли спокойно, но Вивиану так и не удалось постичь суть мудрых изречений — в дверь позвонили, и спустя несколько секунд вошел новый посетитель.

Высокий, светловолосый, с открытым мужественным лицом и той же брызжущей через край энергией, что отличала Флору. Казалось, ему не больше двадцати пяти, но Вивиан уже научился не доверять внешнему облику.

— Привет, — гость улыбнулся. — Я Дарэл Даханавар.

— Вивиан.

— Где Крис?

Про себя ученик удивился популярности учителя в клане Леди.

— Его нет дома, он...

— Ничего подобного, я его чувствую. Где-то... где-то — там!

Дарэл указал на коридор, ведущий в западное крыло дома, и Вивиан понял, что перед ним великолепный сенсор. Пришлось признаваться.

— Да. Кристоф дома, но просил его не беспокоить. Он очень занят.

— Ко мне это не относится, — парень легкомысленно улыбнулся и уверенно направился к комнатам мастера Смерти.

МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ

Вампиры — пожалуй, самые известные фантастические существа. Сравниться с ними по «узнаваемости бренда» могут разве что оборотни, а всевозможные зомби, эльфы и маленькие зеленые человечки в разы, если не на порядки уступают в популярности ночным кровососам. Словом, вампиров знают все.

Но вампиры бывают разные.

Легенды об оживших мертвецах, питающихся человеческой кровью, рассказы — во всех уголках земного шара. Среди фольклорных вампиров встречаются и весьма экзотические на современный взгляд: например, арабские кровососы охотятся днем, а ночью спят. Не углубляясь в сравнительную антропологию, отметим, что авторы тетралогии «Киндрэт» не поленились перекопать этот огромный мифологический пласт. И мормолика, и дир-дале, и понтианак, и большинство других «вампирских» терминов, которыми щедро пересыпаны страницы книги, — все это подлинные названия кровососущей нежити из легенд народов мира.

Долгое время истории о вампирах оставались сказками для простонародья. Дорогу в большую литературу им открыли немецкие и английские поэты-романтики конца 18-го века. Первым прозаическим произведением о кровососах считается «Вампир» (1819) британца Джона Полидори, несколько лет служившего личным врачом лорда Байрона. Прототипом лорда Рутвена, главного героя «Вампира», стал Байрон; ему же поначалу приписывалось авторство повести. Работа Полидори примечательна тем, что в ней впервые появляется тот образ вампира, который сегодня принято считать классическим. Если фольклорные упыри были не более чем отвратительными ходячими трупами, то лорд Рутвен — утонченный английский аристократ, умный, привлекательный и порочный. С прачурами из крестьянских легенд его связывают только возвращение с того света да привычка к человеческой крови. Подобные трансформации вообще были характерны для эпохи романтизма: обращаясь к народным преданиям и историческим сюжетам, писатели и художники переделывали их в соответствии с собственными эстетическими стандартами. Так в массовой культуре появились идеализированное Средневековье, пиратская романтика и вампиры-аристократы.

Образ классического вампира был зафиксирован Брэмом Стокером в культовом романе «Дракула» (1897). Это сильное, хитрое и почти неуязвимое существо со сверхъестественными способностями, умеющее превращаться в животных и туман, управлять погодой и мертвецами. Дракула нормально переносит солнечный свет (хотя именно днем его способности ослабевают настолько, что он может быть убит), зато не отражается в зеркале, спит в гробу, боится чеснока и распятия. Несмотря на почтенный возраст, граф испытывает живой интерес к противоположному полу, ему даже прислуживает свита женщин-вампиров («невесты Дракулы»). Благородная внешность и аристократические манеры дают вампиру пропуск в высшее общество Лондона, однако по сути своей Дракула остается безжалостным чудовищем, глубоко враждебным человеку, демоническим соблазнителем и даже, по мнению некоторых исследователей, метафорой туберкулеза и сифилиса.

Итак, классический вампир внешне неотличим от человека, он может быть приятным собеседником и желанным сексуальным партнером, но при этом остается воплощенным злом, которое не заслуживает ничего, кроме полного уничтоже-

ния. Его одиночество (которое также восходит к романтической традиции) только подчеркивает враждебность кровососа, делая его разновидностью Темного властелина. Широко известный вампирский облик: клыки, безумные глаза, черный плащ с высоким воротником — появился в театральных постановках «Дракулы», а затем был растиражирован киноэкранизациями с Белой Лугоши и Кристофером Ли.

Уже в середине 20-го века фантасты пытаются посмотреть на вампиров по-новому. Один из таких экспериментов — роман Ричарда Мэтисона «Я — легенда» (1954). История про кровососов превращается здесь в зомби-апокалипсис: вирус вампиризма поразил все население Земли, и последний выживший человек ищет лекарство от эпидемии. Интересно, что у пришедших на смену человечеству вампиров появляются некие зачатки общественного устройства. В 1967 году в американском телесериале «Мрачные тени» появляется вампир Барнабас Коллинз. Он наделен внешними чертами Дракулы, однако гораздо человечнее классического вампира: участвует в жизни потомков, тяготится своим проклятием, искренне влюбляется и в конце концов (по нереализованным планам сценаристов) превращается обратно в человека. Коллинз — уже не чудовище, а трагический герой, вынужденный бороться со своей темной стороной.

В 1976 году напечатано «Интервью с вампиром» Энн Райс — книга, этапная для развития литературного образа вампира. В «Интервью» и его многочисленных продолжениях действуют не один, как прежде, а десятки персонажей-вампиров, которые нередко враждуют между собой, по-разному относятся к людям и к своему Темному дару. Вампиры Райс не одиночки, они живут в своеобразном обществе, со своей иерархией и правилами. И далеко не все из них кровожадные монстры: многие тяготеют своим бессмертием, вампирской жаждой, отчужденностью от прежней жизни.

Фактически у Райс появляется современный образ вампира, который актуален по сей день. Это уже не враг рода человеческого, не Темный властелин, а некий альтернативный вид разумных существ, живущий в симбиозе с человечеством. И они — вчерашние люди, во многом сохранившие прежний человеческий характер, привычки, убеждения. Как говорит один из персонажей «Новых богов», «...вампиры — зло. Но они созданы из людей. Со всеми их недостатками и достоинствами».

Современный вампир отличается от классического психологизмом и социальностью — тем, что сближает его с людьми, — сохраняя видообразующие качества вроде бессмертия, кровоядности или боязни солнечного света. Именно этот сложный, противоречивый образ появляется в тетралогии Алексея Пехова, Елены Бычковой и Натальи Турчиновой.

Первое, чем обращают на себя внимание киндрэт, — это их близость к людям. Вампиры в мире ночной Столицы не просто живут в одном пространстве со смертными, используя тех как источник питания, а активно участвуют в жизни человечества — разумеется, оставаясь в тени. У многих киндрэт есть персональные доноры, причем знающие о вампирской природе «хозяев». Даханавар плотно контролируют политику, фэриартос — искусство, вьесчи — экономику. Другие кланы в меньшей степени, но все же участвуют в делах людей: кадаверциан выкупают кладбища, тхорнисхи обеспечивают силовое прикрытие спецопераций вьесчи, даже нелюдимые вриколакос отрядили одного из братьев охранять биологическую лабораторию. Исторические вставки показывают, что вампиры и в прошлом тайно — или даже явно — управляют человечеством. Масштаб этой власти таков, что цикл о киндрэт может считаться образчиком конспирологической фантастики (в которой допускается существование тайного мирового правительства или иных теорий заговора): неспроста асиман когда-то были тамплиерами.

Тесное общение с людьми накладывает отпечаток и на сверхъестественные способности кровных братьев. Они отражаются в зеркалах, отбрасывают тень, не боятся проточной воды и могут входить в дом без приглашения. Чеснок, священные символы и осиновые колья на киндрэт тоже не действуют. Они могут питать-

ся консервированной и животной кровью, а их укусы вовсе не обязательно отнимают жизнь у человека. По сравнению с тем же Дракулой киндрэт можно назвать вампирами-вегетарианцами, — хотя, конечно, далеко не все из них ведут вегетарианский образ жизни. Потребность киндрэт в «еде» не показана как нечто противоестественное, она просто добавляет еще один уровень в пищевую пирамиду: «растения — животные — люди — вампиры». «Я не убиваю для еды. В отличие от тебя», — напоминает собеседнику-человеку Кристоф. А когда на сцену выходит тот-кто-питается-вампирами, кровные братья сами оказываются в положении жертв.

Мало того что киндрэт глубоко интегрированы в человеческое общество, у них есть и собственная социальная структура — кланы. Причем разделение вампиров на группы — это не только и не столько способ создать конфликт, необходимый для развития сюжета. (Заметим в скобках, что обычное для «вампирической» фантастики противостояние между кровососами и людьми в тетралогии практически отсутствует.)

В каждом клане киндрэт ярко проявляется та или иная черта классического образа вампира. Нахтцеррет — безжалостные убийцы, вриколакос принимают волчий облик, даханавар манипулируют человеческим разумом, древним лугат подчинялись силы природы, фэриартос сексуальны и аристократичны, асиман владеют волшебством, кадаверциан поднимают мертвецов из могил. И даже у «экономической магии» внесчи есть фольклорный прототип: согласно некоторым поверьям, вампиры одержимы подсчетами. Таким образом, Основатель, обладающий способностями всех кланов, выступает в роли условного «Дракулы» — и его поведение вполне этому соответствует.

Большинство глав тетралогии написано с точки зрения киндрэт, и это дает авторам возможность показать, что происходит в голове у кровных братьев. Не случайно центральным персонажем книги и единственным рассказчиком от первого лица стал телепат Дарэл, способный читать мысли и досконально распознавать эмоции окружающих. Такой выбор позволяет авторам отобразить переживания даже второстепенных действующих лиц. Постепенно проникая во внутренний мир героев, мы убеждаемся, что вампиры устроены ничуть не проще людей. Так же, как и мы, они сотканы из противоречий, у каждого из них есть и сильные стороны, и слабости.

Подбор персонажей позволяет сравнить молодых киндрэт и старейшин кланов (особенно заметен этот контраст в повести «Тёмный Охотник»). Первые — еще во многом люди: они не до конца осознают, что значит быть вампиром; кто-то упивается обретенной силой, кто-то тяжело переживает разрыв с прежней жизнью. Вторые, кажется, потеряли все человеческое: они преследуют собственные цели и ради них нередко готовы пожертвовать не только людьми, но и младшими братьями. Но появление действительно нечеловеческого существа — Основателя — уравнивает и тех, и других. Тысячелетиями живя бок о бок с людьми, создавая из них «птенцов», питаясь их кровью, киндрэт стали практически людьми, и они не готовы расстаться с привычным человеческим миром. Кровные братья поднимаются против собственного прародителя — и побеждают. Именно человеческая сторона киндрэт становится тем козырем, который Основатель не в силах побить.

Способности киндрэт, их история, социальное устройство, психология — все это превосходно проработано в тетралогии, однако не является ее основным содержанием. Киндрэт — это зеркало, в котором отражается наш современный мир, человеческий социум со всеми его непростыми проблемами. Именно поэтому кровные братья настолько приближены к людям — только у них преувеличены те качества человеческого характера, на которых авторы сочли нужным заострить внимание.

Одна из центральных тем тетралогии — проблема власти: ее источников, способа осуществления, связанной с нею ответственности. Уже на начальном уровне понимания несложно заметить, что каждый клан киндрэт представляет собой модель определенного общественного устройства. Даханавар — аристокра-

тическое правление, при котором, по Платону, мудрость соединяется с властью. Тхорнисхи — военная диктатура с элементами национализма. Фэриартос — творческая коммуна, близкая к анархии (номинальный глава клана не имеет власти над самыми сильными его представителями). Кадаверциан — просвещенная монархия, асман — секта, вьесчи — корпоративная олигархия, вриколакос — традиционная община, род. Об исчезнувших кланах известно меньше, однако в книгах упоминается, что во главе Лугата стояли жрецы (теократия), а ларджини были весьма либеральны. (Нософорос и лигаментиа не вписываются в эту схему, поскольку состоят только из своих основателей, а значит, внутри них не может быть общественных отношений.) Авторы не отдают предпочтений ни одному из кланов — и ни одному из государственных устройств, — оставляя выбор читателю. Они просто показывают, что в эпоху перемен одинаково печальная участь ждет и просвещенных Леди, и безжалостных Золотых Ос.

Киндрэт правят не только другими кровными братьями, но и людьми. В осуществлении этой власти есть три основных подхода. Первый — патронаж, наставничество: часть киндрэт осознает не только свое превосходство над людьми, но и зависимость от них. Даханавар, вьесчи, фэриартос стремятся сосуществовать с человечеством на взаимовыгодных условиях — по крайней мере, на словах. «Мы управляем людьми много тысячелетий, — говорит Фелиция. — И у нас есть на это право. Мы старше, мудрее, сильнее, дальновиднее. Человечество движется к катастрофе, и наша цель удержать его. Иначе вместе с ним погибнем и мы». Второй подход исповедуют кадаверциан и вриколакос — это изоляция, невмешательство. Люди и вампиры движутся пусть и близкими, но разными дорогами, и проблемы одних не должны волновать других. Наконец, тхорнисхи и асман относятся к смертным как к животным, предназначенным на убой: «Люди нужны нам для еды. И мы обращаемся с ними как с едой. Свежее употребляем в пищу, протухшее выбрасываем. Нас не волнуют проблемы помоев. И мы не договариваемся с кормом». Разные на практике, все эти три подхода основаны на одном и том же принципе: киндрэт умнее, сильнее и опытнее людей, а значит, вправе решать, что для них лучше.

И тут возникает резонный вопрос: откуда у вампиров такая власть над людьми, кто их ею наделил и как им за нее придется платить?

Источник власти киндрэт известен: это Основатель, который дал кровным братьям силы, поставившие их выше людей. Однако для Атума это было не актом доброй воли, а необходимостью: в противном случае чуждая вселенная попросту уничтожила бы его. Дождавшись удобного момента, Основатель начинает возвращать те силы, которые ему когда-то принадлежали. Он не чувствует обязательств перед кланами и поначалу не ожидает от них сопротивления, ведь сила каждого из них в конечном счете маленькая частица изначальной силы самого Основателя, а целое всегда больше части. Однако Атум заблуждается: уже с самого начала его планы идут наперекосяк. «Я что-то упустил», — думает он. Точнее, пренебрег — той человеческой составляющей, которая изначально стала основой для киндрэт, а со временем превратилась в силу, не уступающую способностям Основателя. Символом этой всепобеждающей человечности в тетралогии выступает Лориан — персонаж, который прошел через горнило самой страшной вампирской магии и остался человеком. «Человеческая сущность оказалась сильнее потустороннего существа, едва не убившего меня да и всех остальных кровных братьев», — говорит Дарэл о своем друге, но мы можем понимать эти слова шире, применительно ко всему человеческому, что остается и в киндрэт.

Сила Основателя — только один источник власти вампиров; другой, не менее важный, — ответственность перед людьми, которую они, пусть и не желая того, на себя возложили. Ведь любая власть сопряжена с обязанностями. Безответственные поступки высших жрецов Лугата, их злоупотребление властью — пусть и не над людьми, а над силами природы, — привели к уничтожению Атлантиды-Антарини и полному истреблению клана. Даже по мнению Ричарда, лучше всего в жизни умеющего убивать вампиров, в существовании киндрэт есть высший

смысл: «Однажды придет время поставить их между людьми и чем-то гораздо более страшным, чем сами кровные братья». Наглядную иллюстрацию этой ответственности мы видим не только в сплочении кланов перед лицом Основателя, но и после победы над ним, когда человеческому миру угрожает апокалипсис. Причем останавливают его кадаверциан — единственный клан, которому конец света не несет не потери, а сплошные выгоды. Потому что даже абсолютная власть над миром не стоит его превращения в пустыню, населенную призраками.

Власть вампиров не случайно реализуется по формуле «хищник — жертва», впервые предложенной маркизом де Садом для вполне человеческого сообщества. По мнению де Сада, все люди делятся на господ и рабов, и каждый стремится к исполнению собственного предназначения. Иными словами, желание жертвы заключается в том, чтобы удовлетворить притязания хищника. Эта модель встречается в тетралогии на разных уровнях. Простейшее понимание — отношения вампира и человека, у которого он пьет кровь. Однако в среде самих киндрэт тоже возникают подобные взаимодействия. Например, между Миклошем и Паулой. Нахтотер — образцовый де-садовский хищник, но можно ли считать типичной жертвой юную фэри? Да, Паула не в состоянии защитить себя от насилия, однако это еще не значит, что она стремится быть жертвой, ее слабость не оправдывает действий Миклоша. Напротив, именно побывав в роли жертвы, Паула обнаруживает свой внутренний стержень, растет над собой и находит способ отомстить обидчику. Вывод прост: на самом деле в мире нет тех, кто предназначен быть жертвой, это выдумка хищников, которой они оправдывают свои преступления.

Подтверждением этого, в противовес системе «хищник — жертва», выступает линия Дарэла и Лориана. Формально первый — вампир, второй — человек, но оба решительно отказываются вести себя так, как требует от них происхождение. Дарэл не пьет кровь Лориана и вообще не делает попыток как-либо использовать его, несмотря на потенциальную ценность подростка для клана даханавар. Лориан, в свою очередь, спокойно воспринимает истинную сущность нового знакомого: не старается убить его или хотя бы разорвать отношения. Дружба вампира и человека настолько спонтанна и бескорыстна, что ей позавидуют многие из читателей. Пожалуй, дружить так мы умели только в детстве. Сохранив детскую чистоту души, наивность, непосредственность, Лориан и Дарэл смогли презреть условности общества, в котором они живут. С другой стороны, эти же качества постоянно ставят их под удар, делая пешками в интригах кланов и Основателя. Впрочем, попытки превратить свободные личности в жертвы — проваливаются.

Размышления об искусстве и его влиянии на жизнь, об авторе и его творчестве также занимают важное место в цикле. Не случайно каждой главе предпослан эпиграф из Оскара Уайльда — писателя и критика, известного не только своими точными и язвительными высказываниями, но и приверженностью к эстетизму, провозгласившему лозунг «искусство ради искусства». Сам Уайльд так и не попал в богатую коллекцию великих творцов, собранную Фэриартос, — но зато выступил прототипом главы этого клана — Александра, который в полной мере разделяет творческое кредо эстетизма. Согласно его убеждениям, «Жизнь подражает Искусству гораздо более, нежели Искусство — Жизни... Великий художник создает тип, а жизнь старается скопировать его». Именно на этом принципе основана уникальная магия клана Искусства. Наиболее одаренные Фэриартос способны даже создавать собственные миры — правда, единственными полноценными жителями таких миров становятся они сами. Придумать и воплотить целый мир — чем не абсолютная форма творчества? Но много ли смысла в таком произведении искусства, если насладиться им может только сам творец? Ведь искусству необходима аудитория, именно она придает независимый смысл творчеству: «С того момента как произведение закончено, оно живет самостоятельной жизнью и высказывает совсем не то, что в него было заложено».

Еще одна немаловажная составляющая цикла о киндрэт — история. Отдельные «флэшбэки» и целые главы, посвященные событиям далекого прошлого, наполняют вселенную цикла объемом и показывают, насколько тесно история людей переплетена с событиями жизни киндрэт. Кроме того, эти вставки необходимы для развития сюжета, для раскрытия тех тайн, которыми полны страницы книги. С тайнами связана и еще одна проблема, которая живя волнует авторов, — система лжи, с помощью которой главы кланов контролируют подчиненных и увеличивают собственное влияние. Яркий тому пример — книга «История киндрэт», созданная по заказу даханавар, — а историю, как известно, пишут победители. Но и без того в мире кровных братьев полным-полно недомолвок, заблуждений и откровенных манипуляций. Постепенно, глава за главой ложь раскрывается, всякий раз показывая читателю новую, доселе скрытую грань мира киндрэт. И это — одна из причин, почему интерес к книге не угасает до последних страниц немаленького томика.

География действия романа широка — это и современная Прага, и средневековая Европа: Лютетия (Париж), Прованс, Кутна Гора; Вена 19-го века, Карпатские горы, Эрин (Ирландия), Египет (современный и Древний), легендарная Атлантида, Древняя Греция, Норвегия, Швеция... И все же основные декорации, в которых разворачиваются события, — так называемая Столица, безмятный современный мегаполис. Большинство упоминающихся в книге городских названий — от Третьяковской галереи до Дмитровского шоссе — взяты с карты Москвы, однако иные реалии: шлюзы в центре города, театр недалеко от реки, монорельс на юго-востоке — показывают, что город киндрэт не эквивалентен российской столице. Сами авторы утверждают, что описанный ими мегаполис взят понемногу от Москвы, Санкт-Петербурга и Праги. Таким образом, Столица представляет собой квинтэссенцию современного города, где и без вампиров полно удивительных личностей вроде экзальтированных театральных режиссеров, белых гетов или бизнесменов, беззаветно обожающих собственных псов. Образ Столицы, близкий сердцу каждого обитателя мегаполиса и вместе с тем полный тайн, — несомненная удача авторов, делающая цикл одной из жемчужин отечественного городского фэнтези.

Тетралогия о киндрэт получила заслуженное признание у читателей, среди профессионалов от фантастики и даже на государственном уровне. Она регулярно переиздается и увидела свет уже в четырех сериях: «Фантастический боевик», «Магия фэнтези», «Вкус вампира» и подарочное издание «В одном томе». На Международном писательском конгрессе «Странник» в Санкт-Петербурге «Кровные братья» получили премию как лучший роман в жанре городского фэнтези 2000 — 2005 годов. После выхода книги за рубежом соавторы были отмечены грамотой министерства культуры «За вклад в развитие международных отношений». Эта и другие совместные работы поощрены также орденом имени С. А. Есенина «За верное служение отечественной литературе», медалями имени Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, А. П. Чехова.

На создание цикла у авторов ушло больше десяти лет: начальные наброски относятся к 1999 году, первый том был издан в 2005-м, финальная часть в виде отдельного романа увидела свет в 2010 году, а последнюю авторскую редакцию всей тетралогии вы только сейчас держите в руках.

«...Еще раз окинув мысленным взглядом пустые залы Северной резиденции, я пошел следом за своими друзьями, чувствуя необъяснимую уверенность, что больше никогда не вернусь сюда». Так и мы, переворачивая последнюю страницу книги, с легкой грустью понимаем, что глубокая и захватывающая история завершена. Вряд ли соавторы когда-нибудь вернуться в мир кровных братьев — зато впереди нас ждет немало новых, таких же интересных и проработанных вселенных.

СОДЕРЖАНИЕ

КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ

<i>Пролог</i>	7
<i>Глава 1. Сканэр</i>	10
<i>Глава 2. Совет</i>	28
<i>Глава 3. Смена инсценировок...</i>	39
<i>Глава 4. Почти бессмертие</i>	54
<i>Глава 5. «Рыцарь ночи»</i>	67
<i>Глава 6. Мастер Смерти</i>	75
<i>Глава 7. Асиман</i>	88
<i>Глава 8. Искусство фэри</i>	105
<i>Глава 9. Доброй ночи, нахтототер!</i>	118
<i>Глава 10. Гринхолл</i>	137
<i>Глава 11. Золотая леди</i>	153
<i>Глава 12. «Волков надо убивать...»</i>	161
<i>Глава 13. Сердце художника</i>	168
<i>Глава 14. Herr Mannelig.</i>	183
<i>Глава 15. Витдикта</i>	194
<i>Глава 16. Композитор</i>	204
<i>Глава 17. Изгнание</i>	209

КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ

<i>Глава 1. Вивиан «никто»</i>	223
<i>Глава 2. Рапаит</i>	228
<i>Глава 3. Мастер Смерти.</i>	242
<i>Глава 4. Женщина в белом</i>	248
<i>Глава 5. Незванные гости</i>	252
<i>Глава 6. Неприятное известие.</i>	259
<i>Глава 7. Близнецы</i>	263
<i>Глава 8. Новая семья</i>	269
<i>Глава 9. Тайны некромагии</i>	277
<i>Глава 10. Леди</i>	283
<i>Глава 11. «Восточный экспресс»</i>	290
<i>Глава 12. Призрак прошлого</i>	303
<i>Глава 13. Вниз, по крысиной норе.</i>	309
<i>Глава 14. Бетайлас</i>	320
<i>Глава 15. Дар бэньши</i>	329
<i>Глава 16. Бирюзовое пламя</i>	333
<i>Глава 17. Новый год</i>	341
<i>Глава 18. Возвращение</i>	351
<i>Глава 19. Плач Гиены</i>	359
<i>Глава 20. Фэри</i>	364

Глава 21. Сеть Аида	373
Глава 22. Пробуждение	377
Глава 23. Ревенант	384
Глава 24. Истина творца	392
Глава 25. Александр	399
Глава 26. Судья	404
Глава 27. Медуза	413
Глава 28. Дневник Даханавара	422
Глава 29. Гин-чи-най	429
Глава 30. Ночь летнего солнцестояния	435
Глава 31. Путь в Маг Мелл	454
Глава 32. Негоциант	470
Глава 33. Позорный трон	481
Глава 34. Испытание	491
Глава 35. Волчица	495
Глава 36. Даханавар	500
Глава 37. Восставший из лугата	505

ОСНОВАТЕЛЬ

Глава 1. Крест Основателя	513
Глава 2. Опасный гость	522
Глава 3. Чужак	528
Глава 4. Частности дипломатии	538
Глава 5. Число смерти	542
Глава 6. Старейшина	549
Глава 7. Нахтотерин	556
Глава 8. Прорицание	565
Глава 9. Путь Смерти	572
Глава 10. Свободен	583
Глава 11. Таинство искусства	587
Глава 12. Видящий смерти	592
Глава 13. Темпо сигант	601
Глава 14. Дух огня	606
Глава 15. Дом у дороги...	624
Глава 16. Тень Витдикты	629
Глава 17. Белая готика	633
Глава 18. Ответная услуга	643
Глава 19. Амулет	654
Глава 20. Верный друг	662
Глава 21. Маскарад	666
Глава 22. Жало	674
Глава 23. Ледяные джинны	683
Глава 24. Тени предков	701
Глава 25. Мысль художника	710
Глава 26. Грань	715
Глава 27. Полное искажение	721
Глава 28. Знак лугата	727
Глава 29. Чужая стая	738
Глава 30. Триада	745
Глава 31. Волчий глаз	752
Глава 32. Дом на набережной	760
Глава 33. «Непобедимый»	767
Глава 34. Сила лудэра	772

<i>Глава 35.</i> Совет отверженных	778
<i>Глава 36.</i> По ту сторону Витдикты	783
<i>Глава 37.</i> Большой круг	788
<i>Глава 38.</i> Иллюзия...	793

НОВЫЕ БОГИ

<i>Глава 1.</i> Оплата долгов	809
<i>Глава 2.</i> Ответная услуга	812
<i>Глава 3.</i> Сады боли	818
<i>Глава 4.</i> Расплата	833
<i>Глава 5.</i> Под защитой Смерти	842
<i>Глава 6.</i> Северная резиденция	847
<i>Глава 7.</i> Убежище ревенанта	857
<i>Глава 8.</i> В мир под крестом	865
<i>Глава 9.</i> Немного покоя во время чумы	870
<i>Глава 10.</i> Телохранитель	888
<i>Глава 11.</i> Досадная неизбежность	902
<i>Глава 12.</i> Вера и верность	910
<i>Глава 13.</i> Ревенант	917
<i>Глава 14.</i> «Хранители»	928
<i>Глава 15.</i> Под сенью Армагеддона	933
<i>Глава 16.</i> Сон бэньши	939
<i>Глава 17.</i> Возвращение в столицу	945
<i>Глава 18.</i> Большой круг	949
<i>Глава 19.</i> Вторая жизнь	953
<i>Глава 20.</i> Люди и нелюди	957
<i>Глава 21.</i> В осаде	967
<i>Глава 22.</i> Город призраков	974
<i>Глава 23.</i> Ученица	986
<i>Глава 24.</i> Смерть на рейде	993
<i>Глава 25.</i> Утраченные иллюзии	1004
<i>Глава 26.</i> Royal flash	1008
<i>Глава 27.</i> Сила врага	1016
<i>Глава 28.</i> Холод вечности	1025
<i>Глава 29.</i> Тайна Вольфгера	1032
<i>Глава 30.</i> Тропа оборотней	1052
<i>Глава 31.</i> Эпицентр	1059
<i>Эпilog</i>	1070

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кланы киндрэт, согласно «Истории киндрэт»	1076
Тёмный Охотник. <i>Повесть</i>	1083
Кланы киндрэт, согласно «Новейшей истории киндрэт»	1130
<i>Петр Тюленев.</i> Мера всех вещей	1137